

СК

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020

ТОМ 5 № 4

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2020

ТОМ 5 № 4

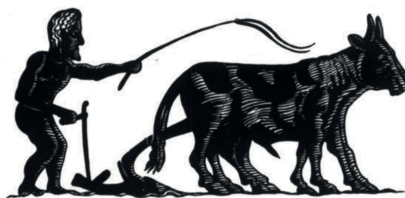
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Олонецкий дед». Из цикла «Рассея». Б.Д. Григорьев 1918.
Псковский объединенный музей заповедник.

Содержание

От редакции 6

Теория

Worobec C.D. The influences of A.V. Chayanov and Teodor Shanin on the English-language historiography of peasants. 8
Bernstein H. Shanin, Chayanov and peasant studies of Russia and beyond 32
Круглый стол «Памяти Теодора Шанина» 39

История

Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986) 78
Савинова Т.А. Вятское земство и исследования статистика Н.Н. Романова 118
Павлюкевич Р.В., Васютин И.А. Динамика численности трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Красноярского края в эпоху преобразований Н.С. Хрущева 131
Зверев В.В. «Последний поклон» В.П. Астафьева и основы крестьянского мира 142

Современность

Божков О.Б. Троцук И.В. Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона 162
Эфендиева Т.Ж. Инновации в сельских школах Кабардино-Балкарии 180

Рецензии

Никулина Е.С. Тайны агроландшафтов Нечерноземья. 184

Научная жизнь

Обозный К.П. Сталинская коллективизация — взгляд 90 лет спустя 188
Fitzé E. Interdisciplinary panel on the Russian peasantry and notions of ‘Russianness’, at the Annual Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES), 8 November 2020 198

Указатель статей, опубликованных в 2020 году 202

Russian peasant studies

Vol. 5. 2020. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, (chairman) University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borras Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J.A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

Editors' foreword 6

THEORY

Worobec C.D. The influences of A.V. Chayanov and Teodor Shanin on the English-language historiography of peasants in the Russian Empire. 8

Bernstein H. Shanin, Chayanov and peasant studies of Russia and beyond 32

Round table 'In memory of Teodor Shanin' 39

HISTORY

Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986) 78

Savinova T.A. Vyatka zemstvo and studies of the statistician N.N. Romanov 118

Pavlyukevich R.V., Vasyutin I.A. Dynamics of the number of labor resources in the Krasnoyarsk Region agriculture under N.S. Khrushchev's transformations 131

Zverev V.V. 'Last greetings' from V.P. Astafiev and foundations of the peasant world 142

THE PRESENT TIME

Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Post-Soviet farmers' international in the agriculture of the North-West Region 162

Efendieva T.Zh. Innovations in rural schools of Kabardino-Balkaria. 180

REVIEWS

Nikulina E.S. Secrets of the agricultural landscapes in the Non-Black-Earth Region 184

SCIENTIFIC LIFE

Obozny K.P. Stalin's collectivization — 90 years later 188

Fitzé E. Interdisciplinary panel on the Russian peasantry and notions of 'Russianness', at the Annual Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES), 8 November 2020. 198

Index of articles published in 2020. 202

От редакции

Этот номер посвящен основателю ежегодника «Крестьяноведение» и первому председателю редакционной коллегии журнала «Крестьяноведение» профессору Теодору Шанину (1930–2020), ушедшему из жизни в этом году незадолго до своего 90-летнего юбилея.

В выпуске журнала представлены материалы круглого стола памяти Теодора Шанина, состоявшегося в рамках Чайновской международной конференции 22–23 октября 2020 года, и ряд статей иностранных и российских ученых, анализирующих шанинское научное наследие.

Мы также объявляем, что новым председателем редколлегии журнала «Крестьяноведение» избрана замечательный британский ученый профессор Джудит Пэллот.

Джудит Пэллот, почетный профессор Оксфордского университета, член редколлегии журнала *Eurasian Geography and Economics*, президент Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований (2016–2019). Она один из крупнейших зарубежных специалистов в области исторической географии и сельской социологии России, автор многочисленных книг по истории, географии, экономике сельской России, среди них: *Transforming Peasants: Society, State and the peasantry, 1861–1930*. Macmillan, 1998; *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford University Press, 1999; *Pallot J. and Nefedova T. Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Soviet Russia*. Oxford University Press, Oxford, 2007. В настоящее время профессор Пэллот чрезвычайно продуктивно работает в области сравнительных ис-

торико-социологических гендерных исследований пенитенциарной системы России и Европы, о чем свидетельствует ее последняя монография Pallot J. and Katz E. *Waiting at the Prison Gate: Women, Identity and the Russian Prison System*. I.B. Tauris and Co. Ltd., 2017. Редакция журнала «Крестьяноведение» выражает благодарность и признательность профессору Паллот, ученику и коллеге профессора Теодора Шанина, за согласие стать председателем редколлегии нашего журнала и выражает пожелания дальнейшей плодотворной интеллектуальной деятельности во благо взаимного развития российских и международных аграрных исследований.

The influences of A.V. Chayanov and Teodor Shanin on the English-language historiography of peasants in the Russian Empire

C.D. Worobec

Christine D. Worobec, Distinguished Research Professor Emerita, Northern Illinois University. 1425 W. Lincoln Hwy., DeKalb, IL 60115-2828. E-mail: worobec@niu.edu.

In the 1980s, various influences were at play in producing a groundswell of interest in the Russian Empire's peasantries, not least of which were the works of A.V. Chayanov and Teodor Shanin. The interdisciplinary social history movement, which eschewed traditional political history and its focus on elites, arose in the 1960s. The initial interest in biographies of Russian revolutionary men and women and histories of the nascent Russian working class and labor movement in order to explain the revolutions of 1905 and 1917 were suddenly supplemented and eventually displaced by an avid interest in peasants. The article examines the conclusions that the first-wave of scholarship on the peasantries of the Russian Empire produced. It shows how the ideas of Chayanov and Shanin remained dominant but were challenged by archival sources, histories on the micro- and regional levels, and attention to household tensions, gender issues, craft production and non-agricultural trades, growing literacy, as well as out-migration and return migration. By the mid-1990s, it became impossible to talk about a generalized autarkic, insular, cohesive as well as egalitarian Russian peasant society with traditional mores and customs that rebelled spontaneously because of its immiseration. The post-structural turn had furthermore begun to chip away at the veracity of statistics produced in the late nineteenth and early twentieth centuries and to question depictions of peasants which tended to emphasize their dark, primitive, and seemingly backward nature. Although this turn almost dried up interest in Russian peasant studies, a steady stream of historical works began to appear again in the first decade of the twenty-first century. We now have a firmer grasp of an economically and socially differentiated peasantry, the contours of the normal political accommodation that peasants made with the state (instead of always resisting it), and peasants' utilization of the legal system to challenge their neighbors and family members. Furthermore, we know how a moral economy operated between the state and its peasant taxpayers and how and why *zemstvo* statistics produced Chayanov's brilliant model of the dominant middling peasant household. At the same time, the agency with which Chayanov and Shanin infused the peasants has taken center stage in historical analyses.

Key words: Chayanov, Shanin, peasantry, Russian empire, Russian peasant society, peasant household, peasant commune, traditional political history, post-structural turn, moral economy

DOL: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-8-31

In the summer of 1986, two major conferences devoted to peasants in Imperial Russia were held in London and Boston. These meetings followed on the heels of a 1982 colloquium on Russian peasants, which Moshe Lewin and Alfred Rieber organized at the University of Pennsylvania “to get at the Russian peasantry in its own terms”, and a 1983 international comparative conference in Montreal, which was devoted to agrarian economies within industrializing Europe, Russia, and North America. Although there was some overlap in the participants, an astonishing total of more than fifty scholars took part in the 1983 and 1986 meetings (Rosenberg, 1993: 843). For the first time, senior and junior scholars shared exciting new research about Russian and Ukrainian peasants in the long nineteenth century, although most addressed the post-emancipation era. Three edited volumes of essays, two of which focused on Imperial Russia, resulted from the discussions (Bartlett, 1990; Kingston-Mann, Mixter, Burds, 1989). Of the latter two, one explored the diverse nature of the Russian commune and the other investigated various aspects of the social, political, and economic life of Russian and Ukrainian peasants. Individual monographs on various topics mainly on the Russian peasantry in the post-reform period appeared either in tandem with the conferences and publications, or soon followed (see, e.g.: Bushnell, 1985; Edelman, 1987; Eklof, 1986; Engel, 1994; Hoch, 1986; Moon, 1992; Ransel, 1988; Seregny, 1989; Worobec, 1986; 1991)¹.

Numerous influences were at play in producing a groundswell of interest in the Russian Empire’s peasantries, not least of which were the works of A.V. Chayanov and Teodor Shanin. The interdisciplinary social history movement, which rejected the traditional political history and its focus on elites, arose in the 1960s. The initial interest in individual and collective biographies of Russian revolutionary men and women, and histories of the nascent Russian working class and labor movement to explain the 1905 and 1917 revolutions were suddenly supplemented and eventually displaced by an avid interest in peasants (see, e.g.: Bergman, 1983; Evans Clements, 1979; Engel, 1983; Engelstein, 1982; Gleason, 1980; Koenker, 1981; Venturi, 1960; Zelnik, 1971)². The English translation of Chayanov’s essays in 1966, Sha-

1. Unfortunately, Zack J. Deal’s forward-looking provincial study of the Ukrainian peasants’ agricultural practices, which detrimentally affected the environment of the steppe, *Serf and State Peasant Agriculture: Kharkov Province, 1842-1861* (1981), came out earlier and got lost in the explosion of the new literature. For a synthesis of the findings of the new historiography see David Moon’s magisterial *The Russian Peasantry 1600-1930: The World the Peasants Made* (1999). See also Ben Eklof’s important historiographical essay, “Ways of seeing: Recent Anglo-American studies of the Russian peasant” (1988), which previewed much of this literature. My apologies to scholars whose work I might have inadvertently left out.
2. Robert Eugene Johnson’s *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century* (1979) constituted an important

nin's reinterpretation of Chayanov's ideas and those of *zemstvo* statisticians in his seminal 1972 *The Awkward Class*, and Jerome Blum's 1972 *Lord and Peasant in Russia* joined Geroid Tanquary Robinson's classic 1932 work on rural Russia in providing common readings on Russian peasants for faculty and graduate students in universities in North America and the United Kingdom (Chayanov, 1966; Shanin, 1972; Blum, 1972; Robinson, 1972). It was no coincidence that Shanin, who was then a faculty member of the University of Manchester, served as a key commentator at the 1986 conferences in London and Boston. At approximately the same time that works on peasants in Russia appeared in English, the French Annales School were producing exciting regional studies of the French peasantry and raising important demographic questions, while the Cambridge School was tackling the reconstruction of households in Europe and elsewhere for comparative purposes (see, e.g.: Goubert, 1986; le Roy Ladurie, 1978; Henry, 1967; Laslett, Wall, 1972)³. Last but not least, James Scott's ground-breaking book on the moral peasant economy or subsistence ethic in Southeast Asia appeared in 1976 (Scott, 1976). Including pioneering anthropological works by Eric Wolf (1966) and Robert Redfield (1962), the new field of 'peasant studies' presented the very real possibility that peasant economies across the globe shared similarities, although that assumption still had to be tested (Karagodin, 2002).

The mid-1960s rediscovery of Chayanov's focus on the dynamic peasant household in Imperial Russia and the agency of non-capitalist-minded peasants in determining their expenditure of labor to meet subsistence needs for the reproduction of that economic-social unit provided exciting fodder for social historians. By the early 1980s, several micro-studies of large serf estates in agricultural areas of pre-reform Imperial Russia had reconstituted peasant household structures, among which complex multi-generational families predominated (Dean Bohac, 1982; Czap, 1978). Those complex family units were supposedly kept in check, at least on large estates, by bailiffs who carried out their absentee serfowners' restrictions on household divisions to maximize labor production on both manorial and communal lands. Even so, smaller and less complex family units did exist, and the dying out and merger of households had to be explored. For the post-reform period, Chayanov's model of the dynamic peasant household provided a stark contrast to the static nature of

transitional work between the Russian working class and peasantry with its emphasis on *zemliachestvo*, the links that male peasant migrants to the cities kept to their rural communities by seeking out co-villagers or villagers from the same *volost* in urban areas and returning frequently home to visit wives, children, and parents.

3. Michael Confino's pioneering work on Russia's agrarian systems was inspired by the Annales School. See his *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle* (1963); and *Systèmes agraires et progrès agricole* (1969).

zemstvo statistics. In presenting the average rather than mean sizes of households, populist-minded *zemstvo* statisticians avoided the subject of household/family structures until the late nineteenth century. By the 1880s, some *zemstvo* agronomists joined government observers in their concern over an increasing number of ‘weaker’ nuclear families resulting from peasants’ supposedly ‘irrational’ behavior in prematurely separating from their households prior to the death of the *bolshak* or household head⁴. They assumed that these smaller households would remain perpetually nuclear.

Although Chayanov would focus on the life cycle of middling peasant families which tended, as he argued, to be nuclear in composition, he did not discount the existence of complex or extended multi-generational families. These families resulted when a marrying son brought his wife to his father’s household to compensate for the marrying daughter who departed the paternal home for that of her in-laws. A nuclear family could similarly become more complex with time before breaking into separate units again. Shanin’s expansion of Chayanov’s thinking to move beyond the middling peasant (who became prevalent as a result of peasants’ seizing private lands in the midst of the 1917 Revolutions) and to view household division as a leveling and equalizing mechanism added to the discussion.

However, Chayanov had not investigated the nature of the hierarchical patriarchal household in which women and children contributed labor shares in subordinate positions to the household head. Nor had he explored the extended and complex family situations in which the *bolshukha* (the household head’s spouse) organized and acculturated the women and children beneath her. Historians of Russian peasants, including myself, Barbara Engel, Beatrice Farnsworth, Cathy Frierison, Rose Glickman, Judith Pallot, and David Ransel, followed Shanin’s tantalizing and perceptive lead in pointing to (if not developing) ‘sex and age’ as important factors within the peasant household that could lead to dissension (Shanin, 1972: 175-177).

At a time when gender had not yet become a major category of analysis in historical work⁵, we began to explore in varying degrees

4. The Administration for Peasant Affairs reported in the 1880s that 2,371,248 peasant households in forty-six provinces of European Russian had splintered in the two decades since emancipation. Of these, only 12.8% had been carried out with permission from village assemblies. Provincial governors supplemented the statistics by pointing to a higher rate of household divisions between 1874 and 1884. The higher percentage of families without an adult male laborer or with only one — 52.4% for thirty-seven provinces — was thought to reflect the negative effects of household divisions. These numbers proved to be inflated, as demonstrated by the *zemstvo* statistician N. Chernenkov (Worobec, 1991: 92-94). On other *zemstvo* statisticians’ assessments, see: Frierson, 1987: 37, 39, 43-45.

5. Gender as a category of analysis has become pervasive in scholarship, but it is still a relatively new concept. One of the first volumes on the subject

women's agricultural and non-agricultural labor, social, cultural, and monetary contributions to the household as well as their accommodation of and challenges to the patriarchy (Worobec, 1991; Engel, 1990; Engel, 1986; Farnsworth, 1986; 1990; Frierson, 1987; Glickman, 1991; Pallot, 1991; Ransel, 1988). Women's championing of their customary property rights in the *volost* (township) courts, for example, revealed tensions within the peasant household that did not conform with the notions of an egalitarian peasant society that minimized dissension through the leveling mechanisms of the strong "traditional social structure..., family loyalties, ...[and] pressure from [the] conservative public opinion of the village community" (Shanin, 1972: 175). Well before the World War I, scores of daughters-in-law, soldiers' wives, childless widows, and later wives of migrant husbands fought their marginalization within larger households and sometimes disinheritance. Some even sought separations from abusive husbands. I only mention the war years here, because Shanin saw them as providing the pivotal moment when women took charge of the domestic agricultural economy and participated more fully in village self-government, allowing them to act from a position of strength (Shanin, 1972: 275-276). Women's protests against the Stolypin reforms and price gouging during the war were instrumental in adding a domestic side to the increasing battlefield fatigue, desertions, and anger with the state manifested by rank-and-file peasant soldiers, these women's husbands, fathers, and other kin (see, e.g.: Engel, 1997; Badcock, 2004; Baker, 1999; Moore, 2018)⁶. It is nonetheless equally important to understand that changes in peasant women's roles and status had begun earlier. Women in areas of heavy male out-migration in the Central Industrial Region and the north had increasingly enjoyed enhanced economic and political positions from the 1880s onwards, establishing what Dmitry Nikolaevich Zhbakov identified as 'women's kingdoms' (Zhbakov, 1891; see also: Engel, 1986; 1994). Independent-minded women in various regions were also instrumental in pleading for pre-mortem household divisions throughout the post-emancipation era (Frierson, 1987: 46-47, 49; Worobec, 1991: 80-82).

Unfortunately, physical violence against women within the peasant household may have impeded a majority of women from rebelling against their subordination. At least Orthodox peasant women could escape that violence temporarily by leaving the village periodically as pilgrims to holy shrines at monastic institutions near and far to commune with other women and to seek the help of their saintly in-

appeared in the collection of anthropological essays (Ortner, Whitehead, 1981). Joan Wallach Scott's seminal essay (1986) revolutionized many social historians' thinking about women's history but it took them many years to produce scholarship centered around the concept of gender.

6. I am grateful to Dr. Moore for providing me with a copy of her book chapter.

tercessors⁷. Others in the Central Industrial and northern regions enjoyed reprieve from spousal abuse when their migrant-laboring husbands were absent from the village for lengthy periods, although in complex households they remained vulnerable to abuse from in-laws who cast aspersions on their family loyalty, work habits, and marital fidelity (Engel, 1986).

Shanin's general argument that "'centripetal' (leveling) mechanisms of peasant household mobility outweighed 'centrifugal' (differentiating) mechanisms" (Bernstein, 2018: 1132), pushed the historians of the 1980s and 1990s to test the theory and some of Shanin's other claims in *The Awkward Class*. Archival sources, micro- and regional case studies of peasants, growing attention to artisanal production and other non-agricultural trades (such as wet-nursing, thread and cloth-making, and fashioning the paper mouth pieces for *papirrosy* [cigarettes]), increasing literacy, male out-migration and return migration highlighted differentiating factors and the heterogeneity of Russian and Ukrainian peasants. Local social-economic conditions, local and regional identities and customs, as well as varying land tenure and communal systems had to be taken seriously (Worobec, 2003: 256-276). These conclusions would not have surprised Shanin who came to realize that "peasant studies [entailed] a journey of discovery" and that peasant societies were in constant flux (van der Ploeg, 2018: 694). By the mid-1990s, it was becoming increasingly impossible for specialists to talk about a generalized autarkic, insular, cohesive as well as egalitarian Russian peasant society with traditional mores and customs, which rebelled spontaneously because of its steady immiseration amidst the exploitation of the state, although these characterizations remained entrenched in textbooks.

Contrary to the prevailing view that went back to Robinson's work and one to which Shanin subscribed in *Russia as a 'Developing Society'* (1986), the Russian peasants' standard of living had by the early twentieth century in fact improved. Economic historians Paul Gregory, Stephen Wheatcroft, and Peter Gatrell looked at grain harvest yields, sown land, and taxes, asserting that only in the vast steppes of the Volga, where the 1891 famine hit the hardest, was low-yield agriculture the norm (Gregory, 1983; 1994; Wheatcroft, 1991; Gatrell, 1986). "Richer peasants in the Central Non-Black-Earth Region around Moscow and, especially, the peripheral regions of the North-West, Baltic, Southern Ukraine, and Siberia diversified into commercial production of grain, [and more profitable] industrial crops such as flax, livestock and dairy produce" (Moon, 2005: 122). More recently, economic historians point to 'the competitive if not superior' nature

7. Brenda Meehan first drew attention to the importance of pilgrimages in the lives of Orthodox women of various classes in her *Holy Women of Russia: The Lives of Five Orthodox Women Offer Spiritual Guidance for Today* (1993: 52, 63-69, 75, 77, 127).

of communal family farms in producing labor-intensive crops vis-à-vis ‘private farming’ even in the Central Industrial Region. They conclude that open-field communal farming with its rising overall yields “might have minimized... enormous risks” in adapting to market conditions (Kopsidis, Bruisch, Bromley, 2015: 438, 441; Leonard, 2011: 137-140). At the same time, peasants in some communities introduced a four-field system and/or planted fodder crops, demonstrating once again the flexibility rather than the rigidity of communal agriculture (Kingston-Mann, 1991). Still other peasant communities had ceased repartitioning allotment lands to avoid losing precious allotment lands when the number of laborers or eaters in the households decreased as part of the normal family life cycle. Rented and purchased land also increased the peasants’ arable land as demographic pressures set in.

Male out-migration in the Central Industrial Region to Moscow and Saint Petersburg affected village economies far more positively than historians initially assumed as households became dependent upon the remittances of wage labor and were inundated with coveted consumer goods (Burds, 1998: Ch. 6). Comfortable and sanitary cotton dresses, aprons, and headscarves had become common in the late nineteenth century countryside. More fashionable clothing also reflected women’s growing self-worth and independence. Male migrants, who tended to retire in the village, brought independent ideas and ways, although ultimately they did not abandon patriarchal thinking when became household heads.

As historians’ findings began to challenge the picture of peasant backwardness irrationality painted by the late nineteenth-century commentators, the post-structuralist turn in historical studies forced scholars to question the veracity of supposedly objective and scientific Russian government statistics on peasants, including those compiled by populist-minded *zemstvo* statisticians, and to uncover the purposes behind their collection⁸. Paradoxically, in hoping to “discover in their mounds of socio-economic data a communal ‘law of gravity’ that demonstrated that communal institutions need not be abandoned in order to ensure Russia’s economic future”, *zemstvo* statisticians with their socially constructed data, according to David Darrow, unwittingly “offered defenders and detractors of the commune a [critical] tool with which to examine communal life” (Darrow, 2001: 789; see also: Stanziani, 2017). Ultimately, government reformers used *zemstvo* data to dismantle the ‘backward’ commune immediately after the 1905-1907 Revolution by the utopian Stolypin reform project. This was a time when the state no longer found the commune palatable and a bulwark against peasant unrest. Although peasants were able

8. For a pioneering work on the problems with Russian government statistics regarding crimes committed by women, see Stephen P. Frank’s “Narratives within numbers: Women, crime and justicial statistics in Imperial Russia, 1834-1913 (1996).

to mold the Stolypin project to suit their needs, as brilliantly demonstrated by Judith Pallot, the reforms also allowed them, according to Corrine Gaudin, to attack the subsistence rights of widowed household heads and other marginal women and enhance patriarchal power (Pallot, 1999; Gaudin, 1998).

In addition to quantitative data, qualitative materials produced in the post-emancipation period became suspect in the eyes of historians. These accounts were all penned by observers of peasants who had their own agendas. According to Stephen Frank, ‘moral reformers’ from among the middle- and upper-classes sought to displace supposedly disruptive and uncivilized forms of popular entertainment with more “‘rational’ recreations and invented traditions”. These demonizers emphasized the peasant culture’s hooligan nature, its degeneracy, lawlessness, and decay by portraying rising numbers of rural crimes, alcoholism, and out-of-control carousing at holiday celebrations, markets and fairs. By doing so, they obscured peasant practices (Frank, Steinberg, 1994: 8, 75; see also: Frank, 1992). In fact, distinct peasant voices and distinctive facets of their individualism remained opaque. Even more damning were the stereotypes of the backward, grey peasant masses and female peasant viragos and shrews (who at other times could paradoxically be victims), and the exploitative village *kulaks* that observers, intellectuals, and the literati perpetuated in the late nineteenth century as the populist idealism of peasants had taken a toll after the movement to the people of the mid-1870s to foment revolution had fizzled out due to peasants’ lack of enthusiasm. Cathy Frierson’s systematic deconstruction of writers’ prejudices and assumptions about Russian peasants made the veracity of these writers’ descriptions of peasant everyday life suspect (Frierson, 1993).

Similarly, the discourses and policies of late imperial economists, agronomists, and senior government officials to modernize Russia’s peasants with “ostensibly benevolent rationales” came under historians’ scrutiny (Kingston-Mann, 1999; Kotsonis, 1999)⁹. One of them focuses squarely on the language used by *zemstvo* agronomists, including Chayanov, in promoting agricultural cooperatives. In a highly analytical work Yanni Kotsonis dismisses the claims by agronomists’ and other champions of the cooperative movement to integrate peasants into society and promote their creativity and independence as mere rhetoric. He argues instead that the educated elites patronized and infantilized peasants, while viewing their own roles as specialists, civilizers, and supervisors, as being integral to the cooperatives’ success. “The issue to them was how to use knowledge and material improvement to transform a population [the peasantry] that they believed could not conceive of transforming itself” (Kotsonis, 1999: 95). Without the specialists’ guiding hands, helpless and back-

9. The quotation is from Andy Bruno’s “Russian environmental history: Directions and potentials” (2007: 641).

ward peasants would simply allow their economic enterprises to fall into the hands of village exploiters (the so-called *'kulaks'*). Kotsonis quotes Chayanov's 1918 revised handbook for agronomists as noting that "those broad masses who populated the Russian plains... had neither a voice, nor a creative will, nor a conscious public thought, because they were and they remained atomized". Reacting negatively to peasants attacking the technocrats on the ground in the revolutionary years 1917-1918, Chayanov further lamented that "the Russian people was a *demos*, a dark human mass, whilst it should have been a democracy — a people conscious of itself. And it lacked organization, public experience, and organized public thought to transform from a *demos* to a democracy" (Kotsonis, 1999: 187). Kotsonis forcefully comes to the conclusion that while the Stalinist "dekulakization and military assaults on entire *'kulak* regions' was hardly what cooperators had in mind... They had shared in and contributed to the premise that an attack on *kulaks* was, in effect, an attack on the villages that produced the *kulaks*, fed their power with ignorance and inertia, and lacked the consciousness to oppose or even recognize their enemies". Dekulakization was not simply "an assault on capitalists, traders, [and] *kulaks*". It was "above all [an assault on] backwardness" or what might be better expressed as an attack on a perceived backwardness (Kotsonis, 1999: 188)¹⁰.

Although scholars might not agree with all the conclusions of the early post-structural works on the late nineteenth- and early twentieth-century discourses about the Russian peasantry, concrete evidence was mounting that the notion of peasant backwardness constituted an entrenched construction of Russian educated classes and that contrary to that pessimistic evaluation peasants had been successfully adapting to population pressures, market forces, and the economic opportunities afforded by urbanization and modernization. The abandonment of the paradigm of backwardness in the Anglo-American historiography helps to explain partly why Shanin's *Russia as a 'Developing Society'* received less attention than it might have otherwise and did not influence future writings in the same way that *The Awkward Class* did. Shanin's overall conclusion that "the accumulated contradictions of backwardness within developing society led Russia to the inevitable, revolutionary consequences of the beginning of the twentieth century" struck historians as problematic not only because of its emphasis on backwardness (Nikulin, Trotsuk, 2020: 1552).

Some historians were beginning to move beyond reading the Russian history backwards and assuming that the Revolution of 1905 and the subsequent revolutions of 1917 were inevitable. There was also a clash of disciplines in play as historians do not subscribe to mod-

10. For a critical assessment of Kotsonis's work see Илья В. Герасимов's "On the limitations of a discursive analysis of 'experts and peasants' (An attempt at the internationalization of a discussion in *Kritika*)" (2004).

els. Neither do they search for a universal peasant type. Shanin's argument "that pre-revolutionary Russia was a developing society and that its revolutions were the first of a kind" as well as implication that "revolutions of the 'Russian type' continue to be historically possible" in developing societies fell on Russian historians' deaf ears (Djurfeldt, 1988). That said, the preeminent historian of Russia and Eurasia Alfred Rieber applauded Shanin's second volume of *Roots of Otherness* noting that it constituted "one of the best treatments of the Revolution of 1905-1907 in any language" (Rieber, 1988; Shanin, 1986). Shortly thereafter, Robert Johnson (the specialist on peasant out-migration to Moscow) wrote that some of that volume's "most impressive pages are devoted to the 'Peasant Dream', a synthesis of old and new, which Shanin defined as a "terminology of conservatism, conventionality, patriarchalism, religion and often parochialism and semi-magical beliefs injected with new and radical words, views and experiences, and put to use to grasp and shape a rapidly transforming society" (Johnson, 1991: 1248). Based on prodigious research, Shanin's second volume remains the definitive study of peasant rebellions in the first Russian Revolution¹¹.

Although the post-structural turn might have and, indeed, seemed to many scholars to have sapped interest in Russian peasant studies by challenging the veracity of historical statistics gathered on ideological grounds and contemporary observers' descriptions of peasants' activities and world view (Gerasimov, 2004: 261), a steady stream of historical works began to appear again in the late 1990s and first decade of the twenty-first century. These publications resulted in part from the early 1990s' opening of the Russian and Ukrainian national and regional archives, especially fonds dealing with religious and legal matters that provide better documentation about peasants' behavior and beliefs. The gap can also be explained by the fact that those historians of the first wave of English-language publications on peasants in Imperial Russia, who decided to return to this subject matter, generally took about a decade to produce new works. In some cases, an abundance of archival materials and the necessity of more frequent research trips abroad to access those materials slowed down the completion of projects. A third factor also came into play, which may have had the adverse effect of newly published works sometimes falling under the radar of specialists on the peasantry. As historians of imperial Russia grabbed with the post-structural critique and the need to historicize all primary sources, they were forced to provide information about and analyses of not only peasants but also the individuals who wrote about and interacted with them. In doing so, they often turned to unexplored subjects that sometimes come under the

11. Only a couple of scholars in the United States have written monographs on peasant rebellions in 1905-1907 and they are both excellent. See; Seregny, 2013.

rubric of historical subfields other than peasant studies. These include the new cultural history, religious history, legal history, environmental history, and the history of empire and colonization, most of which have become more fashionable in the historical profession in the last few decades. Some of the titles of works discussed below do not include 'peasants' or other key words such as 'countryside' or 'rural' in their titles. The compartmentalization of historical studies in recent years can sometimes be its own worst enemy as it becomes more difficult for scholars to cross various divides or read beyond their own narrower interests. On the other hand, these new approaches have broadened our understanding of peasants.

Chayanov's and Shanin's emphasis on social-economic factors as being dominant in shaping the lives of Russian peasants and their Ukrainian counterparts mirrored the thinking of their contemporaries — be they the economists and agronomists of the late Imperial period or the post-World War II anthropologists, sociologists, economists, and historians who studied peasants around the globe. What was conspicuously absent from the discussions of peasant societies was an attempt to uncover their actual religious world views. References to peasants' traditions and superstitions certainly abounded and fit Shanin's concept of centripetal forces within the peasant community, but they were always in the context of peasants' traditionalism and primitivism or lack of civility, traits that would disappear with modernization, whether it be capitalist or non-capitalist in nature. Secularization theory dominated all disciplines until relatively recently. Steadfast belief in the hegemony of secular norms and dechristianization was only entrenched by what appeared to be the success of the atheistic Soviet regime. It did not help historians of the Russian and Ukrainian peasantries in their attempts to discover pure or authentic peasant beliefs that dated back to pre-Christian or pagan times, because the nineteenth-century ethnographers who chronicled peasants' religious beliefs generally focused on those beliefs they labeled as being divorced from established religion. Their embrace and propagation of the concept of *dvoeverie*, which they erroneously defined as consisting ancient beliefs covered with a thin veneer of Orthodoxy or at best an amalgam of paganism and Orthodoxy, to describe peasant beliefs in the modern era has had tremendous holding power on scholarship to this day (Levin, 1993; Worobec, 1994; Rock, 2007). The successful revival of the Orthodox Church and other religious dominations in both Russia and Ukraine has nevertheless severely punctured the secularization and dechristianization paradigm.

As a social historian of post-emancipation Russian and Ukrainian peasants, I had little inkling that I would delve deeply into a study of Russian Orthodoxy when, in the early 1990s, I embarked on what became a study of demonic possession in Imperial Russia (Worobec, 1992). I use my own experience to demonstrate how my subject matter evolved as I unexpectedly made the transition from a social historian

to a cultural historian once new primary sources came to my attention and I found myself needing to take post-structuralism seriously. My original research plan, influenced by Moshe Lewin's stimulating essay on Russian peasants' religious beliefs and their fascination with demons on the eve of collectivization, involved conducting a comparative study of demonology among Russian, Ukrainian, and Belarusian peasants (Lewin, 1985). The project soon evolved into a comparative study of witchcraft among Russian and Ukrainian peasants (for which ethnographic and legal descriptions existed) (Worobec, 1995; see also: Frank, 1987; 1999).

As soon as I discovered religious writings, particularly the genre of miracle tales, as well as early twentieth century psychiatric reports about what doctors deemed to be epidemics of religious hysteria in the countryside, I found myself having to grapple with the phenomenon of *klikushestvo* or demonic possession. That meant uncovering its definitions, its provenance and evolution, and, in following the lead of Stephen Frank and Cathy Frierson, its representations. The feminization of possession starting in the early eighteenth century with Peter I's decrees, and its increasing peasantization beginning in the mid-nineteenth century with the medicalization of hysteria in the treatment of upper- and middle-class women meant that by 1861 demonic possession had become almost exclusively a rural phenomenon. It could periodically disrupt urban centers after the 1860s — with the growth in numbers of peasant women pilgrims — and by the end of the century of peasant women migrants. *Klikushestvo* joined other aspects of peasant life, which in the eyes of educated society symbolized backwardness, deviance, disorder, suffering, irrationality, and ignorance. Like the fin-de-siècle professional agronomists who wished to civilize and modernize peasants, psychiatrists sought to tame peasant women's unbridled passions, atavism, and backwardness with masculine scientific rationalism. Convinced that demonic possession was a pathological rather than a spiritual illness, doctors tried unsuccessfully to wrest control of the diagnosis and treatment of *klikushestvo* from Orthodox monks, priests, and popular spiritual healers. In the script of the possession drama, clerics and believers shared a similar language, which meant that clerics took seriously their flocks' fears and angst. As it turns out, the thaumaturgical ministrations of Orthodox clergy were far more humane than the incarceration and bromides the psychiatrists offered.

Other contemporaneous studies of peasants' religiosity concentrated their attentions more squarely on peasants' beliefs, often within the framework of modernization theory. In his study of "the role of religion among Orthodox peasants in Voronezh province" Chris Chulos demonstrates the ways in which peasants integrated ritual and theology into their daily practices (Chulos, 2003: 4). As an astute reviewer commented, he convincingly demonstrates that "their religion was no less real than that of intellectuals and church authorities schooled in

religious thought” (Burbank, 2004: 651). Overturning the stereotypes of peasants as traditionalists and fatalists, Chulos argues that popular religious practices in the home and community as well as peasants’ marking of religious feasts, their making of pilgrimages to local and national saints, and their engagement with a growing Orthodox religious literature as they became more literate provided peasants with a sense of security and hope for future within a modernizing society¹². These practices were also critical to villagers’ understanding of their history and identity at both the local and national levels.

Sergei Zhuk is another proponent of modernization, but he does so in an entirely different way than Chulos (Zhuk, 2004). In examining a number of radical sects that emerged among Ukrainian and Russian peasants in the southern provinces between 1830 and 1917, Zhuk argues that peasants ultimately combined sectarian mysticism and religious enthusiasm with the Lutheranism and Anabaptism they learned from their German-speaking Lutheran and Mennonite neighbors and former colonizers, and Baptist ideas. In doing so, they became bearers of what Zhuk describes as a Weberian enlightened modern Protestant ethic. As productive, sober, non-violent, disciplined, individualistic, and promoters of women’s religious authority (although some of women were sexually abused by religious leaders), they appear in Zhuk’s analysis as being morally and spiritually superior to their Orthodox counterparts, from which they had stemmed, and disdainful of what he describes as a staid and incompetent Orthodox church. This picture contrasts starkly not only with Chulos work, but also with other studies that demonstrate a growing vibrant religious culture within the Orthodox world of the empire, which fostered sectarian groups as well as a better informed Orthodox laity, growing monasticism, especially among women, and social services to the laity, among other developments (see, e.g.: Engelstein, 1999; Kivelson, Greene, 2003; Kizenko, 2000; Paert, 2010; Shevzov, 2004)¹³.

In turning to criminal and legal studies, we also see a mixture of post-structural approaches with more conventional social historical approaches. While I was working on my study of *klikushestvo*, Cathy Frierson undertook the huge task of researching and writing a cultural history of arson in late Imperial Russia from all angles (Frierson, 2002). In *All Russia is Burning!* she traces the ubiquitous presence and threat of fire in the countryside in the second half of the nineteenth century, peasants’ intimate knowledge of fire and its uses, and the very real presence of arson, which peasants used against each other for purposes of revenge, social leveling (one of Shanin’s centripetal elements), and

12. For a different approach that hews more closely to the stereotype regarding the fatalism and traditionalism of Russian peasants, but is more sensitive to the Orthodox context of these beliefs see: Heretz, 2008.

13. For a superb recent synthetic work describing Orthodoxy’s vibrancy over the course of the long nineteenth century see: Poole, 2018.

censure. Armed with her intimate knowledge of post-structuralism, she also traces the apocalyptic rhetoric that some members of the educated society used to describe peasant practices, charging peasants with sloth and ignorance when fire erupted. Even male peasants sometimes unjustly charged their womenfolk with “negligent and willful pyromania” (Brower, 2004). Positivists, on the other hand, perceived the ‘fire question’ to be a pathology that needed taming and controlling. At the same time, in contrast to the works of Darrow and Kotsonis, Frierison paints a positive picture of *zemstvo* reforms and reformers. In the 1890s, changes in *zemstvo* fire insurance programs, the introduction of building codes and new roofing types, and the establishment of voluntary intraclass firefighting brigades were intended to mitigate the effects of fire and reduce its occurrence. She persuasively argues that fire holds the key to explaining Russia’s relative economic poverty in the modern era (wiping out almost 2.7 billion rubles worth of property and crippling communities for months and even years between 1860 and 1904) and illuminates how by the early twentieth century peasants joined forces with *zemstvo* specialists to battle a scourge that repeatedly taxed the countryside’s resources.

The accommodation that peasants made with government officials at the local level is broadened in Corinne Gaudin’s study of Russian peasant communities after the state’s imposition of the land captain in 1889 in the countryside to supervise the peasant local self-government (which amounted to an unprecedented intrusion of the state in peasants’ affairs), to describe the normal and ongoing political accommodations that peasants made with the state in everyday life (Gaudin, 2007). Contrary to Shanin’s and Scott’s thinking, peasants were not constantly resistant to outside forces or in confrontation with a reforming state. Having worked through archival records from the central provinces of Moscow, Riazan, Tambov, and Tver, Gaudin systematically examines how peasants utilized the legal system at the *volost* level and the newly introduced appeal level to challenge and settle scores with their neighbors and family members. According to Gaudin, “more often than not peasants sought to appropriate the weapons of the strong against village rivals” and sought the support of state officials in their disputes. She debunks the stereotype of peasants being at the mercy of *kulaks* and *miroedy*. The peasants’ new and ongoing close interaction with the state even during the Stolypin reforms, when tensions among communal members over land and rights increased, as Gaudin argues, raised peasants’ expectations for a just and non-arbitrary state that remained too slow to respond to their needs. When the Romanov dynasty and its state structure collapsed in 1917, peasants turned to their own ways of doing things to deal with their ongoing rivalries. This turn to the local was anything but a triumph of peasant communalism (Gaudin, 2007: ix).

Gaudin’s arguments also stand in contrast to those of Jane Burbank, who in her meticulous study of *volost* court records from ten

townships, mainly in the vicinity of Moscow and Saint Petersburg (but limited to 1905 through 1917), argues instead that those records illuminate an upwardly mobile and more urbanized peasantry who turned to the *volost* courts in increasing numbers to resolve disputes between neighbors and family members in a peaceful and orderly fashion. Based on this evidence, Burbank concludes that these peasants were integrating themselves into modern institutions and a law-based society, and as such were becoming a part of the civil society. Although she cautions that her townships cannot be considered representative, she criticizes peasant studies as being too insular and goes so far as to claim that the field's usefulness is *passé* (Burbank, 2004). Clearly, the documents concerning peasant appeals of *volost* court decisions and land captains' assessments of villagers' disputes reveal a more complex set of circumstances in other areas of Moscow and other provinces in Russia's center. If Burbank's arguments hold with corroborating evidence from the appeal cases arising from some of the legal suits she studied, we may come away with a greater differentiated and complex peasantry.

The upward mobility of peasants, to which Burbank points, was in fact initially studied by Ben Eklof in his 1986 *Russian Peasant Schools* with regard to the biographies of *zemstvo* schoolteachers, who often came from peasant backgrounds. More recently, Ilya Gerasimov, in trying to break the log jam that he feels the post-structural turn introduced in Russian peasant studies, has studied upwardly mobile peasants after 1907, who graduated from the Moscow Agricultural Institute (where Chayanov studied) and more democratic agricultural colleges to become professional cadres in the countryside. He also examines the post-1905-1907 "voluntary correspondents of the *zemstvo* statistical bureaus", who wrote for a peasant audience, noting that the majority of these writers were peasants (Gerasimov, 2004; 2009). That cooperation between *zemstvo* professionals and villagers also reminds us of the teamwork that Frierson discovered in fighting fire in the Russian countryside in the early twentieth century.

Another positive link between professionals and peasants may be found in the pioneering and exciting work by David Moon on agriculture and the environment in the Russian and Ukrainian steppes between 1700 and the World War I, which is being lauded by environmental historians and historians of the Russian and Ukrainian peasantries alike (Moon, 2013). In this book, nature and agricultural science loom large as major protagonists. Nature challenged the multi-ethnic settlers who began arriving in the steppe region in the eighteenth century and continued to do so well past 1917. In response, agricultural science helped settlers to devise a more sustainable agriculture after the tried-and-true ways of farming sapped the black earth of its richness. Moon joins Ransel as one of the few historians of the peasantry in the pre-revolutionary period (who tend to work

exclusively with archival and library materials) to have done field research, which was made possible only because of the fall of the Soviet Union and eventual relaxation of travel for foreigners (Ransel, 2000)¹⁴. Moon “visited the remaining grassland reserves in southern Russia and Ukraine and felt firsthand the long-term implications of the [monumental] changes” his documents revealed (Sunderland, 2014). The colonials’ encounter with a totally new environment eventually led to new ways of farming after their traditional methods led to the steppe’s deforestation. Combined with changes in climate producing more arid and windier conditions, the soil began to erode, became desiccated and exhausted. The extensive nature of peasant agriculture, which meant farming virgin areas after the older fields were no longer fertile (a practice successfully devised for a very different environment), added to the problems. As Mennonite farmers and agronomists (including the soil scientist Vasily Dokuchaev and others) experimented with new techniques — lighter plows, tree-planting, irrigation, crop rotations, longer fallow periods, and leaving swathes of steppe grasses in place to hold down the soil — peasants’ initial reluctance to adopt them, according to Moon, “was less a symptom of backwardness or local resistance than slow adaptation to a changed environment” (Bruno, 2014: 697)¹⁵. Adaptations began to occur in the late nineteenth and early twentieth centuries.

In another new exciting work, which is less about peasants than the Russian government, David Darrow shows a different side of the relationship between the state and its peasants by demonstrating the ways in which a moral economy operated between the two (Darrow, 2018). According to that economy’s logic, the autocratic state believed that it had a moral responsibility to fulfill the subsistence needs of peasants by provisioning them with land allotments as part of the emancipation agreement. However, as those allotments proved to be increasingly inadequate as dramatic population growth ensued, the state “consistently failed to create ‘normal’ peasants — ...[in other words] those who could subsist on their allotted land alone, using only their household’s labor” (Moore, 2019). In uncovering the details of this obsession with the *nadel*, which led to peasants’ growing dissatisfaction with the state in not providing them with enough allotment land, Darrow explains how and why *zemstvo* statistics helped Chayanov produce his

14. David L. Ransel and his collaborators conducted oral interviews in the early 1990s of three generations of village women, the first cohort of which was born before approximately 1912. For comparative purposes they interviewed not only Russian women, but also Muslim Tatar women about their birthing and childrearing practices and beliefs.

15. Leonard G. Friesen, who grew up on a Mennonite farm in Ontario and has extensive farming experience, has also written about Mennonites’ farming innovations in New Russia and their positive influences on neighboring Russian and Ukrainian peasants. See: Friesen, 1994; 2008.

brilliant model of the dominant middling peasant household within a specific social and political context (Bruisch, 2010)¹⁶.

At the same time, the agency with which Chayanov and Shanin infused the peasants of Imperial Russia in terms of their controlling family size has taken center stage in John Bushnell's 2017 pathbreaking book on Spasovite Old Believer serf women over the course of a century and a half, beginning in the early eighteenth century. As it turns out, the best and most accurate documentary sources (especially demographic information) we have on peasants in the Russian Empire come from the data that bailiffs and serf-owners collected on their estates before emancipation. Having conducted decades of careful and onerous demographic work with these archival materials, Bushnell demonstrates the ways in which Russian peasants controlled and negotiated their economic and social destinies within the confines of serfdom. He uncovers a growing incidence of marriage refusal among women within villages of Russia's upper Volga region. Their rejection of marriage was based upon the Spasovite confession's "existential despair at living in a world in which God had no interest" (Bushnell, 2017: 289). In order for this resistance to marriage to succeed, these women required the support of fathers, brothers, and bailiffs because their maintenance of celibacy upset the abilities of peasant households to reproduce demographically and to sustain economic viability through the practice of almost universal marriage. Here religious beliefs served as a centrifugal force in village communities.

Disrupting peasants' exchanges of daughters among households through marriage alarmed serf-owners and Orthodox peasants alike. Serf-owners from the mid-eighteenth-century onward reacted by charging higher departure fees for brides who married off their estate and by fining households containing unmarried mature women and men. They ended up profiting from increasing the latter fines once they discovered that they could not halt the practice of marriage aversion. Even Spasovite men soon realized that if their households were to survive, given the increasing numbers of dependent women they had to support, they had, like their Orthodox neighbors were now forced to do, to travel to more and more distant estates in search of non-Spasovite brides. Alternatively, they married Spasovite women who rejected the new emphasis on celibacy. Ultimately, Spasovite men's accommodation to economic reality, while at the same time supporting their righteous female relatives' and non-relatives' choice not to marry, did not prevent the economic and demographic weakening of households and sometimes their extinction. Indeed, economic hardship, according to Bushnell, seems to have ended the practice of marriage aversion among Spasovite women in the mid-nineteenth century. Women's agency and resolve had nonetheless been key fac-

16. A similar historicizing of Chayanov's thinking is presented by Katja Bruisch. I am grateful to Dr. Bruisch in sharing a copy of her important essay with me.

tors in disrupting traditional Russian marital practices that peasants had devised for their households' and communities' survival in a system that rewarded households with "village resources based on the number of its married couples" (Bushnell, 2017: 116). Chayanov's sensitivity to the importance of household composition, Shanin's early writings on the workings of the peasant economy, and expansion of Chayanov's understanding of household reproduction have indeed "withstood the test of time" in Bushnell's remarkable work (1988: 87).

In conclusion, this foray into the evolving English-language historiography on peasants in Imperial Russia since the 1980s shows that the influences of Chayanov's and Shanin's thinking were strongest in the first phase of that historiography, which lasted a couple of decades. This was a period when interest in the peasant family, household structures, peasant economy, and functioning of the commune was at its highest. In tandem with this interest, scholars began to turn more and more to women's roles in a patriarchal culture within both household and community. At the same time, although scholars had always been critical in evaluating their sources, those sources themselves by the mid-1990s became the subject of historical inquiry. Historians were beginning to pay more attention to intellectual and cultural history. Several scholars began to dissect the writings that had been produced by contemporary observers and commentators to reveal their ideologies which shaped what they wrote and thought about peasants. This post-structural criticism also applied to the scientific gathering of statistics after emancipation and the overall conclusions of those statistics. That criticism was not done in isolation but was part and parcel of a larger questioning of statistics in general by historians studying modernizing bureaucracies around the world.

The discovery that the backwardness and traditionalism of Russian and Ukrainian peasants, which dominated the thinking of the late Imperial Russian elites, was in essence a construct rather than a mirror of reality had a dramatic impact upon the study of peasants. The opening of the archives in Russia and the newly independent Ukraine after 1991 as well as newer historical approaches also fostered new inquiries. The English-language works of the early twenty-first century on the peasantries in Imperial Russia nevertheless do engage with the ideas of Chayanov and particularly Shanin as well as the government reformers and specialists of late Imperial Russia. They are still evaluating the centripetal and centrifugal forces within peasant societies that Shanin identified and in doing so are revealing more complex and evolving peasant societies and forces that allowed upward mobility among peasants. More case studies, sustained comparative work to include non-Russian and non-Ukrainian agriculturalists, and the continuing engagement with religious studies, environmental history, legal history, colonial history, and other approaches will reveal further understandings of not only peasants but also society as a whole in Imperial Russia.

- ТЕОРИЯ Badcock S. (2004) Women, protest, and revolution: Soldiers' wives in Russia during 1917. *International Review of Social History*, vol. 49, no 1.
- Baker M. (1999) Rampaging *soldatki*, covering police, bazaar riots and moral economy: The social impact of the Great War in Kharkiv Province. *Canadian-American Slavic Studies*, vol. 35, no 2/3.
- Bartlett R. (Ed.) (1990) *Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*, London: Macmillan in association with the SSEES, University of London.
- Bergman J. (1983) *Vera Zazulich: A Biography*, Stanford: Stanford University Press.
- Bernstein H. (2018) The 'peasant problem' in the Russian Revolution(s), 1905-1929. *Journal of Peasant Studies*, vol. 45, no 5-6.
- Bernstein H., Friedmann H., Shanin T., van der Ploeg J.D., White B. (2018) Forum: Fifty years of debate on peasantries, 1966-2016. *Journal of Peasant Studies*, vol. 45, no 5.
- Blum J. (1972) *Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century*, Princeton: Princeton University Press.
- Bohac R.D. (1982) Family, Property, and Socioeconomic Mobility: Russian Peasants on Manuilovskoe Estate, 1810-1861. PhD dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Brower D. (2004) Review of Frierson's *All Russia is Burning!* *Slavic Review*, vol. 63, no 1.
- Bruisch K. (2010) Historicizing Chaianov: Intellectual and scientific roots of the theory of peasant economy. *Jahrbuch für Geschichte des ländlichen Raumes*, vol. 7, pp. 96-113.
- Bruno A. (2007) Russian environmental history: Directions and potentials. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 8, no 3.
- Bruno A. (2014). Review of Moon's *The Plough That Broke the Steppes*. *History*, vol. 99.
- Burbank J. (2004) Review of Chulos's *Converging Worlds*. *Cahiers du monde russe*, vol. 45, no 3/4.
- Burbank J. (2004) *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905-1917*, Bloomington: Indiana University Press.
- Burds J. (1998) *Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861-1905*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Bushnell J. (1985) *Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905-06*, Bloomington: Indiana University Press.
- Bushnell J. (1988) Peasant economy and peasant revolution at the turn of the century: Neither immiseration nor autonomy. *Russian Review*, vol. 47, no 1.
- Bushnell J. (2017) *Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the 18th-19th Centuries*, Bloomington: Indiana University Press.
- Chulos C.J. (2003) *Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861-1917*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Confino M. (1963) *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle*, Paris: Institut d'études slaves de l'Université de Paris.
- Confino M. (1969) *Systèmes agraires et progrès agricole*, Paris: Mouton.
- Czap Jr.P. (1983) A large family: The 'peasant's greatest wealth': Serf households in Mishino, Russia, 1814-1858. *Family Forms in Historic Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 105-151.
- Czap Jr.P. (1978) Marriage and the peasant joint family in the era of serfdom. D.L. Ransel (Ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*, Urbana: University of Illinois Press, pp. 103-128.
- Darrow D.W. (2001) From commune to household: Statistics and the social construction of Chaianov's theory of peasant economy. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 43, no 4.
- Darrow D.W. (2018) *Tsardom of Sufficiency, Empire of Norms: Statistics, Land Allotments, and Agrarian Reform in Russia, 1700-1921*, Montreal: McGill-Queen's University Press.

- Djurfeldt G. (1988) Shanin's Russia. *Acta Sociologica*, vol. 31, no 2.
- Edelman R. (1987) *Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest*, Ithaca: Cornell University Press.
- Eklöf B. (1988) Ways of seeing: Recent Anglo-American studies of the Russian peasant (1861-1914). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 36, no 1.
- Eklöf B. (1986) *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861-1914*, Berkeley: University of California Press.
- Engel B.A. (1994) *Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861-1914*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Engel B.A. (1983) *Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Engel B.A. (1986) The woman's side: Male out-migration and the family economy in Kostroma Province. *Slavic Review*, vol. 45, no 2.
- Engel B.A. (1990) Peasant morality and pre-marital relations in late 19th century Russia. *Journal of Social History*, vol. 23, no 4.
- Engel B.A. (1997) Not by bread alone: Subsistence riots in Russia during World War I. *Journal of Modern History*, vol. 69, no 4.
- Engelstein L. (1982) *Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict*, Stanford: Stanford University Press.
- Engelstein L. (1999) *Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale*, Ithaca: Cornell University Press.
- Evans Clements B. (1979) *Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai*, Bloomington: Indiana University Press.
- Farnsworth B. (1986) The litigious daughter-in-law: Family relations in rural Russia in the second half of the nineteenth-century. *Slavic Review*, vol. 45, no 1.
- Farnsworth B. (1990) The soldatka: Folklore and court record. *Slavic Review*, vol. 49, no 1.
- Frank S.P. (1987) Popular justice: Community and culture among the Russian peasantry, 1870-1900. *Russian Review*, vol. 46, no 3.
- Frank S.P. (1992) Simple folk, savage customs? Youth, sociability and the dynamics of culture in rural Russia, 1861-1914. *Journal of Social History*, vol. 25, no 4.
- Frank S.P. (1994) Confronting the domestic other: Rural popular culture and its enemies in fin-de-siècle Russia. S.P. Frank, M.D. Steinberg (Eds.). *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*, Princeton: Princeton University Press.
- Frank S.P. (1996) Narratives within numbers: Women, crime and judicial statistics in Imperial Russia, 1834-1913. *Russian Review*, vol. 55, no 4.
- Frank S.P. (1999) *Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856-1914*, Berkeley: University of California Press.
- Frank S.P., Steinberg M.D. (1994) Introduction. S.P. Frank, M.D. Steinberg (Eds.) *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*, Princeton: Princeton University Press.
- Frierson C. (1987) Razdel: The peasant family divided. *Russian Review*, vol. 46, no 1.
- Frierson C.A. (1993) *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia*, New York: Oxford University Press.
- Frierson C.A. *All Russia is Burning! A Cultural History of Fire and Arson in Late Imperial Russia*, Seattle: University of Washington Press.
- Friesen L.G. (1994) Bukkers, plows and lobogreikas: Peasant acquisition of agricultural implements in Russia before 1900. *Russian Review*, vol. 53, no 3.
- Friesen L.G. (2008) *Rural Revolutions: Peasants, Nobles, and Estate Owners in Southern Ukraine, 1775-1905*, Cambridge: Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute.
- Gatrell P. (1986) *The Tsarist Economy, 1850-1917*, London: B.T. Batsford.
- Gaudian C. (1998) No place to lay my head: Marginalization and the right to land during the Stolypin reforms. *Slavic Review*, vol. 57, no 4.

C.D. Worobec
The influences of
A.V. Chayanov
and Teodor
Shanin on the
English-language
historiography of
peasants in the
Russian Empire

- Gaudin C. (2007) *Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Gerasimov I.V. (2004) On the limitations of a discursive analysis of 'experts and peasants' (An attempt at the internationalization of a discussion in *Kritika*). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 52, no 2.
- Gerasimov I.V. (2009) *Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia: Rural Professionals and Self-Organization, 1905–1930*, Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gleason A. (1980) *Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s*, New York: Viking Press.
- Glickman R.L. (1991) The peasant woman as healer. B. Evans Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec (Eds.). *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*, Berkeley: University of California Press, pp. 148-162.
- Goubert P. (1986) *French Peasantry in the Seventeenth Century*, trans. by I. Patterson, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gregory P.R. (1983) The Russian agrarian crisis revisited. R.C. Stuart (Ed.) *The Soviet Rural Economy*, Totowa: Rowman and Allanheld, pp. 21-31.
- Gregory P.R. (1994) *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan*, Princeton: Princeton University Press, pp. 37–54.
- Henry L. (1967) *Manuel de démographie historique*, Paris: Centre de recherches d'histoire et de philology.
- Heretz L. (2008) *Russia on the Eve of Modernity: Popular Religion and Traditional Culture under the Last Tsars*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoch S.L. (1982) Serfs in Imperial Russia: Demographic insights. *Journal of Interdisciplinary History*, vol. 13, no 2.
- Hoch S.L. (1986) *Serfdom and Social Control in Nineteenth Century Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*, Chicago: Chicago University Press.
- Johnson R.E. (1991) Review of Shanin's *Russia as a 'Developing Society'*. *American Historical Review*, vol. 96, no 4.
- Johnson R.E. (1979) *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century*, New Brunswick: Rutgers University Press.
- Karagodin A. (2002) 'Velikorusskii Pakhar' at the global village: Comparing methods and approaches in Western and Russian historiographies of the post-emancipation Russian peasantry. *Revolutionary Russia*, vol. 15, no 2.
- Kingston-Mann E. (1991) Peasant communes and economic innovation: A preliminary inquiry. *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921*, Princeton: Princeton University Press, pp. 23-51.
- Kingston-Mann E. (1999) *In Search of the True West: Culture, Economics, and Problem of Russian Development*, Princeton: Princeton University Press.
- Kingston-Mann E., Mixer T., Burds J. (Eds.) (1991) *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921*, Princeton: Princeton University Press.
- Kivelson V.A., Greene R.H. (Eds.) (2003) *Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars*, University Park: Pennsylvania State University Press.
- Kizenko N. (2000) *A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People*, University Park: Pennsylvania State University Press.
- Koenker D.P. (1981) *Moscow Workers and the 1917 Revolution*, Princeton: Princeton University Press.
- Kopsidis M., Bruisch K., Bromley D.W. (2015) Where is the backward Russian peasant? Evidence against the superiority of private farming, 1883–1913. *Journal of Peasant Studies*, vol. 42, no 2.
- Kotsonis Y. (1999) *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861-1914*, New York: St. Martin's Press.
- Laslett P., Wall R. (Eds.) (1972) *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England*,

- France, Serbia, Japan and Colonial North America, with Further Materials from Western Europe, Cambridge: Cambridge University Press.
- le Roy Ladurie E. (1974) *The Peasants of Languedoc*, trans. by J. Day, Urbana: University of Illinois Press.
- le Roy Ladurie E. (1978) *Montaillou: Cathars and Catholics in a French Village, 1294–1324*, trans. by B. Bray, London: Scolar;
- Leonard C.S. (2011) *Agrarian Reform in Russia: The Road from Serfdom*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 137–140.
- Leonard C.S., Grantham G. (Eds.) (1989) *Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia, and North America*, Berkeley: University of California Press.
- Levin E. (1993) *Dvoeverie and popular religion*. S.K. Batalden (Ed.) *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia*, DeKalb: Northern Illinois University Press, pp. 29–52.
- Lewin M. (1985) *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*, New York: Pantheon Books.
- Meehan B. (1993) *Holy Women of Russia: The Lives of Five Orthodox Women Offer Spiritual Guidance for Today*, San Francisco: HarperSanFrancisco.
- Miller B.R. (2013) *Rural Unrest during the First Russian Revolution: Kursk Province, 1905–1906*, Budapest: Central European University Press.
- Moon D. (1992) *Russian Peasant and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855*, Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan.
- Moon D. (1999) *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*, London: Longman.
- Moon D. (2005) Late Imperial peasants. I.D. Thatcher (Ed.) *Late Imperial Russia: Problems and Prospects*, Manchester: Manchester University Press.
- Moon D. (2013) *The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*, Oxford: Oxford University Press.
- Moore C.M. (2018) Land for service: Russian peasant views of a postwar land settlement during World War I. *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22*, book 3: *National Disintegration*, C. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr (Eds.), Bloomington: Slavic Publishers, pp. 297–320.
- Moore C.M. (2019) Review of Darrow's *Tsardom of Sufficiency*. *Agricultural History*, vol. 93, no 3.
- Nikulin A., Trotsuk I. (2020) Teodor Shanin's scientific legacy: Genres and models for understanding social worlds. *Journal of Peasant Studies*, vol. 47, no 7.
- Ortner S.B., Whitehead H. (Eds.) (1981) *Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Paert I. (2010) *Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Pallot J. (1991) Women's domestic industries in Moscow Province, 1880–1900. B. Evans Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec (Eds.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*, Berkeley: University of California Press, pp. 163–184.
- Pallot J. (1999) *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*, Oxford: Clarendon Press.
- Poole R.A. (2018) Introduction: Faith, freedom, and the varieties of Russian religious experience. R.A. Poole, P.W. Werth (Eds.) *Religious Freedom in Modern Russia*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 1–43.
- Ransel D.L. (1988) *Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia*, Princeton: Princeton University Press.
- Ransel D.L. (2000) *Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria*, Bloomington: Indiana University Press.
- Redfield R. (1962) *The Little Community, and Peasant Society and Culture*, Chicago: University of Chicago Press.

C.D. Worobec

The influences of A.V. Chayanov and Teodor Shanin on the English-language historiography of peasants in the Russian Empire

- Rieber A.J. (1988) *Russia as a 'Developing Society'* by Teodor Shanin; *Russia, 1905–07: Revolution as a Moment of Truth* by Teodor Shanin. *Slavic Review*, vol. 47, no 1.
- Robinson G.T. (1972) *Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917*, Berkeley: University of California Press.
- Rock S. (2007) *Popular Religion in Russia: 'Double Belief' and the Making of an Academic Myth*, London: Routledge.
- Rosenberg W.G. (1993) Understanding peasant Russia: A review article. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 35, no 4.
- Scott J.C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J.W. (1986) Gender: A useful category of historical analysis. *American Historical Review*, vol. 91, no 5.
- Seregny S.J. (1989) *Russian Teachers and Peasant Revolution: The Politics of Education in 1905*, Bloomington: Indiana University Press.
- Shanin T. (1972) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*, Oxford: Clarendon Press.
- Shanin T. (1986) *Roots of Otherness, Russia's Turn of Century*. vol. 1: *Russia as a 'Developing Society'*, New Haven: Yale University Press.
- Shanin T. (1986) *Roots of Otherness*, vol. 2: *Russia, 1905–07: Revolution as a Moment of Truth*, New Haven: Yale University Press.
- Shevzov V. (2004) *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*, Oxford: Oxford University Press.
- Stanziani A. (2017) European statistics, Russian numbers, and social dynamics, 1861-1914. *Slavic Review*, vol. 76, no 1.
- Sunderland W. (2014) Review of Moon's *The Plough That Broke the Steppes*. *Slavic Review*, vol. 73, no 4.
- Thorner D., Kerblay B.H., Smith R.E.F. (Eds.) (1966) *A.V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy*, Homewood: Richard D. Irwin.
- Venturi F. (1960) *Roots of revolution: A history of the populist and socialist movements in nineteenth century Russia*, trans. by F. Haskell, New York: Knopf.
- Wheatcroft S.G. (1991) Crises and the condition of the peasantry in late Imperial Russia. *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921*, Princeton: Princeton University Press, pp. 128–72.
- Wolf E. (1966) *Peasants*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Worobec C.D. (1994) Death ritual among Russian and Ukrainian peasants: Linkages between the living and the dead. *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*, S.P. Frank, M.D. Steinberg (Eds.), Princeton: Princeton University Press, pp. 12–16.
- Worobec C.D. (1986) Patterns of property devolution among Ukrainian peasants in Kiev and Kharkov Provinces. *Occasional Papers of the Kennan Institute for Advanced Russian Studies*, no 206.
- Worobec C.D. (1991) *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period*, Princeton: Princeton University Press.
- Worobec C.D. (1992) *Possessed: Women, Witches, and Demons in Imperial Russia*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Worobec C.D. (1995) Witchcraft beliefs and practices in prerevolutionary Russian and Ukrainian villages. *Russian Review*, vol. 54, no 2.
- Worobec C.D. (2003) Conceptual observations on the Russian and Ukrainian peasantries. *Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter, 1600–1945*. A. Kappeler, Z.E. Kohut, F.E. Sysyn, M. von Hagen (Eds.), Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, pp. 256–276.
- Zack J. (1981) *Serf and State Peasant Agriculture: Kharkov Province, 1842–1861*, New York: Arno Press.
- Zelnik R.E. (1971) *Labor and Society in Tsarist Russia*, Stanford: Stanford University Press.

Влияние идей А.В. Чаянова и Теодора Шанина на англоязычную историографию крестьянства в Российской империи

Кристин Д. Воробец, почетный профессор-исследователь, Университет Северного Иллинойса. 1425 W. Lincoln Hwy. DeKalb, IL 60115-2828. E-mail: worobec@niu.edu.

В 1980-е годы сочетание множества факторов обусловило возрождение интереса к жизни крестьянства в Российской империи, и не последнюю роль здесь сыграли работы А.В. Чаянова и Теодора Шанина. Междисциплинарное социально-историческое движение, которое избегало традиционного политико-исторического подхода с его фокусом на роли элит, оформилось еще в 1960-е годы. Весьма неожиданно прежний интерес к биографиям российских революционеров и истории зарождающегося рабочего класса и рабочего движения в целях объяснения революций 1905 и 1917 годов был дополнен, а в конце концов и вытеснен жадной изучением крестьянства. В статье представлены выводы первой волны исследований крестьянства Российской империи и показано, почему идеи Чаянова и Шанина сохранили свое определяющее значение, несмотря на их противоречие архивным данным, микро- и региональной истории, исследованиям конфликтов внутри крестьянских домохозяйств, гендерных вопросов, ремесел и несельскохозяйственных промыслов, роста грамотности, а также исходящей и возвратной крестьянской миграции. К середине 1990-х годов стало невозможно рассуждать об обобщенном автаркичном, замкнутом, сплоченном и эгалитарном российском крестьянском обществе с его традиционными нормами и обычаями, которое спонтанно восставало против своего обнищания. Постструктуралистский поворот усилил недоверие к статистическим данным конца XIX — начала XX веков и поставил под сомнение изображения крестьян как темных, примитивных и отсталых. Хотя этот поворот практически свел на нет интерес к изучению российского крестьянства, в первом десятилетии XXI века стали вновь появляться посвященные ему исторические работы. В результате сегодня мы лучше понимаем экономическую и социальную дифференциацию крестьянства, форматы нормального политического взаимодействия крестьян с государством (далеко не всегда это было сопротивление), а также использование крестьянами юридической системы, чтобы отстаивать свои интересы в спорах с соседями и членами своей семьи. Мы также лучше понимаем функционирование моральной экономики во взаимодействии государства с его налогоплательщиками-крестьянами, и как земская статистика помогла Чаянову разработать свою блестящую модель доминирующего среднего крестьянского домохозяйства. В целом то активное начало, которым Чаянов и Шанин наделили крестьянство, заняло центральное место в историческом анализе.

Ключевые слова: Чаянов, Шанин, крестьянство, Российская империя, российское крестьянское общество, крестьянское домохозяйство, крестьянская община, традиционная политическая история, постструктуралистский поворот, моральная экономика

Shanin, Chayanov and peasant studies of Russia and beyond

H. Bernstein

Henry Bernstein, Professor Emeritus, School of Oriental and African Studies, University of London, Russell Square, London WC1H 0XG, UK; Adjunct Professor, School of Humanities and Development Studies, China Agricultural University, Beijing. E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk.

This text is based on the presentation at the roundtable in memory of Teodor Shanin (Moscow, 23 October 2020) and on the recent author's paper in press, which surveys Shanin's work of the 1970s and 1980s. The author provides a guide to tracing Shanin's main themes and issues. First, the family farm is usually if not invariably featured first in Shanin's characterizations of peasants as a general or generic type. Second, Shanin sought explanations of peasant household reproduction in his model of 'multidirectional and cyclical mobility' against the 'biological determinism' linked to the organization-production school and against the 'economic determinism' of Marxists. Third, Shanin emphasized "life of a small community within which most of the peasant needs of social living and social reproduction can be met", but he aimed to avoid a romantic view of the *mir*. Fourth, Shanin believed that "the definitions of peasantry, which view it as representing an aspect of the past surviving in the modern world, seem, on the whole, valid", and that rural society can be understood in terms of labour and capital flows which are broader than agriculture. Fifth, Shanin wrote that the triple origins of Marx's analytical thought suggested by Engels — German philosophy, French socialism and British political economy — should be supplemented by the Russian revolutionary populism. Sixth, Shanin argued that the concept of 'peasant mode of production' had too many heuristic limitations to be sustained. Finally, Shanin's vision of an alternative to both capitalist development and the projects of Soviet style was firmly rooted in the legacy of Chayanov.

Key words: Shanin, Chayanov, peasant economy, organization-production school, populist, peasantry, peasant mode of production

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-32-38

My remarks touch on some of the ways Shanin used the work of Chayanov, which was, of course, enormously important to him. At the same time, what I say has the great limitation that I do not read nor speak Russian. I am aware that working in Moscow occupied most of Teodor's attention in the last 30 years of his life, that he continued to research and publish in Russian, and that much of Chayanov's work is available only in Russian and that editing, publishing and assessing it remains an ongoing project. My remarks

here drawn on a recent paper titled ‘Russian to modern world history: Teodor Shanin and Peasant Studies’ (Bernstein, in press), which surveys his work of the 1970s and 1980s, the principal period of his publications in English. Its abstract notes that the paper may “serve as a guide to tracing Shanin’s main themes and issues, which included establishing a ‘generic’ peasant studies (‘peasantology’) and how he aimed to do so; his explorations of the development of capitalism and its impact on peasantries in Russia from the late 19th century to the contemporary Third World, not least peasant class differentiation; similarly his ideas of the promotion of ‘modernization’ of peasant agriculture by states; his relationship to Marxism in the historic Russian context and beyond; his views of peasant ‘classness’ and politics; and his vision of an alternative path of agricultural development based in peasant farming”.

Shanin’s strong affinity with much of Russian nineteenth-century (‘revolutionary’) populism and with the neo-populism of Chayanov and his school, especially in the 1920s, permeated everything he wrote. Shanin was irritated by what he considered loose (and dismissive) applications of the terms ‘populist’, ‘neo-populist’ and the like, which I trust is avoided in this essay. I try to be guided by Shanin’s own uses of the terms. In the invention or revival of peasant studies in the Western academy from the 1960s, Shanin wrote of the dramatic impact of translations into English of Chayanov (1966) and of extracts from Marx’s *Grundrisse* (1964).

First, the *family farm* is usually if not invariably featured first in Shanin’s characterizations of peasants as a general or generic type. Its emphasis is on *simple reproduction* of farming households, with determinate effects for how economic and social activity is organized. This, of course, was famously modelled by Chayanov (1966) as driven by a different logic than maximising returns/profits on investment characteristic of capitalist enterprise (expanded reproduction). Peasant logic calculates and adjusts the resources and efforts required for simple reproduction according to the household’s producer-consumer balance across its generational, hence demographic, cycle. Because of this distinctive logic many specific peasant practices are regarded as ‘irrational’ according to the postulates of conventional economics centred on maximization shaped by market conditions.

Interestingly Shanin was less influenced by the more economic Chayanov, and did not deploy the latter’s household producer-consumer calculus (expressed in terms of marginal utility) in his own analyses of the Russian peasantry, which proposed a new conceptualization of the ‘cyclical mobility’ of peasant households (notably Shanin, 1972: Part II). Shanin (1990: 321) described the ‘consumption-needs/drudgery ratio’ as the “least utilized or accepted of Chayanov’s main suggestions”, and suggested that it was Chayanov’s “most exclusively family-centred model, the demographic one, which first fell into disuse” (Shanin, 1990: 336). However, it was one that appealed to some

conventional economists because of its individualist calculus of decision making which was ‘utility maximizing’ if not ‘profit maximizing’.

Second, Shanin sought explanations of *peasant household reproduction* in his model of ‘multidirectional and cyclical mobility’ against the ‘biological determinism’ linked to the neo-populists of the time (the organization-production school), of whom Chayanov is the best-known in later peasant studies (Shanin, 1972: 105-108, including changes and problems in Chayanov’s position), as well as against the ‘economic determinism’ of Marxists. He concluded that “the middle peasant had always (at least until 1930) constituted a decisive majority of the Russian peasantry” (Shanin, 1972: 174). In this crucial respect, Shanin lined up with the (Russian) populist belief in “the ability of peasant cohesiveness to withstand capitalist differentiation” (Shanin, 1972: 46-47).

Third, Shanin emphasized “life of a *small community* within which most of the peasant needs of social living and social reproduction can be met” (Shanin, 1987: 4; also “the village as an economic unit” — Shanin, 1990: 109-110), an emphasis which went beyond Chayanov. In part, this reflected Shanin’s reading of anthropological and sociological studies but its principal source in his work was the inspiration of the *mir* (peasant commune) and its importance to Russian ‘revolutionary populism’. At the same time, he aimed to avoid a romantic view of the *mir*, for example: “The stubborn narrow-mindedness of the village assemblies, and the viciousness of inter-family and inter-village feuds, indicated how far removed the peasant community was from the heaven of brotherly love in which the traditional populists tended to believe” (Shanin, 1971: 267).

Fourth, in an essay of 1986, reflecting on the reception of the English translation of Chayanov’s *Theory of Peasant Economy* 20 years after its first publication, he noted that there is “little doubt that the *major patterns of change* in the contemporary world lead it away from encompassing typical peasant social structures. In this sense, the definitions of peasantry, which view it as representing an aspect of the past surviving in the modern world, seem, on the whole, valid” (Shanin, 1990: 47-48). Further, Chayanov’s analysis “cannot be completed by simply proceeding along the same road”, albeit “in the main his weakness lies in an analysis which was not incorrect but insufficient” to accommodate the vast social changes since his time, including the “increasingly complex rural world of today” when “peasant economies are being transformed (or even re-established) mostly by ‘*external*’ intervention, especially by the state and the multinational companies” (Shanin, 1990: 336, emphasis added). “Rural society and rural problems are inexplicable any longer in their own terms and must be understood in terms of labour and capital flows which are broader than agriculture” (Shanin, 1990: 335).

Fifth, Shanin famously wrote that “it had been no accident that it was from Russia and the Russians that Marx learned new things

about ‘global unevenness’, about peasants and about revolution, insights which would be valid in the century still to come. The triple origins of Marx’s analytical thought suggested by Engels — German philosophy, French socialism and British political economy — should in truth be supplemented by a fourth one, that of *Russian revolutionary populism*” (Shanin, 1983: 19-20). One can then ask the question: what connection was there between Chayanov and Russian revolutionary populism?

Sixth, Shanin asked if peasants were a mode of production (Shanin, 1990: 63) and answered that “on balance, the concept of ‘peasant mode of production’ has probably too many heuristic limitations to be sustained” (Shanin, 1990: 65), even with the support of “the comparative taxonomy of economic systems by Chayanov” (Shanin, 1990: 66). This is the only reference I am aware of by Shanin to Chayanov’s essay “On the theory of non-capitalist economic systems” (Chayanov, 1966). At the same time, and in the same essay, Shanin’s consistent position that “peasants represent a social and economic specificity of characteristics which will reflect on *every social system they operate within*” (Shanin, 1990: 68, emphasis added) seems to come very close to Chayanov on ‘non-capitalist economic systems’.

Finally, Shanin’s vision of an alternative to both capitalist development and the projects of Soviet style and other (would be) ‘modernizing’ states, and the impacts of both on peasants, was firmly rooted in the legacy of Chayanov. Satisfying the needs of simple reproduction “did not mean lack of drive for betterment on the peasants’ part” (Shanin, 1972: 40), and Chayanov’s “organization-production school, or the neo-populists... envisaged rural economic growth, based on capital-intensive and highly productive family farms, participating in a large-scale co-operative movement” (Shanin, 1972: 46-47). In short, the (Chayanovian) core of peasant studies was not focussed exclusively on peasant poverty and difficulties of reproduction.

In an early article, Shanin outlined some of Chayanov’s ideas about a progressive path forward for agriculture including his notion of ‘vertical integration’ as a flexible solution to different economies of scale. The core of Chayanov’s theory of ‘differential optima’ was to distinguish various functions of agriculture as an economic sector, and central to its prosperity, which are satisfied best by different scales and types of organization linked together through cooperatives: “The various branches of agricultural production could be divided into those which were to be organized on a broader-than-village level, those which should be organized on a village basis, and finally those which would operate best at the level of family farm” (Shanin, 1971: 269; see also Shanin, 1990: 325-327; Shanin, 2009). As can be seen from this simple explanation, farming was to remain primarily a ‘family’ (i.e., peasant) concern, which larger institutions would support by providing credit, machinery, chemicals and seed, credit, processing and marketing facilities, and the like, “without destroying... those aspects of econo-

my where small family production is technically more effective than the large one” (Chayanov cited by Danilov, 1989: 5). The cooperative mechanisms of such structures would prevent the domination of their linkages by large-scale capital and its consequent ability to ‘exploit’ (family) farmers, so central a theme in agrarian studies today. Chayanov’s concept of (capitalist) vertical integration is regarded as a major innovation by the leading Marxist scholar Jairus Banaji and used by him in his new book *A Brief History of Commercial Capitalism* (2020).

Chayanov’s win-win organizational ‘model’ could thus be appreciated both for its intrinsic virtues and as an implicit critique of collectivization and the subsequent poor record of agriculture in the USSR and elsewhere in Eastern Europe. There was a near identical argument by Danilov (1989) with greater detail on the Soviet 1920s, and claims of how widespread different types (and ‘levels’) of peasant co-operation were on the eve of Stalin’s collectivization (see also Shanin, 2009: 89-90). Danilov (1989: 5) suggested that, in some key respects, Lenin at the end of his life, Chayanov and Bukharin all shared the broadly cooperative vision of a peasant path on an “absolutely voluntary basis serving the best economic interests of the peasant”, i.e., ‘self-collectivisation’ moving through ‘intermediate stages’ to a socialist farm production structure. “Chayanov supported a *multi-level cooperative movement*, a cooperative of cooperatives, organised ‘from below’ and facilitated but not managed by the government” (Shanin, 2009: 89, emphasis in original).

The Chayanovian model of development was invoked again by Shanin in the context of possible reform of Soviet agriculture under *perestroika*. My review of Shanin’s work in English points to several of his ‘strategic qualifications’ which I suggest “often serve to protect his positions without exploring further, or problematizing, what generates a need for such qualification”. Just one example of this concerns peasant differentiation or class formation. Shanin said that “without doubt, *differentiation* has played an important role in the capitalist transformation of peasant agriculture, and has often represented the most significant structural change of it. *The theoretical and factual claims in support of that are valid*” (second emphasis added). But he continued that “it is the interpretation of it as the axiomatically necessary and exclusive pattern of development which is not” (Shanin, 1990: 59). In short, first, there is not only one path of the development of capitalism in peasant farming, and, second (by implication), political practices cannot be deduced (or predicted) from patterns of socioeconomic differentiation in any simple or straightforward manner. Both correct.

However, the exploration of *peasant class formation*, its significance, and its empirical variation, requires a *theoretical framing* that Shanin, like Chayanov before him, failed to provide. Ironically, a perverse effect of the lack of a theoretical framing is that ‘differentiation’ can become ‘naturalized’ with attention then focussed on those dy-

namics deemed to inhibit it, like an intrinsic cohesiveness of peasant communities. I think there are also other tensions of different kinds, for example, that attach to Shanin's overarching binary of the pursuit of 'modernity' via 'market' and 'plan' (this is illustrated and developed in Bernstein, in press), and (as above) his desire to fuse the frameworks of Russian revolutionary populism and of Chayanov, a cultured economist and policy analyst (but not a revolutionary in any standard political sense), through their shared if diffuse belief in peasant initiative 'from below'.

References

- Banaji J. (2020) *A Brief History of Commercial Capitalism*, Chicago: Haymarket Books.
- Bernstein H. (in press) Russian to world history. Teodor Shanin and peasant studies. *Journal of Agrarian Change*.
- Chayanov A.V. (1966) *The theory of peasant economy*. D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith (eds.), Homewood: Richard Irwin for the American Economic Association (first published 1925).
- Danilov V. (1989) The issue of alternatives and history of the collectivisation of Soviet agriculture. *Journal of Historical Sociology*, vol. 2, no 1, pp. 1-13.
- Marx K. (1964) *Pre-Capitalist Economic Formations*. Transl. by J. Cohen, ed. and with an Introduction by E.J. Hobsbawm, London: Lawrence & Wishart.
- Shanin T. (1971) Cooperation and collectivization: The case of Eastern Europe. P. Worsley (ed). *Two Blades of Grass: Rural Cooperatives in Agricultural Modernization*, Manchester University Press, pp. 263-274.
- Shanin T. (1972) *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925*, Oxford: Clarendon Press.
- Shanin T. (ed.) (1983) *Late Marx and the Russian Road. Marx and the 'Peripheries' of Capitalism*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Shanin T. (ed.) (1987) *Peasants and Peasant Societies: Selected Readings*, Oxford: Basil Blackwell.
- Shanin T. (1990) *Defining Peasants. Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from Them in the Contemporary World*, Oxford: Basil Blackwell.
- Shanin T. (2009) Chayanov's treble death and tenuous resurrection: An essay about understanding, about roots of plausibility and about rural Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 36, no 1, pp. 83-101.

Шанин, Чаянов и крестьяноведение в России и за ее пределами

Генри Бернштейн, почетный профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Russell Square London WC1H 0XG, UK; адъюнкт-профессор Школы гуманитарных исследований и девелопментализма Китайского аграрного университета (Пекин). E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk

Текст основан на выступлении автора на круглом столе памяти Теодора Шанина (23 октября 2020 года в Москве) и на последней его статье (в печати), которая посвящена работе Шанина в 1970-е — 1980-е годы. Автор представляет читателям краткий путеводитель по основным тематикам творчества Шанина. Во-первых, семейное хозяйство обычно считается главной шанинской

характеристикой крестьянства как общего или универсального типа. Во-вторых, Шанин искал истоки воспроизводства крестьянского домохозяйства в своей модели «разнонаправленной и цикличной мобильности», противопоставленной «биологическому детерминизму» организационно-производственной школы и «экономическому детерминизму» марксизма. В-третьих, Шанин подчеркивал важность «небольшой общины, в рамках которой удовлетворяется большинство крестьянских потребностей в социальной жизни и социальном воспроизводстве», но старался избегать романтизации общинного мира. В-четвертых, Шанин считал, что «определения крестьянства как фрагмента прошлого, выжившего в современном мире, в целом обоснованы», и что сельское общество можно рассматривать в категориях труда и капитала, причем не только применительно к сельскому хозяйству. В-пятых, Шанин писал, что к обозначенным Энгельсом основаниям концепции Маркса — немецкая философия, французский социализм и британская политэкономия — следует добавить русское революционное народничество. В-шестых, Шанин полагал, что понятие «крестьянский способ производства» имеет слишком много эвристических ограничений, чтобы его придерживаться. И, наконец, шанинские идеи об альтернативе как капиталистическому развитию, так и проектам советского типа были тесно связаны с наследием Чаянова.

Ключевые слова: Шанин, Чаянов, семейное хозяйство, организационно-производственная школа, народнический, крестьянство, крестьянский способ производства

Круглый стол «Памяти Теодора Шанина»¹

**А.И. Алексеев, А.А. Артамонов, А. Берелович, Г. Бернстайн,
В.Г. Виноградский, В.В. Кондрашин, Б. Монджане,
А.М. Никулин, С. Пурушотаман, Дж. Пэллот, Ш. Рамон,
Д.М. Рогозин, О.П. Фадеева, М. Харрисон, Р. Холл,
И.Е. Штейнберг**

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: aival@mail.ru

Александр Алексеевич Артамонов, ведущий специалист Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: aartamonov@yandex.ru

Алексей Берелович, Университет Париж — Сорбонна (Париж IV). Франция, Париж 5 округ, рю Виктор-Кузен, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Генри Бернстайн, почетный профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Пл. Рассела, Лондон, WC1H 0XG, Великобритания; адъюнкт-профессор Школы гуманитарных исследований и девелопментализма Китайского аграрного университета (Пекин). E-mail: HYPERLINK "mailto:henrybernstein@hotmail.co.uk" henrybernstein@hotmail.co.uk

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН. 117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Бонаventura Монджане, научный сотрудник Института бедности, земельных и аграрных исследований (PLAAS) при Западно-Капском университете, Южная Африка. E-mail: boa.monjane@gmail.com

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чайновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

-
1. Публикация подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чайнова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

Сима Пурушотаман, профессор Азим Преджим университета, Бангалор, Индия, 562125. E-mail: seema.purushothaman@apu.edu.in

Джудит Пэллот, почетный профессор Школы географии и окружающей среды Оксфордского университета. Оксфорд, OX13QY, Великобритания. E-mail: judith.pallot@chch.ox.ac.uk

Шуламит Рамон, профессор Школы здоровья и социальной работы Хартфордширского университета. Хатфилд, AL10 9AB, Великобритания. E-mail: s.ramon@herts.ac.uk

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. 119034 Москва, Пречистенская набережная, 11, корп. 1. ком. 404. rogozin@ranepa.ru

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090 Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

Марк Харрисон, почетный профессор Факультета экономики Уорикского университета. Ковентри, CV4 7AL, Великобритания. E-mail: Mark.Harrison@warwick.ac.uk

Рут Холл, профессор Института бедности, земельных и аграрных исследований (PLAAS) при Западно-Капском университете, Южная Африка, Бельвилль Х17, 7535. E-mail: rhall@uwc.ac.za

Илья Ефимович Штейнберг, кандидат философских наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета. 127051 Москва, ул. Сретенка, д. 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

В заключительный день Чайановской международной конференции, проходившей 22–23 октября 2020 года, состоялся круглый стол памяти Теодора Шанина, замечательного ученого-аграрника, одного из крупнейших исследователей наследия А.В. Чайнова. Круглый стол был посвящен одновременно и памяти профессора Шанина, ушедшего из жизни 4 февраля 2020 года и его юбилею — 90-летию — 29 октября 2020 года. За выступлением на круглом столе друзей, коллег, учеников Шанина (проходившего в режиме онлайн из-за пандемии) наблюдало более 60 ученых и студентов из разных регионов России и мира.

Круглый стол открылся выступлением профессора Шуламит Рамон, вдовы Теодора Шанина, рассказавшей о мировоззренческих доминантах его жизни и деятельности, об интеллектуальной связи Шанина с Россией. Затем в выступлениях британских коллег Теодора Шанина — профессоров Г. Бернстайна, М. Харрисона и Дж. Пэллот были проанализированы направления основных академических исследований и дискуссий, начиная с 1970-х годов, посвященные вопросам социальной дифференциации крестьянства, связанные с идейным наследием Ленина и Чайнова, в которые огромный вклад внес Теодор Шанин.

Ученый из Франции — Алексей Берелович уделил большое внимание характеристикам Шанина как политолога, блестящего аналитика политических процессов советской и постсоветской России. Российские коллеги — географ А.И. Алексеев, историк В.В. Кондрашин, а также социологи В.Г. Виноградский, О.П. Фадеева, И.Е. Штейнберг, А.М. Никулин, Д.М. Рогозин, А.А. Артамонов вместе со своими личными воспоминаниями о Шанине дали всесторонние характеристики его междисциплинарной методологии аграрных исследований. Ученые-аграрники из ЮАР Монджани Бонавентура и Рут Холл, а также из Индии — Сима Пурушотаман

охарактеризовали значение шанинского наследия для изучения развития крестьянства в регионах Африки и Азии.

В большинстве выступлений специально подчеркивалась и анализировалась интеллектуальная связь профессора Шанина с российскими аграрными исследованиями марксистских, народнических направлений, а также школы Чаянова.

Ключевые слова: Шанин, крестьянство, аграрная социология, социальная дифференциация, Россия, марксизм, народничество, Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-39-77

А.М. Никулин: Уважаемые коллеги! Чайановская конференция завершается круглым столом, посвященным памяти Теодора Шанина, замечательного ученого и организатора науки, основателя Московской высшей школы социальных и экономических наук, откуда и я, Александр Никулин, директор Чайановского исследовательского центра, и Александр Артамонов, IT-специалист, ведем наш сегодняшний круглый стол. Рады приветствовать всех, кто к нам сегодня подключился. Выступить сегодня мы пригласили не только друзей Теодора Шанина, но и его коллег, тех, с кем он десятилетиями работал над темой сельской, аграрной социологии.

Мне хотелось бы передать сейчас слово Шуламит Рамон, вдове Теодора.

Ш. Рамон: Для меня большая честь открыть круглый стол Чайановской школы памяти Теодора Шанина. У Теодора и Александра Чаянова была общая вера в уникальность крестьянских обществ по сравнению с другими обществами, особенно в контексте капитализма, марксистской мысли, российского коммунизма. Теодор соглашался с Чаяновым в том, что эту уникальность необходимо принимать во внимание при любой попытке реорганизовать жизнь крестьян. Иначе такие попытки потерпят неудачу, и это нанесет ущерб и самим крестьянам, и обществу, частью которого они являются. Впрочем, уже в первой своей книге «Неудобный класс» Теодор изложил взгляды других ученых и указал моменты, в которых он расходился с Чаяновым. Однако главное, в чем он был солидарен, это ключевые гипотезы и методология, разработанные Чаяновым в исследованиях образа жизни крестьян. Теодор восхищался глубиной и упорством Чаянова, который заплатил высокую цену за то, что придерживался своего образа мышления в темные для России времена XX века. Теодору повезло больше, чем Чаянову, — он работал в России в более светлое время и смог внести важный вклад в то, чтобы превратить Россию в лучшее место для исследователей, для теоретиков крестьянства. Но речь идет не только об этом. Ему пришлось проявить упорство для того, чтобы добиться относительной автономии Московской высшей школы социальных и экономических наук, Центра крестьянских исследований, чтобы

поддерживать новое поколение ученых, способствовать большей открытости всех тех областей, которые развиваются в «Шанинке». Теодор был готов работать с любой организацией, которая разделяла его ценности, касающиеся верности своим убеждениям и уважения достоинства людей, независимо от их религии, цвета кожи и культуры. У него были очень хорошие отношения с преподавателями Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ) в Москве — он помог им продолжить работу в области социальных наук, хотя сам всю жизнь был атеистом. Кроме того, он поддерживал группу российских художников, хотя сам не был художником. В отличие от Чайнова, он не писал романов или рассказов, но при этом у него был целый ряд писателей и поэтов, которые ему особенно нравились и к чьим произведениям он часто возвращался. Среди них можно назвать как русских писателей, так и зарубежных. Он очень увлекался фантастами, историческими романами и детективными рассказами. Эта смесь демонстрирует его открытость к разнообразным дилеммам, с которыми сталкивается человек. Большое спасибо за организацию этой конференции в честь Теодора. Я уверена, что он хотел бы быть со всеми вами сегодня, когда ему исполняется 90 лет. И я знаю, что он очень гордился достижениями крестьяноведческих исследований. Я также с нетерпением жду возможности узнать больше о вкладе Чайнова и Теодора в крестьяноведение и буду рада послушать выступающих на этом круглом столе. Спасибо!

А.М. Никулин: Большое спасибо, Шула. Безусловно, у всех нас есть ощущение, что Теодор с нами. А сейчас я передаю слово профессору Бернстайну. Его доклад называется «Шанин, Чайнов и крестьяноведческие исследования в России и в мире».

Г. Бернстайн: Прежде всего я хотел бы поговорить о том, как Шанин использовал работы Чайнова. Хотя сразу же предупрежу, что мои рассуждения имеют определенные ограничения, поскольку я не могу читать по-русски. Я знаю, что работа в Москве последние 30 лет занимала большую часть внимания Теодора; что он продолжал исследовать и публиковаться на русском языке, потому что основная часть работ Чайнова доступна только на русском языке. Итак, мое выступление базируется на статье «От российской к современной мировой истории. Теодор Шанин и крестьянские исследования», в которой рассматриваются работы 1970–1980-х годов — это основной период его публикаций на английском. Я постараюсь отследить основные темы, которыми занимался Шанин, в их числе проблема формирования базового научного направления крестьянских исследований — «крестьяноведения», исследования развития капитализма и его влияния на крестьянство в России с конца XIX века и до сегодняшнего дня, идеи продвижения модернизации крестьянского хозяйства государством, его отношение к марксизму в историческом российском контексте и за его пределами. Также я остановлюсь на его взглядах на крестьянскую

классовость и политику, его видении альтернативного пути развития сельского хозяйства, основанного на крестьянском хозяйстве.

Тесная близость взглядов Шанина и большей части русского народничества XIX века и неонародничества Чаянова, его школы, особенно в 1920-е годы, пронизывала все, что писал Теодор. Когда Шанин говорил о возрождении крестьянских исследований в 1960-е годы, он находился под очень серьезным влиянием переводов на английский язык Чаянова и Маркса, в частности Марксова очерка «К критике политической экономии». Что касается моего выступления, то я хотел бы сказать несколько слов о сельском домохозяйстве, ведь именно с этой темы Шанин всегда начинал аналитический разговор о крестьянстве. Здесь им уделялось основное внимание простому воспроизводству в экономике крестьянских хозяйств при определенном акценте на анализ организации экономической и социальной деятельности. Это было очень хорошо смоделировано также и Чаяновым. Речь шла о том, что такие хозяйства управляются иной логикой, нежели максимизация прибыли или прибылей от инвестиций, которая характерна для капиталистического предприятия. Крестьянская логика опирается на расчет ресурсов, регулирование ресурсов и усилий, необходимых для простого воспроизводства в соответствии с балансом производства и потребления в домохозяйстве на протяжении его поколенческого, а следовательно, демографического цикла. Из-за этой особой логики многие крестьянские практики считаются иррациональными с точки зрения постулатов традиционной экономики, которая ориентирована на максимизацию прибыли, обусловленную рыночными условиями. Вместе с тем хочу отметить, что Теодор в своем собственном анализе российского крестьянства испытывал меньшее влияние экономических теорий Чаянова и не использовал чаяновское понятие расчета производства потребления домашних хозяйств, выраженное в терминах «предельной полезности». Таким образом, Шанин предложил свою собственную новую концептуализацию циклической мобильности крестьянских хозяйств. В основном эта модель описывается в его работе «Неудобный класс». В ней он также отметил, что чаяновское соотношение потребления и тягостной работы наименее им используется или разделяется среди основных идей Чаянова, поскольку эта демографическая модель Чаянова, ориентированная исключительно на семью, начинает выходить из употребления в современном мире. Однако напомним, что именно эта модель Чаянова по принятию решений также положительно воспринималась традиционными экономистами из-за индивидуального подхода к принятию решений, которые были бы направлены на максимизацию пользы, если не максимизацию прибыли.

Второе. Шанин искал объяснение воспроизводства крестьянского хозяйства в своей модели разнонаправленной циклической мобильности, выступая против того, что он называл «биологическим детерминизмом», что также часто ассоциируется с Чаяновым и его

школой. Впрочем, Теодор также выступал и против экономического детерминизма марксистов. Он предлагал некоторые аналитические дополнения к идеям Чаянова, основываясь на постулате: «Крестьяне-середняки всегда, по крайней мере, до 1930 года, составляли значительное большинство российского крестьянства». В этом Шанин присоединился к народнической вере в «способность крестьянской сплоченности противостоять капиталистической дифференциации».

Третий момент — Шанин делал особый упор на крестьянскую общину, в которой может быть удовлетворена большая часть потребностей крестьян в социальной жизни и социальном воспроизводстве. Также хотелось бы подчеркнуть его идею деревни как экономической единицы. Мне кажется, что это в работе Теодора уже выходит за рамки идей Чаянова. Отчасти это отражало то, как Шанин воспринимал и интерпретировал антропологические и социологические исследования, но я думаю, что основным источником его вдохновения был мир крестьянской общины и значение его для российского революционного народничества. В частности, в своем эссе, которое было опубликовано до его работы «Неудобный класс», он писал: «Упорная ограниченность деревенских собраний и жестокость межсемейных распрей указывали на то, как далека была крестьянская община от братской любви, в которую верили народники». Теодор хотел дистанцироваться от народнической идеализации крестьянской общины.

В-четвертых, если говорить о восприятии крестьянского хозяйства Чаяновым, он отмечал, что довольно мало сомнений в том, что основные тенденции изменений в современном мире приводят к пониманию типичных крестьянских социально-общественных структур и самого крестьянства как одного из аспектов прошлого, сохранившегося в современном мире. Анализ Чаянова нельзя завершить, просто идя тем же, что и Чаянов, путем, хотя Теодор и считал: слабость заключается не в неверности, а в недостаточности анализа, поскольку с чаяновских времен в мире произошли огромные социальные изменения. Впрочем, пожалуй, это можно сказать о многих авторах, которые работали на переломе XIX–XX веков. Почему Теодор сделал это замечание? Потому что крестьянская экономика постоянно менялась и трансформировалась в основном за счет внешнего вмешательства, особенно со стороны государства и транснациональных компаний. Он писал о том, что сельское общество и сельские проблемы уже невозможно объяснять исходя из их внутренней логики, их необходимо рассматривать с точки зрения различных внешних процессов, в частности потоков рабочей силы и капитала, которые намного шире, чем функционирование обычного крестьянского хозяйства.

В-пятых, Шанин считал, что неслучайно именно на примере России Маркс узнал много нового о глобальном неравенстве, о крестьянах и революции. Это те идеи, которые будут актуальны и в грядущем веке. Наши российские друзья помнят об этом ша-

нинском утверждении: три источника аналитической мысли Маркса, предложенные Энгельсом — немецкая философия, французский социализм и британская политическая экономия, — должны быть дополнены русским революционным народничеством. И я задаюсь вопросом: какова была связь между Чаяновым и русским революционным народничеством? Возможно, участники этого круглого стола смогут пролить свет на этот вопрос.

В-шестых, Шанин пытался понять: крестьянское хозяйство — это способ производства? И отвечал, что в целом концепция крестьянского способа производства имеет слишком много эвристических ограничений. И это довольно интересно, поскольку некоторые ученые — последователи Теодора в 1960–1970-е годы утверждали, что крестьяне демонстрируют особый способ производства. Однако Теодор не считал это убедительным. Насколько я знаю, он не так часто обращался к эссе Чаянова «К вопросу о теории некапиталистических экономических систем». В своей статье 1971 года Теодор писал о позиции Чаянова относительно крестьянского понимания вертикальной интеграции, в том числе различных функций сельского хозяйства, которые играли первоочередную роль в повышении благосостояния хозяйств, что постепенно приводило к распространению крестьянской кооперации. Теодор объяснял, что различные отрасли сельского хозяйства должны были объединяться на основе намного более широких принципов, поскольку в укрупненном виде они смогут работать более эффективно, чем отдельные крестьянские хозяйства. Крупные хозяйства смогут их поддерживать, предоставляя кредиты, машины, химикаты, семена, средства сбыта, но одновременно не разрушая те аспекты экономики, где мелкое семейное производство технически более эффективно. Иными словами, кооперативные механизмы таких структур могли бы предотвратить доминирование крупного капитала и, как следствие, его способность эксплуатировать семейные хозяйства, что является центральной темой в аграрных исследованиях и сегодня. Я думаю, что участникам этой конференции будет интересно узнать, что концепция вертикальной интеграции Чаянова рассматривается, например, ведущим ученым-марксистом Яросом Банаджи в его книге «Краткая история некоммуерческого капитализма», опубликованной в этом году, как основное, главное новшество. Таким образом, эту организационную модель Чаянова можно назвать беспрюирышной. И кроме того, в ней, на мой взгляд, прослеживается и скрытая критика коллективизации, и объяснения последующего, довольно плохого состояния сельского хозяйства в СССР и других странах Восточной Европы.

Теодор был близок к Виктору Данилову, разделял его взгляды, они долгие годы сотрудничали в Москве. Данилов говорил о том, что и Ленин в конце своей жизни, и Чаянов, и Бухарин — все они разделяли представление о развитии крестьянства на абсолютно добровольной основе, в интересах страны и самих крестьян, а так-

же сельского хозяйства в целом. Теодор писал: «Чаянов разделял идею многоуровневого кооперативного движения, кооператива кооперативов, организованных снизу и поддерживаемых государством, но не управляемого им».

И в заключение мне хотелось бы поделиться своими наблюдениями. В своем обзоре работ Шанина 1970–1980-х годов я обратил внимание на некоторые стратегические качества, которые часто служат ему для защиты его позиций. Вот пример, касающийся крестьянской дифференциации или образования класса. Шанин говорил, что, без сомнения, дифференциация сыграла важную роль в капиталистической трансформации крестьянского сельского хозяйства и часто представляла собой наиболее серьезное структурное изменение. Также существует не один-единственный путь развития капитализма в сельском хозяйстве, однако исследование крестьянского классового наследия и классовых образований требует теоретического обоснования, которого Шанин, как и Чаянов, не давали. Здесь имеются противоречия в работах Теодора, некоторые из которых я иллюстрировал в своих публикациях. Сейчас мне хотелось бы вернуться к тому вопросу, который я задавал ранее. Несмотря на то что в Русской революции народники и Чаянов разделяли традиционную веру в неизбежность крестьян и крестьянства, все же если рассматривать этот вопрос с точки зрения политического анализа Чаянова, то его можно считать революционным мыслителем. Хотя Чаянов не был революционером в политическом смысле. Благодарю вас за внимание и за терпение.

А.М. Никулин: Большое спасибо за это замечательное выступление! Это одновременно фундаментальный обзор и краткое резюме работ Теодора Шанина в связи с русской историей, народничеством и Чаяновым. Уже в самом выступлении Генри было заложено несколько вопросов, а в чате уже появились некоторые комментарии. Я бы суммировал некоторые сюжеты: русское народничество; Чаянов и Шанин; русское народничество как безусловно революционная традиция и как они соотносятся между собой? Каково участие Чаянова в Русской революции, насколько его можно считать представителем традиции русского революционного народничества? Первое, что мне хотелось бы сказать: на мой взгляд, и Чаянов и Шанин были революционерами, я здесь имею в виду их революционное мышление, стремление переделать этот мир, сделать его лучше, сделать его более гуманным. Это неременное качество революционера, который стремится создать новый мир или даже новые миры. И Чаянов и Шанин умели мыслить историческими и футуристическими альтернативами, видеть «многоукладную» революцию, «многоукладное» развитие общества. Безусловно, Шанину была близка именно революционная, порой радикальная традиция народничества, связанная изначально с движением народников еще в 1870-е годы, а потом с партией эсеров, социалистов-революционеров. Чаянов не был профессиональным революционером, он посвятил себя прежде всего

академической работе. Хотя я могу привести пример из его биографии: он участвовал в студенческих демонстрациях Первой русской революции, в революцию 1917 года принял самое активное участие в общественной, политической деятельности, зарекомендовав себя как яркий политик, а затем опять предпочел уйти в научную работу. Но главными мне представляются революционные идеи, которые по-марксистски деятельно воплощаются в жизнь, и в этом отношении последний тезис о Фейербахе Карла Маркса имеет отношение также и к Чаянову — Чаянов стремился изменить этот мир, а не только разработать прекрасные аналитические модели крестьянского хозяйства или вертикально работающей кооперации. Теперь обратимся к характеристике политической позиции и даже мировоззренческой позиции Теодора Шанина. Он с молодости был политическим активистом левых взглядов, убеждений, и тем не менее он стремился к компромиссу между разными идеологическими направлениями. Мне представляется — уникальность Теодора заключается в том, что он был «неудобным» персонажем с точки зрения какой-то одной идеологии. Он был «странный народник», «странный либерал» и «странный марксист». Он искал компромисс, продуктивную модель взаимодействия между этими идеологиями. Это было очень нелегко, но в этом уникальность его подхода. Еще раз повторю, что ему была дорога в Русской революции идея некоторого возможного союза между идеями Чаянова и идеями Ленина — продуктивного компромисса между русским марксизмом и русским народничеством. Напомню, что Чаянов, цитируя знаменитый афоризм Жореса «Революцию можно или целиком отвергнуть, или принять так же целиком, какой она есть», отмечал, что он, Чаянов, принимает революцию и готов идти с революцией до конца. В этом приятии Русской революции, развитии Русской революции, безусловно, также сходны позиции Чаянова и Шанина.

М. Харрисон: Меня просили осветить тему, которая довольно далека от нас во времени, — Англия 1970-х годов, в этот период мы наблюдали своего рода столкновение идей и личностей. На тот момент Теодор защитил диссертацию «Циклическая мобильность и политическое сознание крестьянства» и опубликовал свою статью «Социальная экономическая мобильность и сельская история России» в советском журнале. В то время я был много моложе Теодора, совсем недавно защитил диссертацию в университете Оксфорда, посвященную теории крестьянской экономики с учетом идей Чаянова. Затем я опубликовал одну из глав в «Теориях крестьянских исследований», которая касалась вопроса, затронутого Шаниным в «Неудобном классе» — о мобильности крестьян и неравенстве в деревне. Если вы посмотрите мои статьи на Гугл Скорлар, то увидите, что большая часть работ так или иначе связана с «Неудобным классом». Итак, вопрос «Как мы понимаем сельское неравенство?». Для начала стоит обратиться к Ленину, писавшему, что «разложение крестьянства <...> превращает, с од-

ной стороны, крестьянина в батрака, а с другой стороны, в мелкого товаропроизводителя — в мелкого буржуа». Ленин считал, что богатство хозяйства коррелирует с его размером. Он отметил преимущества богатства и минусы бедности, которые будут накапливаться. И в результате в крестьянстве будет происходить линейная дифференциация — богатые будут становиться богаче и в итоге капиталистами, а бедные беднее и превратятся в пролетариев. Таким образом, крупные крестьянские хозяйства становятся больше, мелкие — меньше. Это была точка зрения Ленина. А вот точка зрения Й. Шумпетера, который считал, что есть социальные классы, но есть и социальная мобильность. Что происходит, если элементы класса не стабильны? — со временем в нем будут происходить перемены разного рода. Шанин использовал эту идею и предположил, что, возможно, в российском крестьянстве мобильность является циклической. Он учел тот факт, что преимущества богатства и минусы бедности могут накапливаться, но свою роль могут сыграть и другие факторы: смерть, удача и брак. Некоторые бедные умирают, а в статистике мы видим только тех, кто выжил. Удача — очень нестабильный фактор. Брак также играет большую роль, потому что у богатых крестьян рождаются сыновья, и после вступления в брак этих сыновей делится собственность. И это, по мнению Теодора, уничтожает богатство семьи. Возможно, богатые и бедные могут меняться местами. В итоге все это — вопрос данных и доказательств, так что обратимся к данным. Линейна или циклична дифференциация хозяйств и крестьянства? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было на протяжении длительного времени следить за благосостояниями тех или иных крестьянских домохозяйств. Были проведены так называемые «динамические переписи» (правда, их немного: до революции было пять и четыре после революции). Приведу пример: в Суражском уезде Черниговской губернии прошло исследование по двум переписям, 1882 и 1911 годов. Перепись 1911 года охватила примерно 1500 домохозяйств. Результаты, в принципе, типичны для любой динамической переписи и представляют изменение ситуации на протяжении 30 лет: некоторые домохозяйства разделились, некоторые вообще перестали существовать, некоторые остались прежними. Мы видим, что разделение домохозяйств происходило не очень часто. За 30 лет разделилась $\frac{1}{4}$ часть — не очень большое количество. Но в среднем больше вероятность, что разделятся более крупные, чем более мелкие. Это показывает процент разделения домохозяйств, который быстро повышается по мере роста ферм. Нам стоит смотреть на эти данные, так скажем, по диагонали. Домохозяйства, оставшиеся в той же самой категории, составляют не более 50%. Таким образом, мы видим их некую «циркуляцию» вверх и вниз. Кроме того, если мы сравним верхнюю и нижнюю половины, то обнаружим, что разделение хозяйств, хотя и редкий, но важный фактор. Так, 40% крупных домохозяйств в 1911 году остались такими же, как в 1882-м,

а остальные были разделены. В своей книге «Неудобный класс» Шанин делает следующее заключение: классовая дифференциация существует, но не кристаллизуется в сельском сообществе. И затем, когда большевики во время революции пытались обратить бедняков против кулаков, им это не удалось. «Ни одна пропагандистская попытка в долгосрочной перспективе не смогла привести к тому, что крестьяне переймут представления городских жителей о классовых отношениях и классовой борьбе, поскольку они противоречат их обыденному опыту», — считал Шанин. Я в 1978 году писал, что я — городской житель, и мне кажется, что я знаю лучше, но сейчас, когда я оглядываюсь назад, я считаю, что, возможно, был слишком самоуверен. Насколько оправданна была моя самоуверенность? Хочу подчеркнуть несколько моментов в «Неудобном классе». Шанин утверждал, что семейные конфликты (между отцами и сыновьями, свекровьями и невестками) мешали постоянному процветанию более богатых домохозяйств, поскольку все предпочитали разделять хозяйство, а не решать конфликт. Почему разделение хозяйства было таким определяющим? Понятно, что это связано с разделением богатства и сфер влияния в семье. Но вопрос в том, что же мешало матерям, дочерям, отцам и сыновьям достичь согласия и приводило к конфликтам? Действительно ли разделение хозяйства было таким существенным для богатства семьи? Как Ленин, так и Шанин считали, что размер хозяйства коррелирует с его богатством. Однако российское сельское хозяйство в начале XX века сильно менялось — становилось больше скота, выше урожаи сельскохозяйственных культур. Мне хотелось получить больше данных о корреляции с размером хозяйства — я нашел их в работе Г.А. Куценко «Крестьянское хозяйство в Суражском уезде, Черниговской губернии по двум переписям 1882–1911 гг.» (Чернигов, 1916). Он приводит большое количество данных не только о размере хозяйства, но и о его богатстве и видах деятельности. В некотором смысле это исследование уникально, поскольку там есть информация по разделенным и неразделенным домохозяйствам. И с учетом этих данных почему бы не использовать метод, который мы сейчас называем «разность разностей»? Оказывается, этот метод уже существовал, я просто не знал, что он есть и не знал его название. Итак, мы можем сравнить ситуацию в домохозяйствах, которые существовали в 1882 году и были разделены до 1911 года — я называю их D-фермы, и сравнить их с хозяйствами, которые остались объединенными — U-фермы. Здесь мы наблюдаем проблему: D-фермы отличаются изначально от U-ферм, они крупнее и в среднем богаче. Таким образом, эти две категории изначально не одинаковы. Но здесь есть решение: мы можем сравнивать самые «топовые» D-фермы и схожие с ними U-фермы, потому что, возможно, это более однородные группы. Это я и сделал. Я решил сравнить тенденции, которые касаются самых крупных D-ферм и самых преуспевающих U-ферм. Здесь я привожу самое основное. Я рассматриваю

4 аспекта организации хозяйства и изменения, которые произошли в них в 1911 году по сравнению с 1882 годом. Эти измерения я делаю по всем D- и U-фермам, а также отдельно по «топовым» фермам каждой категории.

Начал я с первого показателя — соотношения количества членов семьи к семейным работникам. И мы видим тенденции изменений по всем хозяйствам и отдельно по «топовым» в каждой категории за эти 30 лет. Есть ощущение, что появившиеся изменения не очень связаны с циклом жизни хозяйства. Как мы поняли, деление хозяйств не связано с разницей в семейном жизненном цикле. И второй результат, который не был сюрпризом: те хозяйства, которые разделялись, становились относительно меньше за 30 лет, это достаточно очевидная истина — если хозяйство разделить, оно станет меньше. Но мы видим, что разница по U-фермам не такая большая, как по D-фермам.

Следующий показатель — количество скота на члена семьи. Кажется, что если семья становится беднее, то количество скота падает. Но мы видим, что в случае D-ферм там становится больше скота на человека, чем в U-фермах, особенно это касается «топовых» D-ферм. Такие хозяйства приобретали больше скота на человека, а не меньше. И если этот показатель считать показателем богатства, то эти D-фермы не страдают. А если посмотрим на количество наемных работников и их соотношение к семейным работникам, увидим, что по всем фермам это соотношение падает. Возможно, в Черниговской губернии капитализм не так уж сильно развивался. Но мы также видим, что эти тенденции очень разные в D-фермах и U-фермах. Первые нанимают больше работников на членов семьи, а вторые — меньше. Опять же, эта разница особенно заметна в «топовых» фермах. Это сильно отличается от того, что мы могли ожидать, потому что нам могло бы казаться, что если хозяйство разделяется, то оно беднеет. Возникает вопрос: было ли разделение одним из механизмов развития капитализма? Интересно, что думал Шанин об этом. Я не нашел достаточно информации. Около 1977 года Шанин и я присутствовали в Лондоне на крестьянском семинаре, организованном Школой Восточно-африканских исследований (Терри Байресом и Чарльзом Кёрвином). Я помню, что очень нервничал. Не знаю, как чувствовал себя Теодор, мне казалось, что ему тоже не все нравится. И я думаю, что здесь было столкновение моей высокомерной молодости и его жизненного опыта и зрелости. Но мы точно вели себя лучше Байдена и Трампа. Насколько я помню, мы не нашли никакого компромисса, но я сожалею об упущенной возможности — сегодня я провел бы эту беседу гораздо более продуктивно. А тогда я был слишком агрессивен.

Итак, какие выводы из этого я могу сделать? Первое: в своей книге Шанин подчеркивает много разных вещей, я не сразу это заметил в свое время. Что касается моего предположения, статистически оно было в целом верным, но нельзя сказать, что это — «же-

лезобетонное» доказательство. Важно ли это было с практической точки зрения? Могу сказать, что по-прежнему не знаю, потому что можно обнаружить какой-то результат, показать, что он достоверен, но все равно может оказаться, что значение этого эффекта не так уж велико. Здесь я пока ничего не могу сказать. Возможно, что кто-то уже изучал это, возможно, был какой-нибудь магистр или студент PhD, который посвятил этому главу в своем исследовании. Я думаю, что здесь еще можно посмотреть, что можно сделать. Возможно, что однажды может быть найдена такая перепись, ее оригинальные результаты. Возможно, их можно будет рассмотреть более подробно, используя современные методы. Главное, чтобы эти данные были доступны. Может быть, в областном архиве Чернигова можно найти больше данных, и кто-нибудь из студентов этим займется. То, что я сейчас рассказал — маленький эпизод из жизни великого человека Теодора Шанина, но я очень рад, что у меня была возможность рассказать об этом.

А. Никулин: Спасибо большое! В докладе профессора Харрисона рассмотрен ряд деталей концепции циклической мобильности из первой шанинской монографии. На мой взгляд, вопросы остаются открытыми, и споры, происходившие между профессорами Шаниным и Харрисоном, остаются актуальными и в наше время. К сожалению, только в 2019 году работа «Неудобный класс» была переведена на русский язык. Но мы уверены, что этот перевод будет способствовать интересу российских молодых ученых к полемике о дифференциации российского крестьянства. Я должен сказать, что Теодор пытался использовать чаяновскую методику в наших полевых исследованиях в 1990-х годах. Так же, как и традицию бюджетных земских исследований, но собрали лишь несколько десятков таких бюджетов — этого было недостаточно для статистической интерпретации процессов дифференциации уже постсоветского сельского населения 1990-х годов. Но мы пытались комбинировать качественные и количественные исследования, уже и как антропологи, задавая вопрос сельским жителям постсоветской России: «Как вы себя определяете — вы богатые, средние или бедные?» Лично я работал на Кубани в Краснодарском крае, это юг России, где процессы дифференциации всегда происходят более стремительно и более глубоко. И ответы звучали так: в богатых станицах люди говорили: «Что вы, какие мы богатые, мы средние». Когда этот вопрос задавался бедным, на наш взгляд, жителям станицы, они отвечали: «Нет, мы не бедные, мы — средние». И было интересно, как и богатая и бедная статы старались идентифицировать себя с ценностями среднего слоя сельского сообщества. А когда мы задавали этот вопрос представителям среднего класса сельского сообщества, то многие скромничали: «Мы — бедные». И вот эта проблематика сельской бедности и среднего состояния, которое статистически улавливалось во времена столетней давности, в полемике марксистов и народников, она определенным образом воспроизводилась 100 лет спустя. Мы эту проблему постсоветской сельской

дифференциации обсуждали на «длинных столах» наших заседаний, организованных Теодором. Мне представляется, что этот вопрос остается открытым, интересным, и я надеюсь еще раз, в связи с публикацией книги Шанина на русском языке и с учетом той полемики, которую представил нам Марк Харрисон, российские ученые и их иностранные коллеги еще будут работать над этой темой. Еще раз спасибо профессору Харрисону за этот доклад.

Сейчас мы передаем слово профессору Джудит Пэллот.

Дж. Пэллот: Большое спасибо. Я хотела бы поблагодарить вас за приглашение и возможность вернуться к более раннему периоду в своей академической карьере. Если Генри Бернштейн сравнивал Шанина и Чаянова, то я буду говорить, скорее, о своем личном отношении к Теодору, о том, что у нас остается за пределами полемики, касающейся дифференциации. Хочу представиться и пояснить, почему я здесь. В последние годы я занимаюсь различными исследованиями, в том числе и вопросами российского крестьянства. Могу сказать, что я познакомилась с идеями Теодора Шанина в 1970-х, как и Марк Харрисон, как Генри Бернштейн. Я писала монографию по теме российского крестьянства в период до образования СССР. В 1990-х годах я вернулась к ней вновь. Могу сказать для молодых людей, что западные ученые, изучавшие крестьянство, приехав в Россию, обязательно стремились в глубинку и встречались с крестьянами. Это было и до 1992 года. Это была удивительная возможность увидеть настоящую деревню в России, реальную жизнь. В 2005 году я начала заниматься различными моделями российского общества, в частности изучала женщин-заключенных, а также тех, кто принадлежит к этническим меньшинствам. Прошло много времени с тех пор, как я занималась крестьяноведением, но выступившие до меня спикеры заставили меня вспомнить время 1980–1990-х годов, когда мы интересовались вопросами дифференциации. Это была довольно оживленная дискуссия, разные версии понимания «левых» и «правых». Шанин писал свои статьи и был в центре этих дискуссий, всегда неоднозначных. В 1972–1973 годах я с Марком Харрисоном была стажером в МГУ. Помню, что однажды он пришел ко мне в комнату и сказал: «Джуди, я только что опроверг ученых-аграрников и все их аргументы!» А потом вернулся и сказал, что все-таки не уверен, что смог опровергнуть взгляды Чаянова. Позднее я начала работать в Оксфорде и встретила со специалистами-крестьяноведами, среди них было очень много историков, которые занимались вопросами восточных и западных крестьян. Мы встречались один раз в месяц, и я должна была анализировать статистику и объяснять, что же происходило в российских селах. Я работала в отделе географии и на тот момент общалась с экспертами, которые изучали проблемы шведского крестьянства. Мы обсуждали постоянные трансформации в крестьянстве, вопрос, можно ли считать крестьян революционерами или нет. Тогда многие писали диссертации по крестьянству, и могу утверждать, что сторонников Ленина и сто-

ронников Чаянова в дискуссиях было примерно поровну. Мне было очень интересно заниматься изучением русского и советского крестьянства. Многие из моих коллег, которые работали в этой же сфере, так же активно включались в сравнительные исследования крестьян Африки и Ближнего Востока. Поскольку работы Шанина оказали огромное влияние на развитие крестьяноведения, интересно проследить, где истоки этих работ — у западных ученых или у русских? Мне всегда были также интересны идеи Шанина, посвященные двум русским революциям. Замечу, иногда мы на Западе недооцениваем российских историков, писавших о Революции. Когда у нас планировался семинар, посвященный Революции 1917 года, я настаивала, что нужно пригласить Теодора Шанина, ведь именно в России впервые победила революция. И я всем не устаю напоминать, что именно Теодор в самом начале своей книги «Неудобный класс» писал о том, что, двигаясь по довольно сложному пути, можно многое узнать. Он всегда знал, что на него будет обрушиваться критика, и Марк сегодня это подтвердил. Но вот вопрос: а какие аспекты отсутствовали в советских дискуссиях? И это относится к пространству возможностей, которое открывал Шанин. Затем это получило название «интенциональность». У нас были разные примеры, связанные с дифференциацией: обычно главой хозяйства был мужчина. Однако можно выделить и недифференцированные категории крестьянского хозяйства: этническая, религиозная, гендерная принадлежность, что также оказывало влияние на развитие. Если говорить о невидимости женщин в тех дебатах, которые проходили в СССР в 1990-х, то в основном им отводилась роль в производстве детей и некоторые другие вспомогательные функции. Конечно, были и иные ситуации, связанные с разделением хозяйств, например, когда невестки конфликтовали со свекровями. Поэтому так интересно рассмотреть, какую роль играла гендерная принадлежность в дифференциации, ведь это к тому же оказывало влияние на решения, которые принимались в 1920-х годах.

Вопрос роли женщин в развитии начал становиться все более серьезным с 1970-х годов, когда стали появляться первые работы по этим проблемам. Женская бедность, или бедность среди женщин, имела важное значение при исследованиях, но это не учитывалось при обсуждениях о распределении богатства. Крестьянки не изучались в США, как говорила вчера Кристин Воробец. Существует определенный разрыв и между работами, посвященными характеру крестьянского общества и процессу формирования хозяйства. Еще одно различие касается национального вопроса, что также не отражалось в дискуссиях о дифференциации. Обычно все участники были славянами и православными, но существовали ведь и татарские, украинские и другие этнические меньшинства, в которых практики были иными. Помню, что Дэвид Ранселл объяснял более высокий уровень выживаемости среди мусульманских семей. Или уровень детской смертности, что тоже необходимо учитывать при разговоре о культурных и иных различиях. В обсу-

ждениях дифференциации первостепенное значение имеет структура крестьянских хозяйств. Да и экология тоже играет не последнюю роль — это может показаться довольно странным, поскольку хозяйство зависит от объема производства и от природных ресурсов, к которым у них есть доступ. Конечно, многое можно объяснить тем, что есть большая вера в науку у разных сторон, которые участвуют в дебатах о дифференциации. С моими коллегами в Оксфорде мы рассказываем студентам о различных исследованиях, и когда мы рассматриваем вопрос о дифференциации крестьянства и его трансформации, то некоторые точки зрения на проблематику могут противоречить друг другу.

Но я хотела бы вернуться к Теодору. Я понимаю, что он не делал особый упор на гендерных вопросах, но тем не менее он во многом поспособствовал организации исследований на эту тему. Он создал пространство, в котором заинтересованные исследователи могли бы продолжать свои исследования и дискуссии. Я также согласна с идеей о том, что у представителей разных школ могут быть общие взгляды, так что, с одной стороны, Теодор наводил мосты между ними, но, с другой, его научный путь лежал в другом направлении. И сегодня мы как раз особенно тщательно изучаем уникальность того направления, которое он выбрал.

Я встречалась с Теодором лично. Одна из наиболее запомнившихся встреч была в 2014-м на мероприятии по продовольственной безопасности. Он говорил о бедности, продовольствии, направлении изменений. И то, что он говорил, казалось мне достаточно прогрессивным для XXI века. Но самое большое свидетельство важности его работы — это количество человек, которые вы сегодня смогли собрать здесь. Это люди всех возрастов, разных национальностей, из разных стран. И все эти люди хотят говорить о Теодоре.

А.М. Никулин: В постсоветское время Джудит Пэллот много работала у нас как «полевик» в сельской России вместе с нашим известным географом Татьяной Нефедовой. Я надеюсь, что в выступлении российских коллег, которые будут позже, те темы, которые Джудит затронула, так или иначе еще будут освещены. Сейчас у нас будет выступать Алексей Берелович, представитель Франции, также много и плодотворно работавший с Теодором Шаниным и Виктором Даниловым.

А. Берелович: Мне кажется, что, когда говоришь о Шанине, с трудом можно разделить человека и ученого. Он был очень харизматичен, воспринимался как единое целое, где наука, его личное обаяние, манера держаться, окружать себя другими людьми — неразделимы. Я бы хотел подчеркнуть несколько вещей, которые здесь мало обсуждались. Он был политик — и мне кажется, это важно. Я не знаком с его деятельностью в Англии, но в России в 1990-х годах он активно участвовал в общественно-политических дебатах, которые тогда велись. Когда все считали, что единственный путь, по которому должна идти Россия, — это путь стран Запада (молодая

команда под руководством Гайдара смотрела на Запад), Теодор организовал большую конференцию «Куда идет Россия?», где сам вопрос предполагал различные возможные варианты. Немного раньше вышел сборник «Иного не дано», собравший под своей обложкой всю либеральную российскую интеллигенцию. Тогда Шанин в ответ пишет статью «Иное всегда дано». Как ученый он всегда рассматривал альтернативы, как политик — подчеркивал, что история не написана заранее, ее делают люди. Надо обсуждать и выбирать, а не думать, что уже все предрешиено. Я хотел бы подчеркнуть и вторую его черту, которая также сплавляет воедино человека и ученого, — это его верность друзьям. Я не знаком со всеми его друзьями, но двоих знал хорошо. Это Моше Левин, с которым его связывали общая юность и десятилетия дружбы, и Виктор Данилов. Теодор, как показывают многие его книги, не был «чистым» социологом. Он был и историком — всегда подходил к вопросам и с исторической точки зрения. Так вот, с Виктором Петровичем Даниловым, которого он сразу же включает в Интерцентр и в Центр крестьяноведения МВШСЭН, они создают проект «Крестьянская революция 1902–1922». То есть начиная с предвестников революции 1905 года через революцию 1917 года и Гражданскую войну вплоть до периода НЭПа крестьянство добивается того, чего оно хотело. Данилов и Шанин с помощью команды историков-архивистов опубликовали 8 томов исторических документов по крестьянской революции. Первый том — «Антоновщина», про крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 годов. В этом томе в предисловии они объясняют цели и задачи своего проекта. Можно сказать, что они совершили своего рода «коперниканскую» революцию! После десятилетий изданий книг о революции 1917 года, положительно или отрицательно ее оценивающих, они поставили в центр крестьянскую революцию. И показали — при помощи документов! — что именно крестьянство в этот период играло центральную роль. Что именно оно решило судьбу революции. И мне кажется, что то, что сделал тогда Теодор, неопределимо, потому что это перевернуло в значительной мере наше видение российской истории XX века.

В.В. Кондрашин: Теодор Шанин прежде всего был ученым, и его идеи будут всегда интересны и востребованы специалистами различных областей гуманитарного знания. Хорошо известно, что Шанин буквально ворвался в науку со своей докторской диссертацией, по «мотивам» которой в 1971–1972 годах выходят в свет его монографии «Крестьяне и крестьянские общества» и «Неудобный класс», где были изложены основные ее положения. По воспоминаниям Теодора, их публикация была воспринята научной общественностью, как будто бы «взорвалась бомба»! Впоследствии монография о крестьянах и крестьянских обществах переиздавалась в течение двух лет 8 раз, а затем ее перевели на испанский, персидский и малайзийские языки. Она включала тексты из наиболее крупных и интересных работ историков, социологов, экономистов,

этнографов, писателей разных времен и народов о крестьянстве. В 1992 году эта монография с дополнениями трудов российских крестьяноведов в виде хрестоматии «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире» увидела свет в России.

Успех работ Шанина определялся не только их высокой научностью и новизной, но общественной востребованностью. В то время шла война во Вьетнаме, и в Англии хотели как можно больше знать о крестьянстве, успешно воевавшем в джунглях против вооруженных до зубов американцев. И труды Шанина на эту тему в значительной степени удовлетворяли этот интерес.

Хотя основные положения научной концепции Шанина в области крестьяноведения заслуживают более серьезного анализа, тем не менее можно тезисно акцентировать внимание на некоторых из них, наиболее важных, по нашему мнению. В своих исследованиях Шанин основывался на достижениях предшественников и коллег (А.В. Чайнова, Р. Редфилда, Д. Скотта, Э. Вульфа и др.). Его отличало крайне бережное, уважительное и в то же время творческое отношение к их научному наследию. Шанин обособил закономерность возникновения крестьяноведения как отдельной гуманитарной дисциплины — в первые десятилетия XX века оно возникло в России и странах Восточной Европы, позднее в ведущих западных странах. В «крестьянских странах» (России, Польше, Румынии и др.) этому способствовало два фактора: наличие самого крестьянства и развитой академической науки. Сталинская коллективизация и фашистские режимы в Европе надолго приостановили развитие крестьяноведческих исследований в этих странах. Их всплеск произошел в 1960–1970-е годы, но уже в США, Англии и других развитых странах Запада из-за возникновения проблемы отсталости в освободившихся от колониализма странах третьего мира, а также неудач неокOLONIALных войн США и Франции в Индокитае, особенно США во Вьетнаме. Большинство населения стран третьего мира составляли крестьяне, и поэтому Западу нужны были знания об их природе, чтобы вести «правильную политику» по отношению к ним. Их получением и занялись интеллектуалы, работающие в рамках крестьяноведения в ведущих университетах США, Англии и т. д. Шанин выделил наиболее важные признаки крестьянства, позволяющие утверждать о параллельном существовании крестьянской экономики, ее жизнеспособности в условиях индустриальной модернизации и других аналогичных процессов, что опровергает марксистскую теорию прогресса. Он убедительно рассуждал об универсальности крестьянской экономики и признаков крестьянства в различных странах и в различные исторические эпохи. Согласно Шанину, крестьяне всего мира на протяжении всей истории человечества отличались от других категорий населения тем, что вели свое семейное трудовое хозяйство, совместно проживали в селении, занимались идентичными видами хозяйственных работ, по одной же схеме взаимодействовали с властью (платили налоги и т. д.). «Общие

черты в крестьянстве разных эпох и регионов достаточно отчетливы, чтобы говорить о крестьянстве как таковом», — подчеркивал он.

Шанин осознавал, что крестьянство — это историческая категория и под натиском индустриальной и постиндустриальных модернизаций оно сокращалось численно и в перспективе исчезало как традиционный вид хозяйствования. Но по его мнению, когда исчезнет «последний крестьянин», крестьяноведение как самостоятельное научное направление останется, поскольку огромным полем деятельности крестьяноведения станет неформальная экономика — прямое наследие крестьянской экономики и крестьянского образа жизни. Неформальная (эксплоярная) экономика — это повседневность большинства населения планеты. Она функционирует на принципах семейной экономики традиционного крестьянства, чтобы «выжить и заплатить налоги». Шанин — один из инициаторов изучения данного феномена современными гуманитарными науками.

В качестве аргумента, что именно Теодор Шанин поднял мировое крестьяноведение на достойный уровень в иерархии гуманитарных наук, внес значительный вклад в пропаганду его идей и достижений в международном научном сообществе, приведем лишь один факт, о котором мне рассказал Теодор. Речь идет о его выступлении на конференции в Ширазе (Иран) на тему крестьянства в условиях модернизации. Оно вызвало интерес курировавшей сельское хозяйство страны императрицы Фарах Дибы, жены шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, которая удостоила Теодора своей личной аудиенции, после которой возникла возможность создания в Англии «Международного университета крестьяноведения». Шах Ирана по ее совету готов был профинансировать его создание и деятельность. Но Шанин не взял на себя ответственность единолично решить столь важный вопрос, учитывая политическое противостояние Ирана с Западом. Он пригласил в Англию ведущих крестьяноведов мира на специальное совещание, и участники так и не пришли к единому мнению: представители третьего мира выступали за, «западных стран» — против. В результате «Международный университет крестьяноведения» создан не был. О высоком научном авторитете Шанина как крестьяноведа, широте его научных изысканий свидетельствуют его полевые исследования крестьянства в Индии, Мексике, Танзании и других стран.

Научно значимы успехи Шанина в изучении крестьянства России. Он — подлинный знаток истории русского крестьянства эпохи кануна и революционных потрясений России в начале XX века, в том числе изданной в России на эту тему монографии «Революция как момент истины», являющейся квинтэссенцией его прежних работ по данной тематике в англоязычной версии. Проблемы крестьянства России и Русской революции рассмотрены им и в других многочисленных публикациях, изданных в последние десятилетия в России, а также в ходе дискуссий на организованном им совместно с В.П. Даниловым теоретическом семинаре Интерцентра МВШСЭН «Современные концепции аграрного развития».

Внимание российских исследователей привлекли идеи Т. Шанина о России как о развивающейся стране третьего мира со всеми свойственными особенностями, главная из которых — ее крестьянский характер. Революция в России открыла собой череду подобных ей революционных потрясений в других странах третьего мира: Мексике, Китае, Турции и др. Шанин обосновал тезис о самостоятельной роли крестьянства в революции 1905–1907 годов, которого никто за собой не вел, ни рабочие, ни революционеры. Крестьянская война началась и развивалась в силу своих внутренних причин, имела вполне осознанный характер и четкую саморганизацию, в основе которой сельская община. Самодеятельный характер крестьянского движения был предопределен положением общины в послереформенный период, получившей от самодержавия значительную автономию, что проявилось, по мнению Теодора, в таком феномене, как обычное право, когда де-факто утвердился приоритет традиционных норм крестьянского суда над официальным судопроизводством.

Новаторским словом в изучении причин Русской революции стал так называемый «поколенческий подход» — Шанин фактически первым из историков и социологов России обратил внимание исследователей на возрастные характеристики участников крестьянских выступлений в России в годы Первой русской революции. Это было поколение крестьян, родившихся после отмены крепостного права, с менталитетом свободных людей, оказавшихся под влиянием индустриальной модернизации и активного воздействия со стороны революционных партий. Также он дал очень убедительное объяснение участия в Революции 1917 года и Гражданской войне на стороне большевиков латышей и представителей других нетитульных народов. Это последствия жестокого подавления самодержавием крестьянских восстаний в Латвии, Грузии и в других окраинных районах империи в 1905–1907 годах. Одетые в солдатские шинели бывшие мальчики и подростки не забыли жестоких расправ царских карателей над их отцами и братьями в те трагические годы.

Следует помнить, что за время работы в России в качестве ректора и почетного президента МВШСЭН по инициативе Т. Шанина и его ближайших коллег и друзей Т.И. Заславской, В.П. Данилова и др. были реализованы такие крупные исследовательские проекты в области крестьяноведения, как «Социальная структура советского и постсоветского села» (1990–1994), «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (1994–2005), «Неформальная экономика сельской России» (1995–1997), «Неформальная экономика домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена» (1998–2000), «Kinship and Social Security» (Семейно-родственные сети и социальная безопасность) (2004–2008), «Местное самоуправление и гражданское участие в сельской России» (2005–2008), «Социальная дифференциация и местное самоуправление в сельских поселениях и малых городах России» (2009–2010). Важнейшие результаты этих исследований были отражены в томах ученых записок «Крестьяно-

ведение: Теория. История. Современность», соредактором которых с 1996 года и до последнего времени был Теодор Шанин.

А.М. Никулин: Слово предоставляется профессору географического факультета МГУ Александру Ивановичу Алексееву, он много работал в сельских проектах, был экспертом в региональных географических исследованиях.

А.И. Алексеев: Должен сказать, что время, когда я общался с Шаниным и теми, кого сейчас зовут «коренные шанинцы», — одно из самых интересных в моей жизни. Хотел бы начать с того, как я встретился с Теодором. Нас познакомила Инна Владимировна Рывкина, с которой мы очень давно сотрудничали по изучению сельского образа жизни. Я был у нее в гостях в Новосибирске, и вот меня представляют «английскому профессору». Он не был похож на английских профессоров, которых я много видел в МГУ, — те были при галстуках. Это я уже потом услышал рассказ Шанина о том, «как отличить Шанина от всех других преподавателей английского университета: он единственный без галстука». И еще поразила, конечно, его речь — было видно, что человек изучал русский язык не по учебнику, а вращался «в глубине народных масс». Дальше у нас началось профессиональное общение, и должен сказать, что Шанин — один из немногих социологов, который хорошо понимал, для чего нужна география. Я и мой коллега Александр Ткаченко из Тверского университета определяли те зоны, в которых нужно отобрать села для монографического изучения. А потом уже с Валерой Виноградским и другими ребятами мы делали программу изучения сельского населенного пункта, в том числе — его территориального окружения. Уже после смерти Теодора я узнал, что, оказывается, Шанин — истинный географ, я посмотрел его исследовательские проекты — это была Танзания, Иран, Индия, Бразилия, Китай, Швеция, США и т. д. Человек знал не только развитие страны, но и развивающийся мир. Так получилось, что мне пришлось читать лекции по сельской социологии в России. И вот рассказываешь, как в 1930-е годы у нас искали «врагов народа», а в это время в США уже выходит журнал «Сельская социология». Как известно, в СССР даже слово «социология» было запрещено. Если посмотреть первое издание Большой советской энциклопедии, в статье об экономической географии есть специальный раздел «Вредительство в экономической географии» — конечно, возникает чувство горечи. И я сделал для себя вывод, что два человека возродили сельскую социологию в России — это Татьяна Ивановна Заславская, которая еще в конце 1960-х годов начала со своей командой изучать миграцию сельского населения, потом сельскую местность как систему, потом работу сельского населения. А с 1990-х Теодор Шанин возродил то, что было в начале XX века — провел крупномасштабное изучение каждого отобранного сельского населенного пункта. Я до сих пор привожу студентам пример: я приехал в гости к Александру Михайловичу Никулину и Валерию Георгиевичу Виноградскому в станицу Краснодарского

края, и в первый же день к нам в гостиницу стали приходиться местные жители и рассказывать такие тайны своей жизни, что я был потрясен: насколько эти двое «шанинцев» влились в сельскую жизнь и насколько население им доверяет. Для географа это была мечта, у нас как-то очень давно уже нет таких исследований, когда бы нам пришлось длительное время прожить в одном населенном пункте. А участие в обсуждении с Шаниным на «длинном столе» — это вообще пир духа, как говорится. Когда они прекратились, я просто физически почувствовал, что мне чего-то не хватает в жизни. Закончить я хочу вот чем: когда мы с Шаниным стали встречаться реже, в основном на этой шикарной конференции «Куда идет Россия?», где была секция «Социология деревни», для меня он стал похож на литературного героя Стругацких из «Понедельник начинается в субботу». Там один из персонажей — самый мощный маг Саваоф Баалович Один, вот его описание: «От Саваофа Бааловича исходила чудовищная энергия. Было замечено, что в его присутствии часы начинают спешить и распрямляются треки элементарных частиц, искривленные магнитным полем». Я чувствовал, что при встрече с Шаниным я попадаю в такое поле, которое дисциплинирует — надо подбираться, нельзя быть в расслабленном состоянии. Таких людей знаю только двоих — Татьяну Ивановну Заславскую и Теодора Шанина. Так что ему спасибо за все, что он сделал.

А.М. Никулин: Раз уж Александр Иванович вспомнил команду Шанина — социологов, которые в 1990-е годы реализовывали его социально-антропологические проекты, фактически использовавшие чаяновскую методику, то я передаю слово «тройке коренных исследователей» того времени — Виноградскому Валерию Георгиевичу, Фадеевой Ольге Петровне и Штейнбергу Илье Ефимовичу.

В.Г. Виноградский: Александр Иванович, спасибо Вам за то, что Вы напомнили ряд интересных эпизодов. Но начну с другого. Я — «полевик» команды первого крестьяноведческого проекта Теодора Шанина. Первый раз я увидел Теодора в июле 1990 года в зале заседаний Академии сельхознаук, по-моему. Разношерстные команды людей, собранных «с миру по нитке» с разных регионов — географы, историки, социологи, культурологи... От молодых до ветеранов, как я — мне было уже почти 40 лет. Ждем, Шанина нет. Спустя некоторое время в зал уверенной походкой входит громадный мужчина. На плече — бесформенная, но очень дорогая кожаная сумка, которую он небрежно бросает на покрытый красным бархатом стол, еще советских времен, и говорит по-русски три фразы, отрывисто, с небольшим акцентом: «Извините опоздание (без предлога). Десять минут. Москва — тяжелый город». И потом началось организационное собрание, в результате которого возник этот проект. Но меня поразило не то, что Шанин говорил, хотя это тоже было очень интересно. Но вот его напряженное выражение лица... От Шанина исходила какая-то странная энергетика: с одной стороны — уверенность, непререкаемая, а с другой стороны — какое-то ожидание,

отвага какого-то риска. Эти две эмоции прочитывались и в его глазах, и в тональности его разговоров, они поражали. Такого до сих пор видно не было. Либо профессор и ученый человек, либо робкий аспирант, в ожидании чего-то. И вот это человеческое качество хорошо читалось в поведенческих акциях Шанина на всем его пути. Оно проявилось и в его способах управления командой первого крестьяноведческого проекта. Здесь я хочу остановиться на одной важной вещи: Шанин, на мой взгляд, приучал всех нас с самого начала привыкнуть к незнанию, не к впитывающей пустоте, а к науке «незнания», к этой «*De Docta ignorantia*», которая восходит еще к Сократу, толкает вперед пуще иных сил. Меня здесь поддержат члены первой команды проекта Шанина — он запретил нам в течение первых трех месяцев пребывания в деревнях заниматься чем-либо по научной части: приставать с расспросами, лезть с таблицами — интересоваться чем-то подобным. Это погружение в состояние «знания незнания» тебя действительно «растворяет», и ты начинаешь становиться настоящим «полевиком». Восприняв этот урок, который я получил от Шанина, в эти первые три месяца в деревне я не нашел ничего лучше, как купить там дом (в нем мы прожили вместе с семьей три с половиной года), а затем устроиться на местную пекарню «высаживать» только что испеченные буханки хлеба на стеллажи. Так я не только приносил каждый день детям и жене свежий хлеб, но и познакомился со всей деревней. Люди приходят за хлебом, становятся в очередь: «А кто это такой?» — «Пришел истории какие-то писать». Привыкли — и стали самими собой. Это такая шанинская уловка про «науку незнания». И еще пример из «науки незнания»: это тот самый документ — «картина села», второй важнейший документ после истории семьи, который помогал в этом проекте с начала и до конца. У нас был небольшой коллектив географов и социологов, мы этот «путеводитель по картине села» и создавали. При очередном обсуждении мы предложили Теодору, чтобы крестьяне рассказывали о дорогах, связывающих эту деревню с внешним миром, он подумал и сказал: «Ну, дороги... Это такая вещь городская, географическая, военная. А в деревне ведь тропинки. Так посмотрите на тропинки, по которым ходят, ездят на телегах». Не задавшись вопросом о тропинках, мы пропустили бы массу информации... Представляете, мы спрашиваем людей: «А знаете ли вы тропинки, по которым ходите вы одни или ваши знакомые?» И всплывает округа в ее потайных «карманах» — грибница, малинник, которые знакомы только этим людям. Яма для хранения ворованного колхозного картофеля, например куда грузовик можно спрятать. Всякие «ловчие» ямы, к которым по дорогам не ездят, а ходят по тропинкам. И целая жизнь — неформальная, экономическая, природособирающая. Это результат вопроса Шанина «про тропинки». И подобные «уловки», которые базируются на «науке незнания», до сих пор работают. Все время примеряешься в своих нынешних научных действиях к тому, чему учил нас Шанин.

А.М. Никулин: Спасибо, Валерий. Воспроизведены очень важные детали методологической полевой работы, которой учил нас Теодор Шанин. А сейчас я передаю слово Ольге Фадеевой.

О.П. Фадеева: Я продолжу линию наших «первых членов шанинской команды», «рыцарей длинного стола», как писал про нас Отто Лацис в свое время. Я с Теодором познакомилась чуть раньше, через Татьяну Ивановну Заславскую. Я из Новосибирска, из новосибирской экономико-социологической школы, как сейчас принято говорить. И Теодор еще тогда — в 1988 году — замыслил несколько раундов организации школы для молодых социологов (это еще СССР, перестройка) — решил, что надо молодых социологов как-то образывать. Приехал в Новосибирск, мы встречались на квартире Татьяны Ивановны, нас было трое, тех, кто затем поехал на эту школу. Это было небольшое «лоббирование» для нас, но мы все равно проходили затем экзамены. Уже в Манчестере Теодор спросил, какова моя исследовательская деятельность, чем я занимаюсь в Новосибирске. Я сказала, что это сельский мир, домашнее хозяйство. Он сказал: «Знаешь, я планирую сделать такое исследование — прийти в Россию и попробовать организовать, чтобы можно было выехать в села и действовать не так, как вы привыкли действовать — приехать и собрать заполненные анкеты, и только ветер будет петь за автобусами приехавших и уехавших социологов, а поработать в деревнях подольше». Мне показалось это довольно странным и необычным. И вряд ли осуществимым. Но через год проект начал реализовываться, причем с довольно большим размахом. Валера сказал, что собралась довольно разношерстная команда, но она была ориентирована на то, чтобы работать в самых разных полях и самых разных регионах, начиная от Белоруссии и заканчивая Сибирью. Потом присоединились Урал, Нечерноземье. Это было довольно интересно чисто географически выбранное исследование. Это первое.

Второе — это то, как подбирались люди в проект. Тоже своего рода социальный эксперимент, потому что предстояло на три месяца выезжать в село. Были запущены разного рода «социальные сети» — кто-то кого-то рекомендовал, кто-то жил там постоянно, кто-то ездил между домом и селом в течение этих лет. И это тоже было показательно — кто из нашей команды смог друг с другом ужиться и плодотворно работать, а у кого-то это не получалось. Но Теодор сразу ввел правило: каждые три месяца мы приезжаем в Москву, собираемся, как правило, в Переделкино и проводим «длинные столы», которые занимали несколько дней и были посвящены самым разным вопросам, начиная с отчетов с мест. В них не было строгой структуры, но Теодор проводил эти «длинные столы» как замечательный модератор, мог ставить вопросы, на которые мы пытались ответить. Мы сами разрабатывали вопросники — Теодор не привозил их нам, мы сами пытались разобраться, какие вопросы мы хотим задать нашим респондентам, как их нужно поставить. Позже я уже не смогла участвовать в полевых иссле-

дованиях — у меня родился ребенок. И Теодор назначил меня «начальником штаба», это было где-то через год после начала проекта. Было достаточно странно — что может делать человек с маленьким ребенком? Но я все равно каждые три месяца приезжала. Я сразу начала вести «летопись» нашего проекта. Тогда еще особо не было диктофонов, я писала от руки, потом это расшифровывала, пересылала всем, отвечала за бюджет и за все материалы, которые участники наших групп привозили. Пыталась как-то классифицировать, контактировать с людьми. Мне как воспитаннице новосибирской школы, которая была приверженцем количественных методов, было немного странно, что не все мы действовали по одним образцам. Там было много разнообразия, которое сводилось к тому, что не все одинаково сдавали материалы. Как правило, группа работала в трех селах в течение первого проекта, и у всех было написано по-разному. Мои попытки сделать это единообразно или систематизировать не приводили к большим успехам. Но потом я поняла, что в этом есть смысл — оставить это разнообразие. Теодор и не стремился к тому, чтобы были сданы однообразные труды. И еще очень важно, что Теодор с моих первых шагов знакомства с ним делал ставку на образование — я познакомилась с ним благодаря этой первой школе молодых социологов в Англии. Затем он каждое наше заседание нас «образовывал» — такая мини-лекция. А потом он, по сути, принудил большую часть наших исследователей к тому, чтобы они закончили «Шанинку». Я в нее не попала, но многие из моих коллег отучились там. Я хочу сказать, что Теодор развил в нас и во мне прежде всего такое желание пользоваться качественными методами, а второе — я каждый год выезжаю в деревню, причем регионы у меня самые разнообразные. Благодаря Теодору я сначала побывала во всех тех местах, где работали наши группы, как «начальник штаба», по его словам. А сейчас я уже сама себе «начальник штаба». И в этом смысле мое исследование и дружба с коллегами продолжается. Мы создаем такой костяк, который быстро собирается, независимо от того, что между нами тысячи километров.

А.М. Никулин: Я передаю слово третьему участнику шанинских проектов 1990-х годов — Илье Штейнбергу.

И.Е. Штейнберг: Большая честь и радость увидеть всех, особенно моих коллег по первому проекту. Хочу остановиться на первых впечатлениях: как и у Валеры, оно о Теодоре было «неслабым». Я помню два особенных момента: Теодор объяснил, откуда взялся проект, как возник замысел. Его пригласили как эксперта на тему о развитии фермерства, и решил организовать этот проект и самому собирать статистику о хозяйствах после того, как послушал обсуждение своих коллег без какой-либо статистики. «Как они могут обсуждать что-либо, не имея статистики?» Второе впечатление — это встреча, когда Теодор объяснял нам, как будет строиться дизайн проекта, о том, что мы будем жить в селах по три месяца, восстанавливать традиции Чаянова по сбору земской статистики.

Вдруг он остановился и спросил: «А почему вы не задаете мне никаких вопросов, коллеги? Хотя бы один — зачем все это надо?» Мы сказали, что понимаем, для чего это надо. «И для чего же?» Мы сказали, что соберем данные и на их основании дадим рекомендации по повышению производительности труда в сельском хозяйстве и т. д., все, чему нас учили. И он тогда сказал: «Нет, коллеги, не для этого мы здесь. Мы собрались, чтобы узнать истину — как устроено сельское хозяйство, что там реально происходит, потому что опасно что-то менять, не зная происходящего». Это те вещи, которые потом, не сразу, вошли в нас и стали изменять наше представление о том, кто мы и чем мы должны заниматься.

И еще — Теодор как организатор полевых исследований села, где он мог проверить свои гипотезы относительно динамических исследований Чаянова и традиций земской статистики. Для этого он создал рабочую исследовательскую группу, которую назвали «Длинный стол». Сам Теодор описывал свой подход так: «Это метод подготовки и взаимной поддержки, коллективного вклада в развитие программы исследования, который был назван нами «Длинный стол» — по месту и характеру проводимых встреч и совместной работы коллектива исследователей». Я это процитировал по статье «Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни». С тех пор прошло 20 лет, но я бы не стал менять ни одного слова в этом определении, хотя за это время было проведено сотни «длинных столов» по различным исследовательским задачам, а с 2006 года есть курсы по обучению методу «длинного стола» в вузах, различных исследовательских компаниях и организациях. Более того, в полевых экспедициях мы придерживаемся метода «длинного стола», который завел Теодор в 1990-е годы. В нем три части: сначала — мини-лекция Теодора по методологическим вопросам исследования, потом — сообщения коллег по этим же темам, далее — отчет о результатах их «поля», некое «профсоюзное собрание», как он это называл, где обсуждаются технические и бытовые вопросы. Еще он проводил индивидуальные беседы с каждым участником по разным вопросам. С тех пор порядок немного другой, особенно на курсах, там специальные упражнения дают, но участникам я всегда объясняю основные принципы этой групповой работы словами Теодора, которые звучат как афоризмы. Например: «Ни у кого нет монополии на истину», «Иное всегда дано», «Невозможного нет, только трудное». И спустя 20 лет могу сказать — чему Теодор научил участников «длинного стола» и в плане методов подготовки исследований и не только, так это умению проводить исследование в условиях неопределенности, изучению этой неопределенности как самостоятельного феномена. Мы «начали экспедицию в СССР, а закончили в Российской Федерации», по выражению Теодора. Тогда мы не смогли применять чаяновскую методику бюджетных исследований из-за инфляции, дефицита всего, криминала. Но они не были отброшены и забыты

насовсем: все же дух Чайнова и земских статистов присутствовал, особенно при анализе интерпретаций этих данных.

Еще одно, чему научил нас Теодор за это время, — это способ мышления для изучения нелинейных систем и циклических процессов, которые представляет сам человек в отношениях. И третье — это упрямые требования фактов и беспристрастное их взвешивание, критическое мышление с опорой на традиции предшественников. Это нас до сих пор сопровождает. Дух «длинного стола», создание пространства взаимной поддержки, коллективного вклада, свобода мысли и уважение друг к другу — это очень важно, это он очень умел делать, как никто другой. Я думаю, что можно говорить о школе Теодора в разных смыслах, но для меня школа — это когда есть учитель, есть ученики, которые разделяют его идеи, принципы, подходы к исследованию — так что школа Теодора существует, мы продолжаем его дело, и он бы сейчас порадовался.

А.М. Никулин: Я хотел бы тоже сказать несколько слов от имени команды Теодора Шанина (я в его проекты пришел чуть позже, в 1993 году). Я очень благодарен моим коллегам за эмоциональную оценку методологических инноваций, которым научил нас Теодор Шанин. Хотелось бы перечислить достижения тех проектов и дать краткую оценку тому, какое приращение знаний у нас произошло в эти годы. Первое, о чем хотелось бы сказать: мы попытались включить в культуру наших исследований бюджетные исследования земской статистики. У Теодора был очень амбициозный проект, о котором он договаривался с Егором Строевым — это был третий человек в России на тот момент, глава парламента, а во времена Горбачева отвечал за сельское хозяйство, профессиональный аграрий, губернатор Орловской области. Идея заключалась в том, чтобы провести такое же массовое статистическое исследование в духе советского ЦСУ 1920-х годов в регионах Российской Федерации. К сожалению, этот проект не состоялся. Наши бюджетные исследования рассматривались как возможный «пилотаж» к предстоящему экономико-статистическому массовому обследованию в 1990-е годы, но Строев утратил вскоре свои позиции, и некому стало лоббировать проведение такого исследования в достаточно бедной тогда России 1990-х годов. Но тем не менее эти исследования были частично осуществлены, и мы на примере нескольких десятков бюджетов получили очень достоверную картину функционирования сельских семей в разных регионах РФ — на Кубани, в Саратовской области, в Центральном Черноземье и т. д. Я считаю, что это очень интересный результат. Одновременно мы проверяли в этих бюджетах идею трудопотребительского баланса Чайнова — насколько это работает. Я бы сказал, что здесь результаты у нас были неоднозначными, и общий вывод, которого придерживался и Шанин, таков: модель трудопотребительского баланса сама по себе красивая и эффектная теоретически. Но когда вы начинаете наполнять ее эмпирическим содержанием, возникает масса нюансов и исключений из правила. Особенно

уже в развитом индустриальном обществе России 1990-х годов, когда вы имеете дело с неформальной экономикой российских домохозяйств, очень важную роль играют и побочные заработки в городе, и различные денежные доходы, поэтому однозначного ответа на то, что модель трудопотребительского баланса работает в своей «чистой» форме, как у крестьянства времен Чаянова, мы не нашли. Эмпирическая действительность 1990-х оказалась столь сложной, что невозможно было однозначно применять эту модель к постсоветской России конца XX века.

Еще я считаю очень важным: Теодор привнес культуру изучения «социологии власти на местах». Изучение власти в советское время фактически было запрещено. Это была тайна, не было такого направления в советской социологии. Тем более антропологических исследований — кто есть кто на уровне отдельного сельского района, какова конфигурация взаимоотношений между председателем колхоза, главой районной администрации, главным инженером, богатым селянином. Я тут должен вспомнить одного из коллег, армянского социолога Амазаспа Маиляна, который использовал методологический подход Макса Вебера, его упоминание о значении «видных людей», «местных локальных лидеров», чтобы вскрыть реальную картину локальной власти на селе, увидеть драму власти. Это тоже удалось исследовать в наших проектах, и даже дать некоторые антропологические описания подобного рода ситуаций.

Четвертое, касательно знаменитого спора — что выгоднее и перспективнее: крупное хозяйство, колхоз или мелкая форма, семейное хозяйство? В России велись такие споры раньше, ведутся и сейчас. Но на материале наших проектов 1990-х мы пришли к выводу, что государство в своей аграрной политике стихийно «шарахалось». То оно старается создать слой мелких фермеров в начале 1990-х, то потом возвращается к поддержке крупных аграрных производителей. И сейчас у нас доминируют крупные агрохолдинги. Но на местах мы обнаруживали попытки найти взаимодействие, неформальное кооперирование между семейными домохозяйствами и «постколхозом», тем, что от него осталось (это часто происходило неформально). Но эти попытки компромисса, попытки нахождения каких-то экономических отношений, сотрудничества между домохозяйствами и колхозом, между крупным индустриальным производством и домашним хозяйством были нами неоднократно зафиксированы и описаны в ряде публикаций. Шанин говорил, что он скептически относится к тезису Шумахера «Прекрасное — в малом», так же как и к «Прекрасное — в большом». Прекрасное — в комбинации. В поиске взаимовыгодного сочетания между малыми и крупными формами. Чаяновский кооперативный путь развития не реализовался в 1990-е годы, но он находил всякого рода неформальные виды. И мы в нашем проекте достаточно много и подробно описали подобного рода неформальные социальные институты взаимодействия крупных и мелких аграрных хозяйств.

Джудит Пэллот упомянула, что, может быть, в своих ранних работах Теодор не уделял достаточного внимания гендерным исследованиям, однако волей-неволей мы вышли на проблему значения женщины в сельском хозяйстве России. Например, когда мы брали бюджетные интервью — есть определенная культура в разных странах того, кто вам рассказывает про бюджет — так вот, в массе своей, конечно, в России это были женщины. В станице, где я был, только один респондент был ответственный среди мужчин за бюджет, а в основном, конечно, это была «женская доля». Впечатлений ролью городской женщины в повседневной деятельности — что надо одновременно быть и на работе, и на домашнем хозяйстве, и при этом формально уступать свою роль мужчине и быть на втором месте, при этом нести основную нагрузку домашней работы и труда в общественной сфере, Теодор также сформулировал один из своих иронически парадоксальных афоризмов: «В России лучший мужчина — это женщина».

Я назвал только часть интересных и важных направлений междисциплинарных социологических количественно-качественных проектов Теодора Шанина. Вот еще один: важным было исследование проблем сельской культуры, которую курировал, кстати, Александр Владимирович Гордон и который мог бы охарактеризовать культурологическое направление в наших проектах. Поэтому я считаю, что шанинские исследования дали ценные результаты для понимания реальной картины жизни села, они опубликованы в книге «Рефлексивное крестьяноведение» (2002 г.), там дано хорошее представление о том, чего мы добились в наших сельских исследованиях различных регионов России.

Сейчас я хотел бы передать слово представителю уже младшего поколения исследователей — Дмитрию Rogozinu.

Д.М. Rogozin: С Теодором я познакомился в 1999 году, но сейчас хотел бы рассказать о совсем недавних событиях, поскольку понимаешь, что настоящее еще не кончилось. Все продолжается. Недавние события — это последние два года моего общения с Теодором в 2018–2019 годах. В 2018 году у меня было довольно сложное «поле», оно возникло спонтанно, я его не ожидал. «Поле» длилось всего несколько месяцев, но оказалось настолько сложным, что я из него до сих пор не вышел, а прошло уже два года. Исследование было посвящено бедности в сельской местности. Несколько месяцев я ездил по селам и малым городам — разговаривал с людьми о том, как им живется. Причем отдельно выбирал людей, которым живется очень плохо. Когда я возвращался в Москву, я встречался с Теодором и обсуждал с ним эти вещи. Хочу сделать акцент на роли Теодора в жизни исследователей, которым не повезло, они не приняли участие в глобальных проектах, где Теодор выполнял роль наставника или участника проекта. Вообще совершенная фантастика, когда есть супервайзер — что совершенно отсутствует у нас в полевых исследованиях, хотя су-

первизия нам крайне необходимо. И вот два года у меня прошли под супервизией Теодора.

У нас большинство «полей» инициируется государством, и повестка поэтому «государственная»: кому помогать, как находить бедных, кому какие деньги давать и т. д. И первое, что мы обсуждали с Теодором: когда ты видишь бедноту, не думай, что ты пришел сюда спасать только их. Постарайся увидеть в бедности и какие-то другие аспекты этой жизни. Бедность не тотальна, это не угнетенные люди. Твоя задача в том, чтобы это угнетение вскрывать и докладывать «наверх» — где и как плохо. И вообще, деньги не очень-то этому помогают. Другими словами, роль исследователя заключается не в том, чтобы находить проблемы и их решать. Роль исследователя в том, чтобы совместно со своим респондентом видеть этот мир, переопределять его. Казалось бы, это банально, но все это трансформировало мое зрение. Еще мы обсуждали, кто такой супервизор. И Теодор сказал, что супервизор — это не тот, кто знает больше. Не надо даже думать, что супервизор знает больше, это не про передачу знаний или обучение навыкам. Теодор сказал, что «это зеркало». Это просто другой ракурс. Ничего нового с точки зрения знаний ты не обнаружишь, но у тебя возникает иная перспектива, которая позволит на твою исследовательскую проблему посмотреть по-другому. И это такая вещь, которая меня сначала озадачила, а потом дала мне возможность по-другому посмотреть на то поле, в котором ты находишься. Не ищи объяснения знаниям, а ищи другую перспективу. Не пытайся ответить на вопросы, а пытайся их поставить. И вот это такой второй совет от Теодора. И третье: это тоже может показаться банальным, но в «поле» эта банальность уходит. Теодор сказал: «Государство видит бедность индивидуально». Вот бедный человек, надо дать ему денег. И у нашего государства столько этих выплат, что любое другое государство сразу бы в обморок упало, потому что это сотни выплат, копеечных, но их много. То есть формально государство у нас заботится о каждом. Но если посмотреть на это внимательно, то окажется, что и ты как исследователь не «один в поле», так и нуждающийся человек не один. Помощь идет не ему, а идет семье. И в этом смысле семья и является предметом исследования. Если ты исследуешь бедного, то ты и окружение исследуешь. Нет индивидуальности в социальной жизни. Так же, как и нет индивидуальности в твоей жизни как исследователя. Если ты думаешь, что ты такой умный пришел и что-то здесь обнаружил, и будешь нам рассказывать — значит, ты ничего не обнаружил. Единственная твоя задача — начать разговор с собой, со значимыми для тебя близкими исследователями, а сверхзадача — сделать значимыми и близкими тех респондентов, с которыми ты общаешься. Включить их в исследовательскую повестку, начать говорить с ними. Мы много смотрим на Запад, а здесь на обычном русском языке надо сформулировать, как искать свое место в исследовании, как определять «повест-

ку», которая не является повесткой некоего заказчика, исполнителя, а повесткой, возникающей в этой коммуникации. Вот три аспекта, которые я буквально вынес из взаимодействия с Теодором. Они в настоящем определяют мои размышления о полевой работе, и как резюме я бы сказал так: Теодор в моих последних дискуссиях с ним актуализировал не существующую сейчас, но очень значимую методологическую, методическую роль в социальных исследованиях — это роль супервизий. И мне кажется, это то, на что нужно тратить нам свои усилия. Я думаю, что нужно задействовать свой прошлый бекграунд, чтобы ввести в наш тезаурус еще одно методическое решение от Теодора — «полевую» супервизию.

А.М. Никулин: Спасибо, Дмитрий. Здесь много говорили о значении мудрых методологических рекомендаций Шанина. Но можно кратко суммировать некоторые находки твоих последних изысканий в области проблемы бедности в России?

Д.М. Рогозин: Что приходит в голову: это то, что бедность в России напрямую не связана с деньгами. Государство видит бедность через призму трансфертов, для государства человек важен не как личность, у которой что-то рушится, а как некоторый набор документов, которые подтверждают получение человеком средств или его трат по этим средствам. И исходя из этого, очень странно определять бедность через деньги, поскольку мы раз за разом обнаруживаем довольно любопытную ситуацию — конструирование бедности. Находятся группы, и это очень часто связано с национальными группами, например цыгане. Они объединяются семьями и нанимают себе хорошего юриста, который обеспечивает им получение всех возможных дотаций. И эта цыганская община с точки зрения государства смотрится крайне бедно. А в деревне, где они живут, их воспринимают как сверхбогатых. В общем, получается, что, рассматривая эти бумажки, которые «конструируют бедность», — государство воспроизводит какую-то собственную реальность, которая реальна для чиновника и абсолютно нереальна для человека, который находится рядом и в чем-то нуждается. И это связано с тем, что люди, действительно нуждающиеся в помощи, не получают ее от государства, поскольку часто нуждающийся человек не может оформить свою «нуждаемость». Он не может показать, что у него нет денег. В России недостаточно голодать и не иметь работы — нужно уметь показать, что у тебя нет работы. И в этом смысле самые обездоленные люди — это бывшие граждане СССР, приехавшие из Средней Азии. Они не могут подтвердить того, что у них нет доходов. Или женщины, у которых мужчина уехал на заработки и не вернулся. Формально она замужем, но она уже несколько лет не видит мужа и поднимает детей сама. И не может подтвердить свое одиночество — не может получить дотацию от государства. Еще удивило то, что бедность в России не определяется тотальной ненужностью в этом мире. Когда ты с семьей находишься в ситуации, которую чиновники называют «сложная жизненная ситуация» — сложнейшая

ситуация в реальности, то у семей после 2–3 часов разговора обнаруживаются те самые «тропинки» к различным «схронам», взаимоотношениям, помощи — товарищеской или не очень товарищеской. К разным формам самоорганизации, которые государство не видит и никогда не увидит, потому что на них не только бумаги нет, но и эти формы самоорганизации труда определяются тем, что о них не стоит говорить. Их нет не только на бумаге, их нет и в разговорах, они само собой разумеющиеся. Я имею в виду, например, принесенные продукты или какую-то разовую работу. Весь этот пласт взаимодействия настолько сильно переплетен, что формально государство часто попадает в ловушку. Например: у нас функционировала программа поддержки молодых врачей и учителей на селе. Если молодой специалист приезжал в село, ему предоставлялось жилье и давались деньги на покупку жилья, а заработная плата у него была выше, чем у людей, находящихся на тех же позициях. Государство ему доплачивало значительно. Но мы вдруг обнаружили, что эти люди глубоко несчастны в деревне, поскольку им никто не продавал сметану по цене, по которой продавали своим. С ними никто не общался так, как общались со своими. Они попали в ловушку отсутствия тех самых трансферов и взаимодействия, соучастия, которые и делают деревню деревней. И еще: я начал с того, что бедность — это не про деньги. В этом исследовании я обнаружил, про что же это. Есть определение бедности в России: «Бедность — это отсутствие будущего». То есть бедность — это растерянность перед тем, что будет завтра. И здесь мы уже сейчас обнаруживаем в исследованиях коронавируса, что подавляющее большинство россиян не знают, что будет через две недели. Это и есть характеристика накрывающей нас бедности.

А.М. Никулин: Теодор как-то спросили о его собственной самоидентификации — кем он себя считает по национальности? И Теодор сказал, что он наполовину еврей, наполовину восточный европеец и наполовину англичанин. Когда ему сказали, что это уже не один, а полтора, а мы привыкли измерять в единицах, Теодор ответил: «Ничего, я большой и я длинный». Так вот, мы сначала беседовали с вами об исследованиях в Англии с английскими коллегами, потом перешли к России. А сейчас нам предстоит обратиться к нашим африканским коллегам. Я рад приветствовать наших докладчиков из Южной Африки Рут Холл и Бонавентуру Маджани.

Р. Холл: Спасибо команде Чайновского центра за возможность выступить. У нас есть исследование «Крестьянский марксист, который верил в политическую активность сельских жителей», о котором мы хотели бы поговорить. Я работаю в Западно-Капском университете и познакомилась с работами Теодора Шанина в 1990-х годах благодаря Барбаре Харрис. Для меня было большой честью по приглашению профессора Никулина вместе с Сержио Шнайдером присоединиться к мероприятию, посвященному 100-летию Русской революции и встретиться там с профессором Шаниным лично.

Тогда меня поразило — насколько это скромный и доступный человек, я подумала, что мне нужно все записывать.

На этой конференции мы обсуждали и аграрные изменения в России и других частях света. Шанин занимался Чайновым, и отчасти и поэтому мы изучаем работы Шанина. Мы очень серьезно относимся к его методологическим предложениям, но при этом достаточно критично к его теории. С большой грустью мы узнали о его кончине и провели в Кейптауне специальные мероприятия, чтобы почтить его память и поговорить о наследии, которое он оставил нам в южной части Африки. Это был ряд дискуссий и совместных обсуждений его книг и статей «Неудобный класс» (1972), «Крестьянство как политический фактор» (1966), «Класс и революция» (1970), «Структура и логика крестьянской экономики» (1973), также работ, посвященных Чайнову. Мы считаем, последние имеют большой смысл для нас сегодня в Африке. Мы также изучали работы, в которых на основе различной колониальной истории стран выделялись три региона. Этот подход особенно интересен в нашем регионе — в Южной Африке, где долго существовал расизм и сегрегация черных и белых. Так, в среде белого населения формировался капиталистический класс, в это же время чернокожие оставались в незавидном положении. Этот феномен лег в основу нашего исследования не только Южной Африки, но и более широкого региона. И именно на эти исследования повлияли работы как Чайнова, так и Шанина. Особенно интересно то, что во время процессов развития капитализма и «пролетаризации» мы наблюдали рождение различных форм контроля над трудом и землей. Это, например, перевод средств и перемещения людей, когда деньги зарабатываются в городе, а потом пересылаются в сельскую местность. Сейчас мы фиксируем деаграризацию: люди, живущие в сельских регионах, часто уже не занимаются фермерством, многие получают доходы не только от сельскохозяйственной деятельности. Кроме того, мы наблюдаем и поколенческую циклическую мобильность: молодые люди уезжают из сельской местности, едут в города, отправляют деньги в деревню. Мужчины и женщины в этом процессе очень часто играют разные роли. В 1970-е годы марксистская экономическая теория говорила о роли женщины в крестьянских хозяйствах, которая заключалась в частичном субсидировании того, как капитал накапливался в городе. Трудовая деятельность в сельской местности являлась основой для социального воспроизводства, выращивания следующих поколений, которые отправятся в города. Поэтому некоторые наши работы используют идеи гендерных теорий. Кроме того, нас особенно интересует молодежь и ее перспективы в сельских регионах. Ведь люди все чаще задаются вопросами о смысле жизни в сельской местности, как так получается, что человек живет в сельской местности, но при этом не занимается фермерством? Это может казаться иррациональным: люди часто инвестируют в дома в деревне, а не в возделывание земли, или владеют землей, но никак ее не используют. Опять же, достаточно часто

социальное воспроизводство в сельских семьях поддерживается семейным трудом, и мы не видим фрагментацию на более мелкие фермы с течением поколений. Исходя из этого, мы постарались адаптировать к нашим условиям некоторые идеи Чаянова и Шанина. Мне кажется, что во многом релевантность работ Шанина связана с вопросами, которые он ставил, и методами, которые он использовал, нежели поиск простого сходства. Конечно, крестьянство, или, шире, сельское население, оказывается «неудобным классом» в нашем регионе. Это ведь не «чистые» крестьяне, и одновременно они не интегрированы в реальность городского рабочего класса. В нашей части света идет множество дебатов по поводу мелкотоварного производства, которым не должно заниматься «настоящее крестьянство», однако мы знаем, что для многих это источник дохода для выживания своей семьи. В заключение хочу сказать, что в Шанине меня вдохновляет то, что он не ожидал, что люди будут строго следовать за ним. Он хотел, чтобы люди делали что-то новое. И мы будем продолжать наши исследования, опираясь на его вдохновение.

Теперь я передаю слово своему коллеге из Мозамбика Бонавентуре Монджани.

Б. Монджани: Я сейчас буду выступать перед людьми, которые работали с Теодором Шаниным, провели с ним большое количество времени, — это трудно, к тому же я молодой ученый. Думаю, что работы Шанина весьма релевантны для южной части Африки. Это касается и концепции, которую он предлагал, и методов, которые он разработал. Шанин признавал социальную активность сельской местности и развивал свою теорию в этом направлении. Мне кажется, что он немного писал о собственно социальных движениях, но доказал, что крестьяне сами по себе не являются реакционным классом или врагами революции — многое зависело от внешнеполитических факторов. Что касается моего исследования: я провожу его в Мозамбике, Зимбабве и Южной Африке и нахожусь в постоянно диалоге с тем, что писал профессор Шанин. Особенно меня вдохновляет его поддержка транснационального аграрного движения. Я сам в течение нескольких лет был активистом, и мне было интересно видеть интеллектуалов, которые не только разделяли пафос, но и принципы продовольственного суверенитета. К сожалению, у нас часто в академических кругах наблюдается большой скептицизм по отношению к аграрному движению. Что касается нашего континента, то иногда мы сталкиваемся с мнением, что в Африке нет настоящих аграрных движений, и поэтому нет внятной сельской политики. Подобное мнение разделяют как ученые, так и активисты. Однако мое исследование в Южной Африке показывает, что некоторые особо яркие формы мобилизации протеста наблюдаются именно в сельской местности. И это не преувеличение и не романтизация.

Второй момент, на котором я хотел бы остановиться, это тот факт, что в Африке сельская активность и ее политическая окраска исторически наблюдалась во многих частях континента. Здесь

уместно вспомнить роль сельского населения и крестьянства в борьбе за освобождение Мозамбика, или крестьянские волнения 1950-х годов и война за освобождение Зимбабве. Все это примеры, в которых участие сельского населения и в частности крестьян было ярким, хотя, конечно, концепция крестьянства — все еще достаточно спорный вопрос. Третий момент касается вклада профессора Шанина в то, как мы концептуализируем крестьянство сегодня и, соответственно, как должны проводиться полевые исследования. Профессор Шанин говорил о том, что очень важно знать деревню, находиться там длительное время, чтобы понимать крестьянство. Я думаю, он имел в виду следующее: для объяснения сельской жизни может не хватать теоретических и даже статистических данных. Шанин всегда воспринимал полевые исследования очень серьезно, считал, что необходимо отправляться туда, чтобы избежать чрезмерного теоретизирования. Еще я хотел бы сказать, что при определении крестьянства Шанин не исключает мелких производителей. Главное в его определении то, что производство осуществляется в первую очередь ради собственного потребления, нежели для продажи на рынке. К сожалению, работы Шанина и Чаянова пока не очень хорошо известны в нашем регионе, поэтому я и Рут Холл приложим усилия для их популяризации, потому что это может быть очень актуально для нашего континента и региона.

А.М. Никулин: Большое спасибо! Вы открыли для нас значение Шанина в Южноафриканском регионе и как профессора-интеллектуала и как социального активиста. Сейчас нам в чат пришло емкое сообщение от нашего индийского коллеги Сима Пурушы.

С. Пуруша: Когда я думаю о Шанине, всегда вспоминаю свои трудности во время моего исследования индийских крестьянских хозяйств. Мои встречи с Теодором в РАНХиГС помогли мне понять, что я могу использовать разработанные им методы и в своих исследованиях. Я очень благодарна за его и Чаянова работы, которые стали для меня источником вдохновения. Спасибо!

А.А. Артамонов: Уважаемые коллеги! Слушая выступления, я с радостью понял, что в них приняли участие представители всех континентов, кроме Антарктиды. Южная Америка и Северная Африка, Азия, Австралия... Это феноменально! Я познакомился с Теодором в феврале 1993 года, когда меня привел в будущую Московскую школу много из вас известный Александр Олегович Крыштановский. Я присоединился к команде будущей МВШСЭН сначала как инженер информационного отдела, а потом занимал довольно много разнообразных позиций — от сотрудника и до руководителя отдела, от студента до заместителя декана, от преподавателя до утешителя наших студентов, у которых ломались компьютеры или что-то пропадало в них. 16 лет, проведенных в МВШСЭН, — это огромный пласт моей жизни. Мне очень неловко, но мне кажется, что я среди вас единственный, у кого Теодор был в роли не преподавателя, а ученика. Так уж вышло: я учил его работать на компьюте-

ре. Когда Теодор в конце 1990-х обратился к нам в отдел с просьбой научить его пользоваться электронной почтой, мы глубоко вздохнули и решили, что нам предстоит общаться с «тяжелым» клиентом. Теодор — гуманитарий, с техникой он очень «дружил». Он любил пользоваться маленьким наладонным компьютером, в котором знал все, а обычный стационарный не очень любил. Но он решил, что ему надо обучиться. Тогда ему было 70 с чем-то лет. И мы были поражены тому, каким он был учеником. Я давал ему уроки, объяснял, как отправить электронное письмо или напечатать какой-то документ, он все аккуратно записывал в блокнот, потом встречался со мной раз в неделю, доставал блокнот и говорил: «У меня есть вопросы. Вопрос первый» — и задавал этот вопрос. «Вопрос второй» — и снова я отвечал. И дальше с каждой неделей список вопросов укорачивался, и в какой-то момент вопросов больше не было. Надо сказать, что он не очень долго пользовался компьютером самостоятельно, все-таки у него были помощники, но был период, когда он сам получал электронную почту. О необычности его личности говорит много мелких деталей: например, когда мы у него дома в первый раз получили почту, это было письмо от Джорджа Сороса, как сейчас помню, с приглашением в гости, кажется. Что Теодор сделал? Он это письмо напечатал на бумаге, прочел и тут же удалил. Я спросил: «Теодор, а зачем вы удалили письмо?» — «Как зачем? Мне это письмо больше не нужно, я его уже прочитал». Еще момент моего общения с Теодором: когда я ушел из МВШСЭН в 2009 году, через месяц мне позвонил Теодор и сказал, что «тебя здесь очень не хватает, тебя очень не хватает мне, давай периодически встречаться и ужинать». Он хотел, чтобы это было раз в месяц, так не получалось, но все же 2–3–4–5 раз в год мы встречались, и с каждым разом наши беседы становились все более длительными, поскольку я последние три года работал в Школе заместителем декана факультета Управления социально-культурными проектами и был довольно хорошо осведомлен о том, что делают наши студенты и выпускники, и с большим удовольствием рассказывал об этом Теодору. Как они делают Коломенскую пастилу, как они организуют ярмарки, выставки, как они готовят экспозиции в музеях — вся область, связанная с культурными проектами, с музеями, его живо интересовала. Вы бы видели, какой блеск и огонь появлялся у него в глазах, когда он слушал о том, как успешны выпускники «Шанинки», чья география простиралась от Владивостока до Калининграда. Эти дружеские беседы были, как мне кажется, обоюдо важны, поскольку я довольно много езжу по разным городам. Звонок с предложением встретиться и поужинать мог выглядеть примерно так: «Саша, как насчет поужинать сегодня?» — «Теодор, я не могу, я в Енисейске». Еще из хорошего — когда я работал в «Шанинке», я довольно много фотографировал. Этот фотоархив весь оцифрован, доступен Школе. Фотографии используются. Есть довольно большое количество видео, где много того, что еще не опубликовано, что

еще предстоит исследовать, — его публичные выступления, на которые он просил специально приехать. Он дружил с Екатериной Юрьевной Гениевой, директором Библиотеки иностранной литературы им. Рудомино, и у них был совместный проект «Салон Овального зала». Там проходили разнообразные вечера, концерты, чтения, спектакли, творческие встречи. И как-то раз гостем Овального салона был Теодор. Он довольно много рассказывал о своей жизни. Там и прозвучала в его исполнении знаменитая и очень трогательная «Легенда о 36 праведниках», которую он назвал «Легенда о 36 справедливых», поскольку «праведник» по-польски «справедливый». А на следующий день он позвонил мне и сказал: «Слушай, а ведь самое интересное я тебе и не рассказал. Я не рассказал о своей академической карьере». И мы записали большое видео, на целый час, оно еще не «введено в оборот», думаю, что в ближайшее время мы это сделаем.

Нам всем очень повезло еще и в том, что известный российский телевизионный журналист и писатель Александр Архангельский и редактор одной из самых интересных передач на российском телевидении «Тем временем» Татьяна Сорокина в течение трех лет снимали Теодора, записывали его воспоминания и результатом этого стал 19-серийный документальный сериал «Несогласный Теодор». Он появился в прошлом году. 19 серий по 10 минут — такой медийный памятник Теодору. Теодор застал выпуск этого сериала. К большому сожалению, этот сериал существует только с русской звуковой дорожкой, но мне кажется, что можно будет сделать дубляж. А книга, которая была написана по мотивам этого сериала, стала для Архангельского основой серии «Счастливая жизнь». В этой серии кроме книги «Несогласный Теодор» вышла еще посвященная Жоржу Нива «Русофил», готовятся еще другие издания. Теодор как человек очень многогранный и после своего ухода продолжает вдохновлять нас и напутствовать.

К сказанному хотел бы добавить, как порой Теодор бывал предельно точен и лаконичен. В частности, весь очень большой и толстый учебник по управлению, менеджменту организации Теодор свел в 12 «Законов об эффективной администрации Теодора Шанина», которым он призывал следовать всех сотрудников, студентов и преподавателей МВШСЭН. И мы старались это делать.

А.М. Никулин: Уважаемые коллеги, в МВШСЭН планирует создание музея, архива, материалов памяти Теодора Шанина. Но главная наша задача — развивать наследие Теодора, применять творчески в наших исследованиях, на всех континентах в университетских аудиториях и в деревнях, в различных регионах земного шара. Когда Теодору казалось, что мероприятие, на котором он присутствовал, удалось, он говорил: «Спасибо, я многому научился». Это была не просто вежливость маститого профессора. Теодор как ребенок умел учиться, схватывать это знание и в академической среде, и в повседневной жизни.

И в заключение хотел бы процитировать Теодора. «Люди должны становиться взрослыми. Взрослыми учеными или взрослыми гражданами страны. Я не верю, что можно научить людей плавать теоретически, поставив их на берегу реки и объясняя, как махать руками. Чтобы плавать — надо зайти в воду. Единственный способ жить в свободе — выбор. Умному выбор — дать ему выбирать. Конечно, помогать ему советом. Но выбирать должны они и нести ответственность за свой выбор. Неправильный выбор — расплачивайся».

Round table “In memory of Teodor Shanin”

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Lenin Hills, 1. Email: alival@mail.ru

Alexander A. Artamonov, Leading Specialist, Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Prosp. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: aartamonov@yandex.ru

Alexis Berelowitch, University Paris — Sorbonne (Paris IV). France, Paris-5, Rue Victor-Cousin, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Henry Bernstein, Emeritus Professor, School of Oriental and African Studies (University of London). London WC1H 0XG, United Kingdom. E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Leading Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Prosp. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru.

Ruth Hall, Professor University of the Western Cape, X17, Bellville, 7535. E-mail: rhall@uwc.ac.za

Mark Harrison, Emeritus Professor, Department of Economics, University of Warwick. Coventry CV4 7AL, United Kingdom. E-mail: Mark.Harrison@warwick.ac.uk

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Professor, Head of Center for Economic History, Institute of Russian History Russian Academy of Science. 117292, Moscow, D. Ul'yanova St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Boaventura Monjane, Post-Doc, Institute for Poverty, Land and Agrarian Studies (PLAAS) at the University of the Western Cape, South Africa. E-mail: boa.monjane@gmail.com

Alexander M. Nikulin, Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Judith Pallot, Emeritus Professor, School of Geography and the Environment, University of Oxford. Oxford OX1 3QY, United Kingdom. E-mail: judith.pallot@chch.ox.ac.uk

Seema Purushothaman, Professor, Azim Premji University Survey. 66, Burugunte village, Bikkanahalli main road, Sarjapura, 562125 Bengaluru. E-mail: seema.purushothaman@apu.edu.in

Shulamit Ramon, Professor, School of Health and Social Work, University of Hertfordshire. Hatfield AL10 9AB, United Kingdom. E-mail: s.ramon@herts.ac.uk

Dmitry M. Rogozin, Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA), 119034, Moscow, Prechistenskaya Nab., 11 bld.1. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Ilya E. Shteynberg, PhD (Philosophy), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education. Sretenka St., 29, Moscow, 127051, Russia. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

On the final day of the Chayanov International Conference (October 22–23, 2020), the round table was held in memory of Teodor Shanin, a remarkable agrarian scientist and researcher of A.V. Chayanov's legacy. The round table was dedicated to both the memory of Professor Shanin who passed away on February 4, 2020, and to his 90th birthday on October 29, 2020. More than 60 scientists and students from different regions of Russia and the world watched presentations of friends, colleagues, and students of Shanin at the round table held online due to the pandemic. The round table was opened by Professor Shulamit Ramon, the widow of Teodor Shanin, who spoke about the worldview dominants of his life and work, his intellectual connection with Russia. The British colleagues of Teodor Shanin — Professors Henry Bernstein, Mark Harrison and Judith Pallot — spoke about directions of the main academic research and discussions which started in the 1970s on social differentiation of the peasantry and referred to the ideological legacy of Lenin and Chayanov; Teodor Shanin made a huge contribution to these debates.

The French scholar Aleksey Berelovich focused on the features of Shanin as a political scientist and a brilliant analyst of the political processes of Soviet and post-Soviet Russia. Russian colleagues of Teodor Shanin — geographer A.I. Alekseev, historian V.V. Kondrashin, sociologists V.G. Vinogradsky, O.P. Fadeeva, I.E. Shteynberg, A.M. Nikulin, D.M. Rogozin, and A.A. Artamonov — shared their personal memories of Shanin and provided a comprehensive description of his interdisciplinary methodology of agricultural research. Agrarian scientists from South Africa — Boaventura Monjane and Ruth Hall, and India — Sima Purushotaman — emphasized the importance of Shanin's legacy for the study of the peasant development in the regions of Africa and Asia. Most presentations stressed and analyzed the intellectual connection of Professor Shanin with the Russian agrarian research of Marxists, populists, and the Chayanov school.

Key words: Shanin, peasantry, agrarian sociology, social differentiation, Russia, Marxism, populism, Chayanov

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986)

S. Merl

Stephan Merl, Dsc (History), Professor, Bielefeld University, 25 Universitätsstr., 33615, Bielefeld, Germany. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de.

The article provides archival evidence to the argument that complex mechanization after 1953 was a failure (Merl, 2020). International contacts were quickly restored after Stalin's death. They made evident to what extent the Soviet Union had fallen behind the West in agricultural technology and reliability of machinery. The article describes how successfully the Ministry of Agriculture collected information on Western technology. Already in 1955, models of the Western agricultural machinery, seeds, highly productive breeds, chemicals, and feed were imported to be tested in the Soviet conditions. The expectation was that the Soviet industry would use this knowledge to improve the quality of its agricultural machinery, which would determine a significant decrease of labor input and costs, and an increase in productivity. However, only few advanced machines were delivered — with long delays — to the state and collective farms. There was no 'green revolution' that increased yields and agricultural productivity with scientific data. No bottle necks in provision of feed and transport, and in reduction of harvest losses were overcome between 1955 and the founding of *Gosagroprom*. The *Gosplan* and the State Committee of Science and Technology systematically ignored the decrees of the Central Committee and the Council of Ministers, following the Ministry of Agriculture's recommendations to produce improved technology. They refused to give priority to the agricultural development for modernization of the outdated Soviet agricultural machinery industry would have required huge investment. Since the mid-1960s, the Ministry of Agriculture tried to make the block partners produce at least part of the machinery needed by the Soviet agriculture. These efforts also included the exchange of delegations with Western countries, the USSR's participation in international agricultural organizations, the ordered by Khrushchev cooperation with 'less developed' countries and within the Comecon.

Key words: agricultural modernization, complex mechanization, Western technology, socialist industrialized agriculture, agricultural labor productivity, agricultural machinery, research cooperation, international agricultural associations, Khrushchev, Brezhnev

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-78-117

After the World War II, complex mechanization of agriculture became overwhelmingly important. Only the substitution of labor input by machinery could decrease the costs of production. Under the international competition, the huge increase in demand made the producers develop agricultural machinery. Complex mechanization de-

termed that labor productivity in agriculture grew faster than in other branches of economy.

The extra-ordinary increase in productivity in Western agriculture was primarily determined by the ‘green revolution’, i.e., the proper use of agricultural research in the selection of highly productive seeds for regional conditions, and of highly productive breeds for milk, meat or wool production. Industry provided the necessary high-quality concentrated feed, chemical industry — more effective pesticides, herbicides, artificial fertilizers and medicines for animal. By introducing border quarantine for plants and animals, an effective protection against diseases was ensured.

This article focuses on the question, why, after the death of Stalin, the Soviet Union did not manage to develop its backward agricultural machinery to the world standards, although, since 1955, the international contacts were restored and models of the superior Western agricultural technology were imported. Only few of the new models of agricultural machinery and of the superior plant and cattle breeding technologies — with long delays — were provided to the state and collective farms. The bottle necks in feed provision, transport, and harvest losses were not overcome between 1955 and the founding of *Gosagroprom*. In this period, the USSR even lagged further behind the leading Western (capitalist) countries in the agricultural labor productivity and in the costs of production. The USSR did not contribute to the ‘green revolution’. The Soviet agricultural machinery output lagged strongly behind the West in quality, reliability, provision of spare parts, fuel and metal needs (Merl, 2020).

Why did not the USSR use the Western expertise? Despite the decrees of the USSR Central Committee (CC) and Council of Ministries (CM), following the Ministry of Agriculture’s recommendations to produce improved technologies, the *Gosplan* and the State Committee of Science and Technology refused to give priority to agricultural development for modernization of the outdated agricultural machinery industry would have required huge investment. Therefore, since the mid-1960s, the Ministry of Agriculture tried to make the block partners produce at least a part of the machinery needed by the Soviet agriculture.

Works on the Soviet agriculture paid little attention to the reasons for failure of the radical improvement of the Soviet agricultural technology, and for preventing the access of the qualified Soviet agricultural scientists to the necessary research equipment. Although, since the late 1950s, most state farm directors and collective farm chairmen were qualified, they were never able to decide on the economic success of their farm without state interference. As investments under Brezhnev were wasted for the low-quality inputs, melioration and construction, until the 2000s, Russia could not return its dominant export position in the world agricultural market (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018). With the agricultural inputs in accordance

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986)

with international standard, this would have been possible already in the 1960s. Most Soviet agricultural enterprises used unqualified manual labor without machinery (Merl, 2020).

While focusing on contacts with the Western agriculture, the article follows the perspective of the Ministry of Agriculture. This allows to consider proposals to improve inputs so that to ensure agriculture of the world standards, the Ministry's assessment of the Soviet agriculture in the international perspective, and resistance to the implementation of the Ministry's proposals, i.e., slowing down and boycotting the transfer of the expertise into the farms' production.

The article considers the following issues: (1) restoring of international contacts — delegations and specialists' trips to study the Western agricultural technology and to import models for improving the national production; (2) the resistance of governing bodies to this strategy; (3) the change in the Ministry's modernizing strategy in the mid-1960s to force the European Council for Mutual Economic Assistance (Comecon) to provide the USSR with superior machinery and research equipment; (4) the Ministry's desperate fight for importing equipment for research and veterinary laboratories; (5) the Ministry's proposals for using the Western expertise in the selected fields to improve the Soviet agriculture to the world standards; (6) problems with the transfer of the Western agricultural technology, equipment for mechanizing animal production and imports of cattle and poultry; (7) the state of the Soviet agriculture in the mid-1960s in the international perspective; (8) channels of information on the international agricultural progress — professionalization of international contacts on cultural exchange and joint agricultural research; consultants on agriculture in the Soviet embassies in capitalist countries; participation in international agricultural organizations; (9) the Ministry's work in developing countries.

The period under consideration (primarily from 1953 to 1971, in some cases to 1986)¹ is marked by ruptures. Since the mid-1950s, the Ministry of Agriculture could play its role in promoting agricultural modernization only for a short period of time. Khrushchev's 'decentralization' together with the liquidation of central ministries made the central regulation of agricultural machinery plants more difficult. Instead of overcoming the Soviet agriculture's backwardness, Khrushchev forced the Ministry to participate in his attempt to win the support of non-block nations by providing help to less developed countries and by presenting socialist agriculture as a 'success model'. In 1961, Khrushchev undermined the Ministry's role in promoting agricultural modernization and kicked the Minister of Agriculture Matskevich out of office. Only after Khrushchev's removal, in 1965,

1. The archive of the Ministry of Agriculture [RGAE. Fond 7486] is accessible only up to 1971. For the period from 1985 to 1989, the RGAE. Fond 650 (*Gosagronom*) was used.

the Ministry returned its function to give recommendations for agricultural modernization, and Matskevich returned to office. The Ministry made competent decree proposals to the CC and the CM, which shed light on the miserable state of the Soviet agricultural mechanization as compared to the leading Western countries. The Ministry demanded urgent actions aimed at the complex mechanization of farms to raise the efficiency of production and to decrease the labor input. However, hardly any of the required measures were implemented. The *Gosplan* never ordered the mass production of the required high-quality machinery and wasted resources to increase the ‘cheap’ production of poor-quality and outdated machinery. Thus, the supply of agricultural machines and equipment to animal husbandry grew in numbers but not in quality. The official statistics kept silence on the poor quality and unreliability of the machinery, on its idle state due to the lack of spare parts and repair. The lack of urgently needed harvest machinery contributed greatly to the losses of harvest in the fields. Transport was in short supply, although the increase in animal husbandry tripled the need for in-farm transportation (Merl, 2020).

Restoring international contacts: Delegations and specialists’ trips

Contacts with the West were restored very soon after Stalin’s death. Already in 1955, Soviet delegations visited Western countries to consider the state of agriculture and found technologies of better quality and higher efficiency than in the USSR — models of these machinery were imported to test them in the Soviet conditions.

1955 trip to the US and Canada: Western corn production

The most spectacular of delegations was headed by the deputy Minister of Agriculture, Vladimir Matskevich² — in the summer of 1955, to the US and Canada, by the invitation of John Storm, a plant grower from Woodstock, Illinois, who visited the USSR in 1946³. The trip was supported by famous Americans who wanted to improve the US-USSR relations, among them Ceyrus Eaton and Rosewell Garst⁴ — both were in close contact with Khrushchev. Garst invited Matskevich to visit his farm and showed his corn and millet hybrid seeds resistant

2. Vladimir Matskevich (1909–1998): Ukraine Minister of Agriculture (1949–1950), in 1953 — the USSR deputy, from the fall of 1955 — Minister of Agriculture.

3. RGAE. F. 7486. L. 20–21.

4. Garst (1898–1977) — the president of the hybrid corn seeds company Garst & Thomas. He visited the USSR six times. In 1959, he hosted Khrushchev at his farm as an ambassador of good will.

to droughts (Taubman, 2003: 372). Matskevich shared his impression with Khrushchev and emphasized that hybrid seed could be developed in the USSR in only 2 or 3 years, while the Americans spent 25 years⁵ (Taubman, 2003: 372). In the fall of 1955, Khrushchev appointed Matskevich the USSR Minister of Agriculture. He stayed in the position until 1973, interrupted by his work in Kazakhstan (1961 — early 1965), likely because he dared to oppose Khrushchev.

The return visit of the Americans was in the fall of 1955, and Garst came to the USSR too. After Khrushchev started his corn campaign in 1954, he wanted to meet Garst. He invited him (together with Mikoyan and Matskevich) to his *datcha* near Yalta. Garst explained in which southern parts of the USSR corn production would be the most effective. He stressed the precondition for success: the use of hybrid seeds, fertilization, irrigation, mechanization, insecticides and herbicides. Nothing of this was available in the Soviet Union at that moment, which did not stop Khrushchev (Taubman, 2003: 372-373). He did not even ensure that the farms were supplied with the necessary machinery. The Ministry of Agriculture asked Khrushchev already on May 6, 1955 to order urgently the production of corn machinery for the campaign's success depended on mechanization⁶. The Ministry's board meeting on April 12, 1956 noted that the quality of the corn seeds was poor and asked to import 5,000 tons of hybrid seeds together with three Garst & Thomas plants to produce hybrid seeds. The board demanded the state inspection of quarantine to check the imported seeds carefully so that to avoid the spread of pests and diseases⁷.

On Garst's invitation, the delegation of Soviet corn specialists visited the US and Canada in June 1958. They were impressed by the fact that only one worker (instead of about a dozen in the USSR) was needed to cultivate 100 hectares of corn, and that hybrid seeds gave about 25-30% more yield and was easier to harvest. On June 16, 1958, Matskevich with the Minister of Foreign Trade Kabanov asked the CM to produce corn machinery, hybrid seeds and plants to process feed from corn. In addition, they proposed to import the mechanized small-scale equipment used in the US winery and horticulture, and breeding cattle⁸. On July 10, 1958, Matskevich informed the CM and Khrushchev that Garst proposed to purchase six tractors and the necessary corn agricultural machinery, which would allow the USSR to reduce the labor input in corn production. Garst also suggested to buy three plants for the production of concentrated feed and to look after Soviet specialists staying in the US. To get the support of the CM, Matskevich reduced the amount of machinery to import: only

5. RGAE. F. 7486. D. 8578. L. 168-171.

6. RGAE. F. 7486. D. 7708. L. 264-267.

7. RGAE. F. 7486. D. 7970. L. 45-48; 54-57; 67-70; 74-76.

8. RGAE. F. 7486. D. 8359. L. 91-93.

two instead of four tractors with equipment, only two feed plants and two mobile feed-mixers, hybrids and a selection of other mechanized equipment and herbicides⁹.

Although Khrushchev and Mikoyan, two leading figures of the regime, supported the purchase, such governing bodies as the *Gosplan* refused to buy Garst's models in the required amount. Despite the CM decree, they blocked the purchase by financial reasons. On April 28, 1959, Matskevich stressed that the purchase price was significantly less than Garst's proposal. When in Moscow in March 1959, Garst proposed to buy also model agricultural machinery and equipment for poultry farms, breeding and hybrid cattle and poultry, and model products for the chemical industry. The CM ordered an additional purchase for 4 more million rubles. Matskevich asked the Ministry of Foreign Trade to make the purchase in 1959¹⁰. However, there was a new problem: the International Harvester Company refused to deliver two complexes of corn agricultural machinery and insisted on at least four. Therefore, on August 14, 1959, Matskevich asked Mikoyan to change the decree of March 10, 1959, and add two complexes of machinery¹¹.

From Matskevich's report on the results of the use of foreign experience in the Soviet economy from July 4, 1960, we know that these imports were delayed. The technology to produce hybrid seeds was brought from the US only in 1958. While testing the imported seeds, the Soviet producers started to develop their own varieties. In 1959, hybrid seeds were used on about 3,000 hectares. Matskevich argued that in the future, when hybrids were sown on 200,000 hectares, the USSR would save 600 to 800 thousand human-working days. In 1959, Soviet scientists worked on about 100 new, self-pollinating corn varieties which the delegation brought from the US and Canada in 1958. In addition, the American experience was used to produce hybrid millet seeds. Tests of some hybrids, bought from the Garst & Tomas in 1958 and 1959, showed impressive results: Soviet yields could have increased by 150%¹². Achievements in corn production in the following decades made Matskevich sound utopian: in reality it took the USSR several years to increase the sown area for hybrids. On August 27, 1962, the Ministry's board made a list of research institutions which still had not reported on the results of hybrid seeds nor started to prepare recommendations for supplying regional farms with the imported hybrid seeds¹³.

Already the example of corn explains why the efforts of the Ministry of Agriculture to promote the complex mechanization of agricul-

9. RGAE. F. 7486. D. 8359. L. 294-301.

10. RGAE. F. 7486. D. 8474. L. 46-59.

11. RGAE. F. 7486. D. 8476. L. 92.

12. RGAE. F. 7486. D. 8578. L. 170-171.

13. RGAE. F. 7486. D. 8691. L. 235-241.

ture by importing models of advanced technologies were doomed to fail. Although the delegation trips of 1955 and 1958 provided a lot of information on the technical preconditions of successful corn production, Khrushchev paid little attention to the needed machinery. The central governing bodies, responsible for executing the CC and CM's decrees, gave no priority to the imported hybrid seeds, corn agricultural machinery and concentrated feed. Still in 1986, *Gosagroprom* claimed that the production of corn silage was insufficient and urgently needed improvement. Enormous losses of feed harvest happened each year¹⁴ not due to the lack of knowledge: Garst and Matskevich told Khrushchev in 1955 what investments were a precondition for the campaign's success. However, Khrushchev focused on workers' mobilization and paid little attention to the need for high-quality machinery.

Import of Western agricultural technology

After each delegation trip, the Ministry of Agriculture asked to import models of the Western technology considered by the experts to be of higher quality and efficiency than the national machinery, seeds or breeding cattle — to test them in the Soviet conditions and to reproduce so that the Soviet industry would improve its production¹⁵. For instance, the Ministry's board demanded, after the delegation's report on the 1955 trip to Sweden, to import models of grain and sugar beet combine harvesters, potato planters and fertilizer spreaders. The delegation also studied the Swedish livestock production. Based on this information, the main inspection of animal husbandry proposed the Ministry of Foreign Trade to import models of fully mechanized livestock stables and feed plants¹⁶. In November 1955, England showed interest in renewing contacts with the USSR and invited Matskevich with his wife and 12 experts to Coventry: the English side covered all costs¹⁷. Obviously, the Soviet willingness to import models of agricultural machinery waked up the business interests of the Western machinery producers.

By the order of the CC and the CM, Matskevich and Khlamov (Minister of Tractor and Agricultural Machinery Construction) proposed on January 2, 1956 a draft decree to import about 70 combine harvesters, other harvesting machines and tractors — 9-10 machines from Canada, the US, and the FRG, and additional machines from England, France, Sweden and Belgium. The list provided detailed information on the producer — as Massey Harris, International

14. RGAE. F. 650. D. 16. L. 5-30.

15. RGAE. F. 7486. D. 7970. L. 62-66.

16. RGAE. F. 7486. D. 7970. L. 2-9.

17. RGAE. F. 7486. D. 7834. L. 11-12.

Harvesters, John Deere, Claas, Lanz¹⁸. But even the CC and CM's order did not guarantee that the Ministry of Foreign Trade would ensure the import: it refused to import tractors from England and combine harvesters from Sweden due to 'the lack of foreign currency'. Matskevich renewed his request and asked the CM to give a special order to the Ministry of Foreign Trade to import the machinery¹⁹. However, even special requests in most cases had no success.

Most of the delegations got the Ministry's clear orders to explore the situation. Thus, on January 4, 1957, the main inspection for potatoes, vegetables and melons asked to send a delegation to France to explore the production and marketing of vegetables in the suburbs of big cities. The delegation was to consist of experts in storage, processing and sales of vegetables, and to explore the use of herbicides. The Ministry's board was especially interested in the calibration of vegetable seeds and required to import models of the necessary machinery²⁰. In 1963, the Minister of Agriculture Volovchenko made a list of problems to be solved by consulting foreign experts in 1964–1965: improving soil fertility, use of chemicals, mechanization of agriculture, organization of seed breeding, producing new crop varieties and hybrids, livestock breeding, feed production and animal husbandry, new methods to fight plant pests, and agricultural specialization²¹.

Rising resistance: delays and funding cuts

The Ministry of Agriculture protested — often in vain — against delays and ignorance of the CC and CM decrees to import models of the Western machinery by the governing bodies. Thus, on January 27, 1961, Petrov with Orlov (*Gosplan*) protested against the reduction of the number of agricultural machinery to be imported²². On January 3, 1968, Matskevich and Ezhevsky (*Soyuzselkhoztehnika*) complained to Kosygin that the purchase of foreign agricultural technology was often delayed for years. They presented a long list of non-executed import orders. For instance, they waited for three years to get the permission of the Ministry of Foreign Trade, the Gosplan, and the Committee of Science and Technology to import models of pig and cattle fattening and dairy farms. Although the storage of hay in the neutral gas could reduce the storage losses to 25%, the import order was not executed. The required import of greenhouses from the Netherlands was not executed, nor the import of John Deere wheel tractors, self-propelled rice harvesting machines of Massey Ferguson,

18. RGAE. F. 7486. D. 8049. L. 6–12.

19. RGAE. F. 7486. D. 8049. L. 138–145.

20. RGAE. F. 7486. D. 8169. L. 2–11.

21. RGAE. F. 7486. D. 8800. L. 90–93.

22. RGAE. F. 7486. D. 8659. L. 30–32.

potato harvest machines from England, and eight-row corn sowing machines of John Deere spreading fertilizers, herbicides and insecticides. They reminded that in January 1967, they had asked the CC and CM to speed up the imports of the urgently needed efficient tractors, harvest machinery, and equipment for animal farms²³. The *Gosplan* and the State Committee did not execute the CC and CM's order to check the import proposals. Matskevich and Ezhevsky suggested to speed up the use of the most urgently needed agricultural machinery at the state and collective farms by purchasing licenses from the Western companies to produce their machinery (just as with Fiat)²⁴.

On June 25, 1968, Matskevich complained to the CC that the *Gosplan* refused to purchase feed and dairy plants from England for two years, and repeated his import request. In the FRG, such a dairy farm for 2,000 cows was opened²⁵. The Soviet Republic Estonia complained about the delay of milking systems imports for years, which did not allow to produce the high-quality milk for export — the national milking systems contaminated milk with bacteria²⁶.

Since the late 1950s, the State Committee for Science and Technology showed little interest in the imports of the superior agricultural technology. The Committee often intentionally delayed the execution of import orders, probably, due to the fear of competition, because all comparative tests revealed the poor quality of the Soviet agricultural machinery. According to the bureaucratic procedures, the Committee had to check all import requests of the Ministry of Agriculture and had the right to deny them. For instance, in 1958, Sitnikov (Ministry of Agriculture) asked Maksarev, the head of the state committee, to approve the imports of 15 models of agricultural machinery from England, the US and France²⁷. When in 1967 Soviet constructors designed a 220 PS tractor, Matskevich and Ezhevsky informed the head of the State Committee, Kirillin, that the US already used much more powerful tractors. They asked to import a 600-PS tractor with the necessary machines²⁸.

Among the CM's import decrees not executed or executed with delays was the decree of August 26, 1966, to buy a poultry farm from capitalist countries. A similar delay happened with the CM's order of June 18, 1969, to purchase construction parts for dairy farms with 2,000 cows. However, even in the beginning of 1971, the machinery was not imported. Instead of buying the construction elements, the *Gosplan* bought only the design project²⁹. Concerning the order to im-

23. RGAE. F. 7486. D. 9164. L. 10.

24. RGAE. F. 7486. D. 9164. L. 9.

25. RGAE. F. 7486. D. 9131. L. 16-17.

26. RGAE. F. 7486. D. 9183. L. 350-352.

27. RGAE. F. 7486. D. 8221. L. 195-197.

28. RGAE. F. 7486. D. 9104. L. 212-219.

29. RGAE. F. 7486. D. 9333. L. 25-33; 126-134.

port a complex fattening farm for 1,000 heads of cattle, the *Gosplan* informed the CM on April 11, 1968, that it would be available only in 10 to 12 months. As the import plan for 1968 did not have enough funding, it suggested to postpone the purchase to 1969³⁰. Considering the CM's decree of December 28, 1970, to import a new system of keeping cows from Sweden, the *Gosplan* decided to purchase it too early, when the system was still tested³¹.

In his report to the CM of June 26, 1968, Matskevich underlined the importance of complex mechanization and automatization of agricultural production. He requested to import models of dairy and cattle fattening farms, models of machinery for the production and storage of hay bales and for feed distribution. The GDR bought a fattening farm for 13,000 heads of cattle and a dairy farm for 2,000 cows from England. Matskevich asked to make the *Gosplan* provide the necessary funding to purchase such farms in England in the third quarter of 1968, which would allow to start their construction at the beginning of 1969. The *Gosplan* refused to execute this order for no finances for the imports were allocated in the 1968 plan. The Ministry of Foreign Trade refused the execution too and demanded that the Ministry of Agriculture would first provide the permission of the State Committee of Science and Technology for such imports. The purchase of the model would only make sense if the Soviet industry intended to start the production of such farms³². This was a clear hint to the reason of the attitude to the Ministry of Agriculture's requests: if there was no intention to produce superior machinery in the USSR, the strategy of the Ministry was doomed to failure. It was based on the expectation that the governing bodies were interested in improving the quality of the Soviet agricultural machinery and the animal farms' equipment, which would require a fundamental reconstruction of the USSR's agricultural machinery plants constructed in the 1930s. Such investments were never provided, although they could have been paid off by reducing labor inputs and costs in animal husbandry.

Sometimes the industry blocked the imports when expected advantages from producing the equipment itself: for instance, by the order of the 23rd Party Congress to produce by 1970 990 cooling devices to provide the state and collective farms with equipment to store fruits and with poultry farms. Matskevich and Ezhevsky proposed to the head of the *Gosplan* Baibakov to purchase high-quality cooling devices from Hungary. But the Minister of Chemical and Petroleum Industry intervened to take over the production by changing the plan for 1968 accordingly³³.

30. RGAE. F. 7486. D. 9183. L. 235-237.

31. RGAE. F. 7486. D. 9333. L. 220-227.

32. RGAE. F. 7486. D. 9184. L. 24-25; 221-225.

33. RGAE. F. 7486. D. 9103. L. 90-105.

ИСТОРИЯ

The USSR's search for successful models of agricultural technology to modernize the production of agricultural machinery focused on the Comecon countries, especially the GDR, Poland, Czechoslovakia and Hungary. The quality of the agricultural machinery production in the GDR was significantly superior to that of the Soviet industry. Many of machines, especially for harvesting, were not produced in the USSR; therefore, it was certainly the USSR who had to learn. When the Ministry of Agriculture realized that the governing bodies blocked the imports of superior technologies from 'capitalist' countries due to the 'lack of foreign currency', the Ministry tried to substitute these imports by the imports from the European-block partners. This meant a decisive strategy's turn: while the Western models were imported to improve the national production of machinery, the machines imported from the block partners were to be used at the Soviet farms.

Thus, on May 25, 1965, Matskevich asked Ezhevsky (*Soyuzselkhoz-technika*) to purchase seed cleaning and drying machinery from the GDR company Petkus for the collective and state farms. The Ministry had already bought the necessary machinery from this company for testing stations and universities³⁴. On May 8, 1968, Matskevich reported to the CC that from 1964 to 1967 850 complexes of the Petkus's seed cleaning and drying machinery were imported. They were of a much better quality than Soviet machines, and met the requirements. Matskevich asked the CC to purchase 300 more of these machinery complexes and to order the *Gosplan* to speed up the imports still blocked by it and the Ministry of Foreign Trade³⁵.

On July 31, 1967, Matskevich, Ezhevsky and Sinitsyn (Minister of Tractor and Agricultural Machinery Production) asked Baibakov, the head of the *Gosplan*, to increase the imports of the urgently needed agricultural machinery from the Comecon countries: the Soviet industry could not satisfy even the minimum demand of the state and collective farms. Concerning ventilating fans and silage harvesting machines, and mower-loaders, the demand exceeded the national production by 20 to 30 times. About the double national production was needed for potato harvesters, dairy equipment, milking systems for 200 cows, and milking installations for milking pails. From the CSSR, more harvest machinery for turnips and carrots were to be imported. 15% to 20% of total costs were to be spent for spare parts for the machinery³⁶.

To develop the agricultural machinery production in cooperation with the GDR, a special commission was established³⁷. In February

34. RGAE. F. 7486. D.8933. L. 220-221.

35. RGAE. F. 7486. D. 9183. L. 327-345.

36. RGAE. F. 7486. D.9104. L. 93-94.

37. RGAE. F. 7486. D. 9130. L. 1-3.

1968, the talks with the GDR started — on production of other potato and hay-harvesting machinery, systems for tillage and sowing in the next 10 to 20 years. Special attention was to be paid to the standardization of harvesting machinery (including for forage crops, cereals, sugar beets and potatoes). The standardized basic elements were to be developed for tractors, for storing and processing agricultural products³⁸. Standardization was of the greatest importance for spare parts and trailed implements were produced for only specific types of tractors, and standardization would have sped up complex mechanization. However, until the end of the 1980s, there was hardly any progress for it would also have required modernization of the Soviet plants producing agricultural machinery³⁹.

The import plan for agricultural machinery from the Comecon countries in 1969–1975, compiled on the CM order by the Ministry of Agriculture (Volovchenko) and *Soyuzselkhoztehnika* (Ezhevsky) on July 23, 1968, suggested to import all agricultural machinery not produced in the USSR from such ‘brother countries’ as the GDR, CSSR, Hungary, Bulgaria and Poland — machinery for silage and potato harvest, for processing cereal seeds, milking installations, machinery for processing feed and mechanization of animal husbandry. As these countries developed new agricultural machinery every year, the bilateral contracts required the supplies of the newest machines⁴⁰. The bilateral contracts were to coordinate the production from 1971 to 1975. Machinery, for which testing in the USSR was finished, but mass production did not start due to the *Gosplan*’s ‘unavailable capacities’, was to be produced by the partner countries. According to the agreement with the GDR, almost all machines were to be produced in the GDR for the *Gosplan* did not provide production capacities in the USSR. The machines based on the Soviet technical documentation were to be produced only at the GDR plants⁴¹.

On February 4, 1969, Matskevich, Lebedev, the Minister for Tractor and Agricultural Machinery, and Ezhevsky asked the CM to import complexes for dairy production and cattle fattening from the GDR. They claimed that this was to be done urgently for the labor productivity in the Soviet animal husbandry lagged dramatically behind ‘capitalist’ countries: for instance, the production of one decitonne of milk required 8 times more of labor input. The GDR’s equipment for dairy production could reduce the labor hours from 10–16 to 0.7⁴². The CM agreed on the purchase on February 12, 1969. However, it became obvious that the state farms selected were not suita-

38. RGAE. F. 7486. D. 9130. L. 33–47; D. 9165. L. 5–8, 17–54.

39. RGAE. F. 650. D. 16. L. 5–30.

40. RGAE. F. 7486. D. 9166. L. 319–335.

41. RGAE. F. 7486. D. 9166. L. 336–358.

42. RGAE. F. 7486. D. 9252. L. 108–115.

ble⁴³. The purchase of milking equipment from the GDR had no alternative for the national installations were produced mainly at small and not specialized plants⁴⁴ (Schinke, 1967). On February 10, 1969, Matskevich and Ezhevsky asked the CM to import the equipment for mechanization of animal husbandry from the GDR from 1970 to 1975. Soviet plants did not produce enough of the urgently needed machinery such as silage harvesters and hay balers. Milking in the USSR was mechanized only up to 36%, harvesting with hay balers — up to 13%⁴⁵.

On March 30, 1970, Matskevich reported to the CC-Secretary of Agriculture, Kulakov, that, following his order, Matskevich had agreed with the Soviet ambassador in the GDR Abrasimov to intensify the 'cooperation' with the GDR. Agricultural machines, which were in short supply in the USSR due to the *Gosplan*'s refusal to increase production from 1971 to 1975, were to be imported from the GDR. Matskevich reported of the following deficit: 48,700 silage harvesters, 119,000 pick-up hay balers, 18,000 baler-chopper-loaders, 28,900 pneumatic transport systems, and 152,500 tractor-rakers. As Matskevich was not sure that the *Gosplan*, the State Committee for Material and Technical Supply, and the Ministry of Foreign Trade would ensure such imports, he asked Kulakov to oblige these institutions to increase the imports of harvesting machinery from the GDR⁴⁶. Due to the increased significance of the GDR in providing agricultural machinery, on August 6, 1970, Volovchenko asked the CC to introduce at the embassy in the GDR the position of a consultant for agriculture to coordinate the cooperation⁴⁷.

The contacts with the European block partners were ambivalent. On the one hand, the USSR expected thankfulness for liberation from fascism, such as covering all costs of scientific exchanges. On the other hand, the agricultural machinery produced in these countries was better than the one produced in the USSR; therefore, the USSR demanded to receive large imports of these agricultural machines. Thus, the technological backwardness of the Soviet agricultural machinery was increasing until the late 1980s.

Cooperation within the Comecon countries suffered from the fact that the Soviet partner often did not fulfill its obligations to provide the promised information. For instance, according to the agreement of March 1957 in Prague, the USSR promised to improve the communication on testing tractors, agricultural machinery and on repair, but did not provide the information before the agreed deadline⁴⁸. On

43. RGAE. F. 7486. D.9253. L. 169-183.

44. RGAE. F. 7486. D.9252. L.131-144.

45. RGAE. F. 7486. D.9241. L. 21-25.

46. RGAE. F. 7486. D.9277. L. 3-5.

47. RGAE. F. 7486. D.9277. L. 7-9.

48. RGAE. F. 7486. D.8357. L.5-7.

July 19, 1965, Volovchenko informed the CC that the USSR did not fulfill its obligation to provide its Five-Year-Plan (1966–1970) in time to the Comecon partners. He requested to order the *Gosplan* to provide the plan urgently to the permanent commission. Without the Soviet data, the Council could not complete its tasks⁴⁹.

The block partners were always disappointed by the poor quality of the Soviet tractors. In the Comecon countries (without Mongolia), on November 1, 1962, more than 25,000 tractors DT-54 were in operation and, as in the USSR, they needed repair and spare parts that were in extremely scarce supply, which made the block partners produce spare parts of low quality and with high costs. Pyshin, the head of the Soviet part in the permanent Comecon commission, asked the CM on March 7, 1963, to satisfy urgently the block partners' need in spare parts⁵⁰. Already on May 13, 1957, the Ministry of Agriculture's board admitted that often seeds, agricultural machinery and equipment of bad quality were exported⁵¹.

Fight for the imports of equipment for research and laboratories

In the 1920s, the USSR held a leading position in the international agrarian research. Considering its human capital, the USSR could have returned it in the 1950s. However, the USSR failed to provide the necessary research equipment as a precondition for solving this task. The Soviet industry produced hardly any of the equipment necessary for research laboratories or veterinary services, nor medicines for fighting animal diseases. In all these fields, Soviet researchers and veterinarians were prevented from doing their job. And the governing bodies did their best, under the pretext of the lack of foreign currency, to block such imports. Therefore, neither the test stations, nor the veterinary services could fulfill their tasks.

All requests of the Ministry of Agriculture and research laboratories faced insuperable obstacles and bureaucratism. At the end of 1958, Sitnikov asked Yushin (*Gosplan*) to import equipment and machinery needed for research institutions and higher education⁵². After the International Exposition of Agricultural Research Equipment, on May 14, 1959, the Ministry's board ordered to provide recommendations on the necessary equipment for agronomists, animal technicians, veterinarians, chairmen of collective farms and directors of state farms — so that to order the missing equipment⁵³. However, no effort was undertaken to produce this equipment in the Soviet Union.

49. RGAE. F. 7486. D.8883. L. 52–54.

50. RGAE. F. 7486. D.8801. L. 1–6.

51. RGAE. F. 7486. D.8169. L. 130–133.

52. RGAE. F. 7486. D.8371. L. 173–178.

53. RGAE. F. 7486. D.8415. L. 20–22, 74–102.

In 1962, the usual reduction of the imports requests for the urgently needed laboratory equipment caused protest: without the equipment for checking measurements, the laboratories could not work⁵⁴. On May 4, 1962, Mozgov (Ministry of Agriculture) asked the *Gosplan* to provide the necessary imported medicines and laboratory equipment for veterinary services. He calculated the need in imports for 1963⁵⁵. For many years, only from 10% to 50% of the requested medicines and equipment were imported, which determined serious problems: the republics could not fight animal diseases. Levykin (deputy Minister of Agriculture) asked to allocate the necessary finances and to start a radical change in thinking⁵⁶.

The lack of the laboratory equipment caused damage for the national economy: for instance, in 1964-1967, there was a surge of cattle diseases, and sheep and pigs got infected from chicken⁵⁷. However, on June 14, 1968, the *Gosplan* decided that only one position of the equipment needed for the veterinary research would be imported immediately, while other positions only in 1969⁵⁸. The foot-and-mouth disease spread since 1965. As the veterinary service did not have any advanced equipment, it could not fight the disease. Matskevich presented a draft decree to the CC and CM on July 4, 1969, to fight the foot-and-mouth disease during the Five-Year-Plan (1971-1975): research institutes were to be established and the Soviet industry was to produce the necessary medicines. He listed the imports needs from the Comecon and capitalist countries⁵⁹. To save the foreign currency, the laboratory equipment was to be imported from the Comecon countries⁶⁰.

Due to the lack of the urgently needed laboratory equipment, the famous academics appealed to the CM directly. On October 30, 1964, the academic Lukyanenko (VASKhNIL) wrote to the CM that his research institute for plant selection in Krasnodar was in the urgent need of equipment. He asked to import it from the FRG and the US. On November 10, 1964, Polyansky (first deputy of the CM) promised a 'favorable consideration'. However, on January 29, 1965, the *Gosplan* decided that there was not enough foreign currency. If the Ministry of Agriculture had had currency, the equipment would have been imported in 1966! Volovchenko protested against this decision on February 17, 1965, with the CM⁶¹. In 1970, Lukyanenko, supported by

54. RGAE. F. 7486. D.8732. L. 36-37.

55. RGAE. F. 7486. D.8732. L. 144.

56. RGAE. F. 7486. D.8732. L. 230-243.

57. RGAE. F. 7486. D.9183. L.265-269.

58. RGAE. F. 7486. D.9184. L. 35-47.

59. RGAE. F. 7486. D.9208. L. 29-46.

60. RGAE. F. 7486. D.8732. L. 207-210.

61. RGAE. F. 7486. D.8933. L.14-176 27.

Matskevich, wrote a new personal request to Polyansky asking for micro-filters from Canada⁶².

There was a drastic need in the plant protection products. Those few produced by the Soviet industry were often not only of little effect but also harmful to people. Therefore, on June 19, 1968, Matskevich and Ezhevsky demanded imports⁶³, and on February 12, 1969, wrote to Baibakov about the import needs in the laboratory equipment from the CSSR, Hungary, GDR, Poland and (about 20%) 'capitalist' countries during the Five-Year-plan (1971-1975)⁶⁴. The foreign currency funding provided for the purchase of such equipment in 1970 was reduced compared to the previous year despite the increased demand. According to Volovchenko and Ezhevsky, the allocated finances covered less than one third of the urgent imports demand. On July 29, 1969, they complained in vain to the State Committee for Material Technical Supply and the Ministry of Foreign Trade. On October 21, 1969, Matskevich asked the CM to avoid the reduction and to order the *Gosplan* and *Gossnab* to check the financial allocations. For the imports of the laboratory equipment from capitalist countries, the Committee for Science and Technology provided only 10% of the needed funding in 1969 and nothing in 1970. The Soviet industry did not produce any of the equipment needed by the agrochemical laboratories; therefore, the *Gosplan* accepted that they would not conduct any agricultural research⁶⁵.

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953-1986)

Ministry's proposals to bring the Western production expertise to the USSR

To prove the Ministry of Agriculture's understanding of the Western production processes and of the shortcoming of the Soviet industry, I will present some of the Ministry's proposals to import the Western production knowledge, although most of these proposals were not taken into account or supported by the governing bodies.

Development of new seed varieties and the fight against pests and diseases

In 1957, a delegation was sent to Canada to bring new crops varieties and herbicides to the USSR together with the new knowledge. The Ministry' border ordered that each region selected a farm as a test station. These farms were to develop local varieties with the low-

62. RGAE. F. 7486. D.9332. L.33-44.

63. RGAE. F. 7486. D.9184. L. 11-16.

64. RGAE. F. 7486. D.9252. L.145-161.

65. RGAE. F. 7486. D.9253. L. 224-228, 261-262, 376-377.

est labor input per hectare. The selected farms were to be provided with the necessary agricultural machinery. In the same way, each region was to choose a farm as a test station for animal husbandry. To use the foreign expertise, the knowledge of foreign languages was to be improved at the higher agricultural institutions. Every graduate and doctoral student was to be fluent in at least one foreign language. The test stations were to be provided with the experimental equipment imported from Canada: machinery for soil tillage without plows, small machinery, pesticides and equipment for breeding⁶⁶. As the Ministry's board lacked any power to control the execution of its orders and their funding, nobody cared about establishing regional test stations. There were no imports of the necessary equipment from Canada.

Due to the problems with putting into practice, many imported crop varieties showed little efficiency. The 1960 Ministry's report mentioned 196 crop varieties imported in 1959, and 538 varieties from 25 countries were under testing. From 1950 to 1959, 163 tested imported varieties were sown on 6 million hectares. The state inspection reported about suitable regions for 13 additional foreign varieties in 1959, which in 1960 showed high yields. In 1959, additional 700 varieties were ordered (400 from the US, 48 from China) for being tested in 1960-1961⁶⁷.

Cotton growing

In the fall of 1958, a delegation visited the US to study cotton growing. On January 23, 1959, based on the delegation's report, the Ministry's board sent a draft decree to the CC and CM "On the complex mechanization of cotton growing" so that to transfer the American practice to the USSR. The board demanded to purchase some best American cotton varieties to test them on the Soviet soil, and to import some models of the American cotton-growing machinery and chemicals. The Lenin Academy of Agricultural Sciences (VASKhNIL) was ordered to test together with the Middle-Asian Science Academies the American methods of growing and harvesting cotton: planting cotton, herbicides, defoliant and desiccants used on cotton fields, hybrid cotton seeds, methods of chemical pollen sterilization, methods of irrigation with the flexible tubes along elongated furrows. The American cotton machinery and herbicides were to be tested in Middle Asia and Azerbaijan together with the American irrigation method based on the use of ground waters. One Tadzhik state farm was to organize its production by the American model⁶⁸. The USSR

66. RGAE. F. 7486. D.8169. L. 186-192.

67. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 167-168.

68. RGAE. F. 7486. D.8415. L. 8-11.

had problems with the cotton cleaning technology; therefore, on September 4, 1970, Matskevich asked to import a model cotton plant from the US to test the processing of cotton⁶⁹. In 1960, the Ministry reported that in 1959, a complete complex of the cotton technology and machinery used in the West of the US (similar to the USSR climate) was imported. The use of American herbicides proved to be highly efficient. If such herbicides were produced in the USSR, cotton yields would grow by 4-5 decitonnes⁷⁰.

The Ministry's excitement about the American model was not accompanied by the reflection whether the American technology efficient under the market economy could be transferred to the Soviet command economy. Unlike the USSR, the US decisive element were farmers: to get profit, they needed high efficiency and selected the machinery best for their soils and interests. Under the market competition, producers of agricultural machinery strove for their clients' satisfaction and provided efficient repair services during the peaks of fieldwork.

Veterinary inspection

In the veterinary services, the Ministry also wanted to copy the American model. On April 3, 1959, the board discussed the report of the delegation on the American production and application of new biologics, antibiotics and other veterinary medicines. The delegation brought many veterinary books to the USSR and ordered to develop the national production of these medicines. The American veterinary control at all border stations impressed the delegation. The board demanded to intensify the Soviet veterinary control in the ports and at the railway border stations by introducing the American veterinary and sanitary measures for meat and poultry. The American Yearbook on animal diseases was to be translated and published in the USSR. Movies were to inform the Soviet people of the new sanitary standards⁷¹. In 1963, another delegation visited Canada to explore the plant protection. After its return, the Ministry's board ordered the state inspection for quarantine and plant protection to prepare recommendations based on the delegation's report⁷².

An impressive example of the shortcomings in the execution of orders is the failure to implement the obligatory quarantine for the imported plants and animals, which was ordered by the board in April 1956⁷³ and repeated. This seemingly simple request for the state in-

69. RGAE. F. 7486. D.9333. L. 174-179.

70. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 171-172, 174-175.

71. RGAE. F. 7486. D.8415. L. 62-70.

72. RGAE. F. 7486. D.8765. L. 172-198.

73. RGAE. F. 7486. D.7970. L. 45-48.

spection for quarantine was not satisfied until 1971. Although the plant and animal imports increased significantly, an obligatory quarantine was not introduced, which led to the spread of diseases and pests in the USSR. The board repeated its request; however, in the late 1960s, fresh fruits were still imported without quarantine. On June 23, 1969, Volovchenko informed the CC of the fruits and vegetables imported with pests and diseases. Again, he demanded to introduce an obligatory quarantine at the Soviet borders⁷⁴.

Concentrated feed and cattle fattening

On January 23, 1959, the board ordered the Lenin Academy of Agricultural Sciences to prepare instructions for drying grasses by electrical ventilators based on the foreign experience. Ventilators were to be tested already in 1959⁷⁵. Also, the Ministry ordered to produce highly effective concentrated feed based on the foreign experience. In the late 1960s, the quality of feed in the USSR was still very poor. On July 4, 1969, Matskevich calculated the import needs for raising the quality of the Soviet concentrated feed during the Five-Year Plan (1971-1975) for the CC and CM: spare parts for the machinery and equipment already imported, ten complex systems for the automatic production of 300 tons of concentrated feed per day with weighting cells. The USSR hardly produced any protein supplements. The annual demand would grow from 0.64 million tons in 1971 to 7 million tons in 1975. The farms' production of concentrated feed was to be increased from 4.27 to 47 million tons in 1975. Vitamins A and E, necessary for this growth, were to be imported⁷⁶. In the additional report to the CC and CM, the Ministry stressed the need to improve the technology of harvesting and storing the feed without losses. Abroad, the harvesting included an assembly line work in the best time period and ventilation of hay on the fields during drying⁷⁷.

In November 1968, a delegation headed by Morozov, deputy Minister of Agriculture, visited the US to study the industrial cattle fattening and meat production. After the return, the board required to reorganize cattle fattening in the USSR according to the American model. The delegation visited cattle breeding farms, slaughterhouses, and test stations. It reported about the US shift from dairy farming to cattle fattening. The number of cows was reduced in half, while the number of cattle for fattening doubled. Cattle fattening was cost-effective in the areas of grain cultivation for young animals did not need stables: in the southern states of the US, the young cattle

74. RGAE. F. 7486. D.9207. L. 97-98.

75. RGAE. F. 7486. D.8415. L.5-6.

76. RGAE. F. 7486. D.9208. L. 47-77.

77. RGAE. F. 7486. D.9208. L. 93-108.

grazed from November to March on the winter feed, which ensured about 100 kilos of weight increase, and the grain profited from the nitrogen fertilizer at the start of the growing season. Subsequently, fattening was based on the sugar beet concentrated feed.

The board expected that the drying of the beet pulp would be of economic significance for the USSR in the future, which would need a lot of transport. The board suggested to build at every sugar plant a section to dry the beet pulp and add to the feed. In the US, other forage crops were used too, such as corn, oats, barley and soy. The delegation stressed that the American success was linked to the supply industry under the market conditions: agronomy or animal husbandry in the US were not much more developed than in the USSR. The decisive difference was that the American industry supplied agriculture sufficiently and with high-quality fertilizers, and fully satisfied the American farmers' demand in the special harvesting machinery. The US companies had offices in all agricultural regions to ensure all repairs in a few hours. The board also suggested to use the American system of slaughterhouses in the USSR: they were located in the areas of animal fattening, often specializing on cattle or pigs. The board demanded to create a special branch 'cattle fattening' and to reorganize feeding according to the American model. The efficiency of animal breeding was to be improved by the imported breeds; specialized cattle fattening state farms were to be established; industrial fattening was to be based on concentrated feed. This would allow an additional annual production of 2.5-3 million tons of beef and reduce its costs. The main challenge was to provide the annual 6-7 million tons of feed⁷⁸.

Transfer of expertise to produce broilers: A success story?

The transfer of the knowledge on broiler production turned out a success. Broiler production is one of the few branches in which the Western knowledge was not only imported but partly implemented: chicken production grew and its costs per unit decreased. However, the *Gosplan* did not use the reduction in the production costs to lower the retail prices; therefore, the branch contributed to the budget incomes.

The archival material reveals that even in this case the knowledge transfer had many set-backs. In the report on the results of foreign contacts in 1959, the Ministry claimed that the broiler production experience had already been transferred. To use it at as many farms as possible, the Ministry ordered to import in 1960 two complete models of the large-scale broiler plants, the same as used at the collective farm Voskhod⁷⁹. In 1959, the imported poultry fell ill in the Mos-

78. RGAE. F. 7486. D.9195. L.81-94.

79. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 177.

cow Region for the local poultry plant had veterinary defects⁸⁰. On March 9, 1960, Matskevich accused the state commission for scientific cooperation with foreign countries and the main inspection for animal husbandry of being irresponsible for refusing to purchase the model poultry and dairy farms⁸¹. In general, in the 1960s, the import orders were delayed by the governing bodies.

In the mid-1960s, a strange controversy occurred between institutions responsible for poultry farms and for concentrated feed plants — about from which country to import the model of poultry farms. Although the archival materials do not provide clear evidence, probably, the controversy was determined by the competition of Western producers from England and the US at the moment when Matskevich returned to his office as the Minister of Agriculture. Some institutions asked to import the farms from the US, others — from England. The winner, as always, was the *Gosplan* which decided to postpone the imports.

After the principal decision was made to purchase the plants from the US⁸², the consultant for agriculture of the embassy in Great Britain Kozlovky wrote in December 1964 to the member of the CC presidium and deputy head of the CM Polyansky that the Saiks company guaranteed that after the purchase of their poultry farm each hen would lay 240-245 eggs a year⁸³. On March 31, 1965, Pak, the head of the poultry industry (*Ptitseprom*), asked Polyansky to purchase a farm from England⁸⁴. However, on April 28, 1965, Emelyanov wrote to Matskevich that the purchase from England was not acceptable. The American company was the international market leader, and the USSR had worked with it for nine years already. There were no political or economic reasons for the purchase in England, but suddenly Pak changed his opinion⁸⁵. In the further communication with Matskevich, Pak and Morozov insisted on the purchase in England at a lower price⁸⁶. On May 22, Matskevich suggested to Kosygin to purchase poultry and pig fattening farms and a concentrated feed plant together with the necessary licenses⁸⁷. On July 8, 1965, Lomako, the head of the *Gosplan*, answered that the purchase in 1965-1966 was impossible due to the lack of funding, and postponed it to the Five-Year Plan of 1966-1970⁸⁸.

After the broiler project, the USSR focused on the block partners: the Soviet ambassador in Hungary reported that a giant automat-

80. RGAE. F. 7486. D.8512. L. 316-318.

81. RGAE. F. 7486. D.8512. L. 151-155.

82. RGAE. F. 7486. D.8933. L. 212.

83. RGAE. F. 7486. D.8924. L. 2-7.

84. RGAE. F. 7486. D.8933. L. 205-210.

85. RGAE. F. 7486. D.8933. L. 213-216.

86. RGAE. F. 7486. D.8933. L. 217-219.

87. RGAE. F. 7486. D.8933. L. 200-204.

88. RGAE. F. 7486. D.8933. L. 212.

ic poultry farm of the Big Dutchman company was put in operation in Cloppenburg (FRG). Only three employees worked at this farm to look after 130,000 laying hens at the start and later after 250,000. Such farms already worked in the US. During the Kiev Poultry Exposition in 1966, a model poultry farm was bought from the Netherlands and opened in Kuchino near Moscow. However, the plant in Cloppenburg was completely different. Matskevich asked for permission to send experts to the FRG to study its work, while the USSR had already bought 24 smaller broiler plants from the Hungarian company Komplex for testing⁸⁹.

Problems with the transfer of the Western agricultural technology

Despite the delays with executing imports orders, many efficient models (machinery, seeds, chemicals and so on) were brought to the USSR, and quite often they were ready to start mass production. However, the *Gosplan* blocked them or accepted only simple and low-cost models with much less efficiency than the original Western models, especially in the equipment for animal husbandry for it required additional construction efforts to be put in operation.

Already in 1955, combine harvesters imported from Sweden and the FRG (Claas) were tested. Potapov, the deputy head of the state committee for new technology, requested a report on the results by October 15, 1955. The report was delayed for the Soviet combine harvesters were to be tested in comparison, and they, as usual, did not arrive in time⁹⁰. Only on April 10, 1956, Matskevich and Khlamov (Minister for Tractor and Agricultural Machinery Construction) provided a detailed and balanced report on the imported machinery tests in the Soviet conditions, and on which elements proved to be superior to the Soviet machinery. For instance, among the self-propelled combine harvesters the Claas one got excellent marks, while the pull-typed harvester was assessed as not suitable for the Soviet demand⁹¹. The expectation that the Soviet agricultural-machinery industry would use this knowledge immediately to improve their models did not come true. Already in 1957, the Ministry complained that the majority of new tractors and agricultural machinery went into mass production with a great delay if at all⁹².

On March 17, 1956, the chairman of the state committee for new technology Malyshev gave detailed orders on how to proceed with testing the imported tractors and agricultural machinery: the Soviet machines were to be tested in the comparative perspective. Members

89. RGAE. F. 7486. D.9131. L. 1-3.

90. RGAE. F. 7486. D.8049. L. 35-36.

91. RGAE. F. 7486. D.8049. L. 278-290.

92. RGAE. F. 7486. D.8169. L. 133-134.

of the assessment teams were to be approved by the state committee; the leading constructors and specialists of the agricultural-machinery plants were to attend the testing; to use the imported models in the future, they were to be kept in the special museum; positive tests meant that the imported machinery was to be reproduced; if machines were not suitable for the Soviet conditions but showed some interesting construction details, they were to be copied for the Soviet industry⁹³. The archival material prove that these recommendations were followed until the late 1950s. Khrushchev's misguided 'decentralization' was responsible for putting an end to the just established practice of testing and comparing the Soviet machinery with the efficient foreign agricultural technology as it subordinated the plants to the regional and national economic councils (*Sovnarkom*) (Merl, 2002). In 1968, Matskevich and Ezhevsky asked to return to this good practice in vain. In their report to Kosygin of January 3, 1968, they complained that the state testing took only outdated and often poor national model for comparison. To overcome backwardness and meet the world standards in the agricultural technology, it was necessary to import each year the newest models of the best tractors and agricultural machinery and to compare them to the technical level of the Soviet new construction⁹⁴. This request was blocked by such governing bodies as the *Gosplan* and the state committee for science and technology: they had little interest in proving the poor quality of the Soviet machinery.

Based on the test results of the imported and Soviet tractors, in 1956 the Ministry of Agriculture issued a draft decree for the CC and CM "On the improvement of the technology for the mechanization of labor-intensive work in agriculture". It claimed that the imported new methods of production would allow to significantly decrease labor input and costs. However, it complained that the proposals to introduce new effective machinery were implemented with delays. The board did not ask about the systemic causes of such delays — it blamed persons or institutions for the shortcomings: the Ministry's main inspection was considered responsible: a crazy idea for the inspection had no influence on the governing bodies or the Soviet industry. The board suggested that persons with fluent foreign languages could raise the efficiency of expert delegations: each their member was to be responsible for a specific topic and to write a report on return. To spread the information on the superior technology, the board proposed to organize an annual exchange of experiences⁹⁵.

The Ministry of Agriculture reported to the State Committee of Science and Technology that in 1959, 73 different types of agricultural machinery were imported for testing. 36 were to be tested in 1959,

93. RGAE. F. 7486. D.8049. L. 275-309.

94. RGAE. F. 7486. D.9164. L. 1-13.

95. RGAE. F. 7486. D.8169. L. 133-134.

other 37 — in 1960; only three agricultural machines were accepted for the trial production (one from Italy, one from France, and one from the CSSR); of other eight machines models were to be constructed to be tested, such as the sugar beet harvester from the US, and the potato harvester from Lanz (FRG). The Soviet industry was given a recommendation to make use of the construction elements of other 13 machines, including the potato sorting machine from Lanz and England, and the sugar beet harvester.

After the successful testing of the newly constructed machines, the Ministry requested (in most cases in vain) to start mass production. In 1960, Matskevich had not yet lost his optimism and expected that mass production would start soon — of harrows and plows, John Deere grain harvester, sugar beet and potato harvesters. He expected that the improved machinery would save inputs of the Soviet farms⁹⁶. The testing of tractors showed that their construction was possible with significantly less metal. Many progressive construction elements of the imported tractors were to be adopted: air cooling of the engine, its electric starting, independent power take-off shaft, separate-aggregate hydraulic system, multi-speed transmission system, etc. For instance, these elements were adopted for the new Soviet tractors DT-54M, MTZ-5MS, MTZ-7. The mass production of the tractor MTZ-50 (a 50-PS wheel tractor) (with power steering and wheel loader) would allow to increase the coupling weight and to reduce skidding of the tractors⁹⁷.

Mass production started in 1961: in 1962, 43,600 and in 1964, 59,600 MTZ-50 tractors were produced (Schinke, 1967: 6-7). In addition, the testing of low-pressure tires for tractors started: “The modernization of tractors will ensure enormous savings — with metal needed for construction (about 0.5 tons per tractor!) and with a higher power despite the less need in fuel”⁹⁸. Also, the chassis of new tractors could be improved based on the foreign expertise. Complex mechanization would allow to reduce some types of works significantly. To support complex mechanization, Matskevich demanded to import from the US four models of the machinery systems for cultivation and harvesting of corn, sugar beets and cotton⁹⁹. However, Matskevich’s expectations did not come true. The mass production of most machines, especially harvesting, never started. Due to the Khrushchev’s changes in the institutions’ functions, only in the second half of the 1960s, the Ministry of Agriculture could at least name the Soviet deficiencies again. Despite all ‘agricultural programs’ under Brezhnev, even in 1986, there was no precondition for their success — no supplies of

96. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 185-186.

97. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 186-187.

98. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 187.

99. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 184-188.

the efficient agricultural machinery complying with the international standards¹⁰⁰.

The use of the imported models for the complex mechanization of animal husbandry turned out to be much more difficult than working with the highly efficient foreign machinery — due to the fact that animal husbandry urgently needed construction works (for stables, silage storage, and farms), which was a notorious bottle neck of the Soviet command economy. All construction materials were in short supply; in constructing facilities and plants, agriculture depended on local construction trusts, which determined not only long delays but also miserable quality of new buildings.

The bad use of the imported equipment for the mechanization of animal husbandry was presented in the Soviet media. On December 4, 1961, the *Rural Life* reported such a scandal: in 1960, the equipment for a dairy farm with 1,000 cows was imported from the US to be tested at the All-Union Institute of Animal Husbandry in Klenovo-Chegodaevo. The equipment laid idle for five months, then it was brought to the test station of the All-Union Institute of Oil-Producing Crops and Ethereal Oils in Krasnodar. In December 1961, its construction had not yet started, although the head of the Institute was sent to the US to learn the use of such a farm. He was accused of irresponsibility, and the first test station did not check the delivery for completeness. On December 22, 1961, the board confirmed the newspaper's report, and ordered the Krasnodar station to use the equipment before January 20, 1962, and to order the missing parts from the US¹⁰¹.

This case was not an exception — rather a normal situation with the imported equipment for animal husbandry. This was due not to the irresponsible directors, but rather to the inherent conflicting responsibilities within the Soviet command industry: thus, the Ministry of Agriculture lacked effective control over research institutions and construction trusts. The USSR Commission for State Control uncovered a series of such delays in the use of the imported equipment for mechanized broiler production, concentrated feed and dairy plants in 1962 in Ukraine and the Northern Caucasus.

The Ministry of Agriculture's board ordered the All-Union Research Institute for Poultry to build a plant for 4,000 broilers per shift until the end of 1961, which would start production in the first half of 1963. At the end of 1962, the inspection commission found only the foundations; it took a year to find a suitable construction location; the question of the construction's funding was still open; there was no reinforced concrete for the roof. On November 10, 1962, the Commission of State Control and the main controller Kapitonov sent their report

100. RGAE. F. 650. D.16. L. 5-30.

101. RGAE. F. 7486. D.8616. L. 238-242.

to the Ukrainian CK¹⁰². After checking the construction of the broiler plant in the Crimea, the Commission stated that the construction was both delayed and full of mistakes. Only after the construction was completed, it was found out that the facilities for receiving chickens and for storing the produce were missing. No attention was paid to the Ministry's orders concerning the mechanization of cleaning, washing and disinfecting. No cooling facilities for the ready produce were constructed, i.e., even a short-time storage was impossible. Special transportation for broilers was missing: the Ukrainian *Gosplan* did not provide the necessary equipment¹⁰³. The Commission also found defects in the construction of both concentrated feed plants. In the Crimea, the construction was delayed, because the Ukrainian *Gosplan* had not provided the deficit construction material. Only the feed plant in the Donetsk Region was ready in May 1962, but the start of its production was postponed to September 1963. The Ukrainian *Gosplan* did not provide the plant with poultry to be processed, forgot to build a storage for raw materials and ready produce¹⁰⁴.

The model diary farm for 1,000 cows and 500 calves within the *SovNarKhoz* Krasnodar system was to start production in December 1962. The Commission found out that the start of the construction was delayed for there was no technical documentation and workers. At the construction site, the Commission found neither the construction machines nor the responsible engineer. Some of the delivered reinforced concrete was no longer suitable due to the long delay. The construction order was given to another construction trust. In all cases, the Commission only blamed irresponsible local officials¹⁰⁵—the systemic reasons were tabooed. On March 27, 1964, the Commission gave new orders to improve the purchase and use of the imported cattle, and provided a list of twenty organizations responsible for the use of the foreign expertise¹⁰⁶; i.e., to be blamed for all deficiencies linked with the use of the imported animal husbandry equipment.

In 1971, Dubrovin reported to the CC that the number of the not yet used imported equipment grew, especially due to the delays with the necessary construction works. Often the imported equipment was sent to other regions for the selected farms proved unsuitable; some parts of the equipment could not be used for it was not delivered fully. On June 29, 1971, Matskevich repeated to the CC-secretary Kulakov that the imported equipment was not used primarily due to the delays and unfinished construction works¹⁰⁷.

102. RGAE. F. 7486. D.8704. L. 293-303.

103. RGAE. F. 7486. D.8704. L. 294-295.

104. RGAE. F. 7486. D.8704. L. 293-300.

105. RGAE. F. 7486. D.8704. L. 304-312.

106. RGAE. F. 7486. D.8819. L. 60-76; D. 8852. L. 217.

107. RGAE. F. 7486. D.9357. L. 121-124, 178-180; D. 9023. L. 59-70, 197-198; D. 9253. L. 189-193.

ИСТОРИЯ

A lot of cattle was imported to improve breeds and their efficiency. In 1963, the Ministry of Agriculture reported that 1879 milk cows, 1941 meat-wool sheep, 111 pigs, 35 horses, 70,912 poultry and 10,000 eggs were imported, and that 35 reproduction-poultry farms were established. However, many directors of research institutions did not fulfill their obligation to report about the use of the cattle and poultry. Obviously, the Ministry lacked effective control, listed as 'deficiencies' that *Prodimport* did not make purchase contracts in time, and organized the ship transport insufficiently. Many livestock arrived weakened. As there still was no border quarantine, the livestock was transported further without any border check¹⁰⁸. The board required to purchase the livestock in May-June and to open quarantine stations at the borders¹⁰⁹.

Between 1955 and 1962, on the order of the Ministry, 7257 breeding cattle, 6496 sheep, 1871 pigs, 89 horses and 231,000 poultry were imported. The Ministry claimed that this was the basis to develop new and highly productive races in the USSR. This might be correct for some but not all cases. There are many materials on the bad use of breeding animals. For instance, despite insemination of 346 cows, only 30 calves were born. In the state farm Zarechie, due to the bad feed supply, 23 of the 76 calves imported from Holland did not survive the winter¹¹⁰.

Still in 1966, many test stations hardly cared about the imported cattle. Even if specialists were sent abroad to select the cattle, this made little difference. Sending people abroad did not eliminate the deficiencies in the supply of feed and in the stables not suitable for mechanized animal husbandry. However, the board blamed the All-Union Research Institute for Animal Husbandry for the insufficient use of the imported livestock for new breeds, and for not developing a new technology for keeping and feeding livestock¹¹¹.

In the fall of 1960, the Ministry decided to import breeding eggs from the US and Canada to get highly productive hens and broilers. The All-Union and the Ukrainian Poultry Research Institutes were declared responsible¹¹², and only then it became evident that both research institutes lacked the conditions for working with the imported eggs. Such failures with the selection of institutes or test stations happened quite often. The Ministry lacked reliable information on the local conditions, and many institutes and stations were poorly equipped. On October 22, 1960, the board asked the CM to post-

108. RGAE. F. 7486. D.8819. L. 57-76.

109. RGAE. F. 7486. D.9195. L. 95-127.

110. RGAE. F. 7486. D.8765. L. 32-45.

111. RGAE. F. 7486. D.8947. L. 1-19.

112. RGAE. F. 7486. D.8512. L. 318-321.

pone the imports of eggs and to use the allocated finances to import 100 breeding cattle from England¹¹³.

The main problem with the use of the imported livestock was the lack of basic conditions for success — adequate conditions for keeping and feeding. The lack or poor quality of forage, especially in winter, was due to the lack or poor quality of harvesting machinery and storing. The Soviet concentrated feed often did not meet the Western standard. Another bottle neck was the poor equipment and insufficient mechanization of the stables. The highly efficient imported cattle could not show its quality in these conditions; therefore, its productivity did not meet the expectations. Often the imports were not coordinated with breeding stations: when the imported animals arrived in the late fall or winter, there was already little feed, which determined stillbirth and death of calves.

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986)

Soviet agriculture in the international perspective

On January 3, 1968, Matskevich and Ezhevsky reported to Kosygin on the results of providing agriculture with new technology and highly efficient fertilizers, chemicals and pest-killers. The report revealed the catastrophic situation in the Soviet agriculture in the international perspective, and stressed the importance of complex mechanization in agriculture for reducing labor input and production costs: labor input in the USSR was about 10 times higher than in the US. The Soviet average agricultural labor productivity hardly reached 20% of the American one, in animal husbandry — only 10–15%. Even concerning the average power of tractors (though at larger fields), the USSR lagged behind the US. Most Soviet tractors and agricultural machinery lagged drastically behind the US in productivity, reliability, and repair.

Usually, the low quality of new machinery was blamed: only 17% of the tested new machinery were recommended for mass production; 20% were declared junk. The Ministry insisted on testing Soviet machinery in comparison with the best foreign one¹¹⁴. The Commission of the Peoples' Control presented a similar negative picture of the quality of the Soviet agricultural machinery. On March 22, 1968, it provided the CM with a list of tractors' deficiencies: time-consuming technical maintenance, high metal consumption for production, high need in fuel for operation, discomfort for the driver, and bad appearance¹¹⁵. Matskevich and Ezhevsky argued that the Soviet chemical industry also lagged behind in the quality of mineral fertilizers, chemicals and pest killers, often dangerous for people. There-

113. RGAE. F. 7486. D.8512. L. 375f; D. 8578. L. 31.

114. RGAE. F. 7486. D.9164. L. 1–13.

115. RGAE. F. 7486. D.9166. L. 260–265.

fore, they asked the CC and CM to oblige the *Gosplan* to execute import orders from the early 1967 without delay, the Ministry of Tractor and Agricultural Machinery Construction — to improve the quality and efficiency of machinery, the Ministry of Foreign Trade — to purchase from England fattening plants for 10,000 cattle and 1,000 pigs, the State Committee of Science and Technology — to allocate annually 1 million rubles to buy the newest models of foreign technology, and to get licenses to produce the machinery urgently needed by the USSR farms¹¹⁶.

The channels used to gather information on foreign agricultural progress

'Professionalization' of contacts with foreign countries

While the Ministry of Agriculture started contacts with foreign countries in 1955 with the permission of the CM and CC, the right to decide on foreign contacts under Khrushchev from 1958 onward was given to the state committees created in 1956: the State Committee for Cultural Exchange with Foreign Countries and the State Committee for Scientific-Technical Cooperation. The State Committee for Economic Relations with Foreign Countries coordinated the work in 'less developed' countries. The intermediary role of state committees meant that sending specialists and delegations abroad became more complicated due to annual plans and coordination with others institutions. After a while, this caused protests as delays in the coordination meant that no representatives would go abroad¹¹⁷. The state committees started to sign bilateral exchange contracts (in culture, technology and education) which stabilized the contacts and allowed to exchange even PhD students and undergraduates. Under Brezhnev, also bilateral contracts for cooperation in research were signed.

From 1965 onwards, the CC-department of agriculture became responsible for the Ministry's foreign contacts. The CC-secretary Fedor Kulakov was the head of this department from 1964 to 1976. Permanent responsible officials (Matskevich and Kulakov) made the coordination of foreign contacts easier. The Ministry addressed its proposals and requests (and complaints) formally to the CC and sometimes directly to the CC-secretary¹¹⁸. However, funding issues remained in the competence of the CM.

The central planning of business trips abroad and of hosting foreign scientists started in 1958. There were five categories: business

116. RGAE. F. 7486. D.9164. L. 1-13.

117. RGAE. F. 7486. D.8475. L. 184-187.

118. RGAE. F. 7486. D.8883; 8884.

trips to explore agricultural achievements; participation in international congresses and consultations; visits to international fairs and expositions; business trips to less developed countries; and equestrian sport¹¹⁹. For 1958, the Ministry of Agriculture planned 42 business trips, half of them to ‘capitalist’ countries; 34 participation in international congresses and consultations (including 7 trips to attend meetings of the European Economic Commission of the United Nations in Switzerland); 8 participation in international fairs and expositions; 34 experts’ visits to less developed countries, often for a year or even longer (8 trips to China and Mongolia, others to Vietnam, Korea, Burma, Syria, Afghanistan, Ceylon and, within the FAO framework, to Yugoslavia). In the equestrian sport category, 4 visits were planned¹²⁰. In 1959, more than 100 specialists were sent abroad to explore agricultural achievements, 150 — to participate in international congresses and consultations, and about 700 — to help the less developed countries¹²¹. In 1963–1964, 1,340 specialists were sent abroad and 1,006 foreign agricultural specialists invited to the USSR¹²².

On January 27, 1958, a contract on cultural exchange was signed with the US, and the State Committee for Cultural Exchange with Foreign Countries was responsible for coordination and control of the cooperation¹²³. In 1959, a contract with England followed, including the exchange of students and the youth from collective and state farms¹²⁴. The contract on cultural exchange with the FRG was signed on May 30, 1959, including the exchange of agricultural delegations, visits to German peasant farms, insemination stations, and meat processing plants¹²⁵. For 1961, a business trip of specialists to the tractor plant was requested — to explore tractors with continuously variable transmission, organization of the repair, cars and agricultural machinery, and to visit the companies Lanz, Krupp and Claas¹²⁶.

On January 6, 1965, the first contract on the bilateral cooperation in agricultural research was signed in London¹²⁷. A similar contract was signed with Sweden in 1965¹²⁸, with France and the Netherlands in 1966¹²⁹. On November 15, 1966, Matskevich reported to the CC that in 1967, he intended to invite the Canadian Minister of Agriculture to Moscow to sign the bilateral contract on the agricultural

119. RGAE. F. 7486. D.8356. L. 8-38.

120. RGAE. F. 7486. D.8356. L. 8-38.

121. RGAE. F. 7486. D.8578. L. 166-167.

122. RGAE. F. 7486. D.8882. L. 97-99.

123. RGAE. F. 7486. D.8358. L. 2.

124. RGAE. F. 7486. D.8361. L. 34-41.

125. RGAE. F. 7486. D.8478. L. 38-42.

126. RGAE. F. 7486. D.8579. L. 160.

127. RGAE. F. 7486. D.8887. L. 24-25.

128. RGAE. F. 7486. D.8882. L. 97-99.

129. RGAE. F. 7486. D.8966. L. 16-17, 27, 41-50.

research cooperation¹³⁰. In 1967, a contract on the joint agricultural research was signed with Italy¹³¹, in 1969 — with India¹³². The GDR played a particularly significant role: in 1967, a contract on cooperation and exchange in agricultural research was signed, and the number of delegations between two countries increased significantly¹³³.

The costs of scientific exchanges were a crucial factor during the whole period under consideration. Matskevich never forgot to ask the CM for the permission for the other side, especially the block partners, to cover all costs¹³⁴. High costs for the Soviet side were a reason for refusal, for instance, to participate in the horticulture fair in Erfurt in 1966¹³⁵.

Financial constraints for exchanges became evident in the 1960s. The draft plan for business trips to foreign countries for 1961 was rejected. The State Committee required a special justification for each trip and each purpose¹³⁶. On September 3, 1963, the Ministry of Agriculture complained to the CM about the budget cuts for business trips abroad¹³⁷. While in 1963 360 and in 1964 415 specialists were sent abroad, their number for 1965 was cut to 330. The number of specialists sent to explore the progressive experience remained quite stable: 90, 112, 93. However, participation in congresses and conversations was drastically cut: from 110 to 23 in 1965. Only mobility in the equestrian sport category was not reduced (this was Matskevich's hobby)¹³⁸. For 1965-1966, the board gave more exploration tasks to the permanent consultants for agriculture in embassies to cut costs, and the number of short-term trips was reduced in favor of the long-term¹³⁹. Business trips were reduced to the purchase of the advanced technology that would definitely be used in the Soviet agriculture¹⁴⁰. For 1970 and 1971, business trips were allowed only if the work could not be done by consultants¹⁴¹. Most of 45 business trips in 1971 were to capitalist countries; 47 other trips were visits to international congresses and participation in equestrian championships¹⁴².

130. RGAE. F. 7486. D.8966. L. 58; D. 9036. L. 319-366.

131. RGAE. F. 7486. D.9051. L. 22.

132. RGAE. F. 7486. D.9214. L. 10-21, 23.

133. RGAE. F. 7486. D.9050. L. 2-27; D. 9130. L. 60-76.

134. RGAE. F. 7486. D. 8359. L. 45-53; D. 8361. L. 13-14, 25-26.

135. RGAE. F. 7486. D.8885. L. 16-18.

136. RGAE. F. 7486. D.8616. L. 4-7, 16-18.

137. RGAE. F. 7486. D.8800. L. 80.

138. RGAE. F. 7486. D.8800. L.90-93.

139. RGAE. F. 7486. D.8819. L. 239-261.

140. RGAE. F. 7486. D.8867. L. 176-186.

141. RGAE. F. 7486. D.9195. L. 429-434.

142. RGAE. F. 7486. D.9266. L. 269-328.

Already in 1955, the position of consultant for agriculture was introduced in embassies of the most important 'capitalist' countries, which was a way to systematize data from these countries. In general, consultants were qualified experts who worked abroad for three years, which allowed them to establish contacts with research institutions, the Ministry, and companies providing agricultural inputs and willing to use consultants for lobbying. As a member of the embassy staff, the consultant was paid by the Foreign Ministry. In 1964, consultants worked in 11 'capitalist' countries, 8 of them had translators-assistants.

The Ministry's board regularly considered consultants' reports¹⁴³ and gave them clear orders. Thus, on June 11, 1962, the consultant in Canada was ordered to focus on specialized farms and labor input in production¹⁴⁴. Emelyanov, the consultant at the embassy in the US, reported to Kosygin that two consultants in the USA had supplied the USSR with diverse varieties, breeding cattle and eggs, agricultural machines, herbicides and pesticides¹⁴⁵. Taking into account the importance of the American agriculture, he proposed to increase the number of consultants in the US to four with two translators-assistants¹⁴⁶.

In the early 1960s, after the reduction of funding for delegation trips, the significance of consultants for providing information on the agricultural technology in the West increased. However, the cut of costs reduced the consultants' mobility too. In 1964, the Ministry of Agriculture protested against the decision not to provide consultants with cars nor to establish a special fund for business trips, because they needed personal cars to do their job. However, Malentin (Ministry of Finances) and Kosygin refused: the funding of consultants had to come from the Ministry of Foreign Affairs¹⁴⁷. On March 22, 1965, Matskevich intervened again: as the work of consultants suffered from the lack of financial resources for business trips, he asked Gromyko to provide at least the same funding for these trips in 1965 as in 1964¹⁴⁸. The situation worsened in 1970, when the consultant for agriculture should be subordinated to the consultant of the State Committee for Science and Technology which was blocking the efforts of the Ministry of Agriculture to bring the foreign agricultural expertise to the USSR. On September 3, 1970, Matskevich protested against this proposal to the CC: in 8 countries, qualified agricultur-

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986)

143. RGAE. F. 7486. D.8691. L. 167–172.

144. RGAE. F. 7486. D.8691. L. 183–188.

145. RGAE. F. 7486. D.8691. L. 235–241.

146. RGAE. F. 7486. D.8800. L. 19–22.

147. RGAE. F. 7486. D.8852. L. 1–3.

148. RGAE. F. 7486. D.8924. L. 33.

al experts (with PhD or DSc degrees) worked. Their reports on the development of agricultural technology were essential for the Ministry's work¹⁴⁹.

Participation in the international agricultural organizations

Stalin's death ended the self-isolation of the USSR on the international arena. In 1955, contacts with the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) were established¹⁵⁰. Although the USSR did not become its member, the FAO started 'friendly relations'¹⁵¹ with the USSR as a 'developed country' and invited the Soviet Union to join development aid, counseling and training, especially for Yugoslavia¹⁵². In 1958, the FAO asked the USSR to help with delivering insecticides against the grasshopper plague in the Near East¹⁵³. From 1956 onwards, the USSR regularly attended meetings of the working group of the European Economic Commission of the UN for the mechanization of agriculture in Switzerland, which was an additional source of information and expertise for the Soviet agriculture, especially in mechanizing, electrification¹⁵⁴ and such issues as choosing the correct type of tractor and harvester according to the regional climate¹⁵⁵.

The Ministry of Agriculture tried hard to return a respectable place for the USSR in international agricultural organizations and associations. As membership fees were a critical criterion, the Minister always proposed the most cost-effective memberships to the CC and CM. The attempts to join international associations restarted under Khrushchev, but at first they failed due to the lack of experience, especially the attempt to invite international associations to have their annual meetings in the Soviet Union (mainly due to logistical challenges — lack of hotels and suitable transport¹⁵⁶). Under Brezhnev, the Ministry became more professional and ready to take such an advantage in the participation as prestige for the USSR. Due to its potential as an agricultural power, the USSR was considered an attractive partner. Several associations decided to hold their annual meetings in the USSR. As the country was closed for foreigners under Stalin, the delegates were interested to visit the USSR. The Ministry wanted to have Soviet academics and specialists as members

149. RGAE. F. 7486. D.9278. L. 22-23.

150. RGAE. F. 7486. D.7786, 7787, 7788, 7789.

151. RGAE. F. 7486. D.8360. L. 69-73.

152. RGAE. F. 7486. D.8357. L. 150-158.

153. RGAE. F. 7486. D.8360. L. 270-278.

154. RGAE. F. 7486. D.7970. L. 111-114; D. 8415. L. 197-201.

155. RGAE. F. 7486. D.8169. L. 164-167.

156. RGAE. F. 7486. D.7970. L. 228-229; D. 8579. L. 13.

of associations' boards. The Congress of Agricultural Economists in 1970 was used to propagate the alleged advantages of the Soviet agricultural system.

The first attempt to invite an agricultural association to hold its congress in the USSR was made by Matskevich in 1958. On July 4, 1958, he asked the CM for permission to invite the 9th International Congress of Winemakers in 1959 to Tbilisi, as the participants had to cover the costs themselves¹⁵⁷. However, the winemakers chose another place, and only for the 10th congress in 1961 Tbilisi was accepted¹⁵⁸. On September 4, 1958, Matskevich made his next attempt, this time to invite the International Association of Poultry to hold its annual meeting in 1962 in the USSR¹⁵⁹. Again, only the second invitation was accepted. For the 13th World Congress of Poultry Producers in 1966, Kiev was accepted as a place of venue. Matskevich requested the CM to provide funding for building exhibition pavilions and asphaltting the exhibition area for participants from the US, England, Japan, FRG, Italy, Sweden, Holland and Canada¹⁶⁰. On March 14, 1966, Matskevich asked the CC to approve Professor Penionzkevich as the president of the World Association¹⁶¹. Either Kosygin or someone he approved was to become an honorary president of the Congress¹⁶². With 2727 delegates, 1900 of them from foreign countries (GDR — 327, USA — 305), a record number of delegates participated (the 12th World Congress in Australia had 1545 participants, 540 from foreign countries). When the State Committee for Science and Technology cut funding for the poultry congress in Spain in September 1970 and provided funding for only 20 of 100 specialists, Matskevich protested to the CC¹⁶³.

On March 15, 1967, Matskevich informed the CC that the International Union for the Protection of Nature and Natural Resources planned to hold its third European consultation on the protection of water birds in 1968 in Leningrad, 120 participants were expected¹⁶⁴. But then the USSR invaded the CSSR. On September 19, 1968, Matskevich informed the CC that the international bureau canceled the meeting. He believed that it had to cover the preparation costs. Every registered participant was asked to contact the organization bureau but no participant from Western Europe showed up. Only representatives of 12 states came to Leningrad in September 15-30 (from the Comecon countries, Jordan, Iran, Senegal, Finland, and Ethio-

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953-1986)

157. RGAE. F. 7486. D.8359. L. 260-286.

158. RGAE. F. 7486. D.8653. L. 82-87.

159. RGAE. F. 7486. D.8360. L. 254-267.

160. RGAE. F. 7486. D.8867. L. 36-38; D. 8924. L. 44, 61-85, 147-158, 202-211, 262-265.

161. RGAE. F. 7486. D.8962. L. 7-8.

162. RGAE. F. 7486. D.8962. L. 43.

163. RGAE. F. 7486. D.9276. L. 7-8.

164. RGAE. F. 7486. D.9048. L.1-7.

pia). Russian participants sent a protest letter to the president of the union¹⁶⁵.

Politically the meeting of agricultural economists was of the greatest significance. In 1966, the president of the association asked to hold the world congress in 1970 in the USSR¹⁶⁶. Minsk was chosen as a place of venue in August 1970. On February 19, 1968, Matskevich proposed to the CC to use the congress to propagate the Soviet achievements to the international public. He expected about 2,000 participants, about 500 of them from the US. After the meetings, an excursion to the Soviet agricultural regions was planned¹⁶⁷. The general topic for the congress was 'Economic policy, planning, and administering rural development'. As the Ford and the Rockefeller Foundations decided to support economists from Europe, Asia, Africa and Latin America, Matskevich suggested that the CC would support participants from socialist countries and scientists from Asia, Africa and Latin America. At the beginning of 1970, to prepare the 'socialist' participants for the congress, delegations from Bulgaria, Hungary, GDR, Romania, CSSR and Mongolia were invited to Moscow for five days¹⁶⁸. Matskevich ordered the Soviet participants to refer to Lenin's writings, to stress the advantages of socialist agriculture, and to declare Middle Asia a model for developing countries¹⁶⁹. On May 20, 1970, he asked the CC for the permission to officially invite the Canadian Minister of Agriculture to the congress¹⁷⁰. Finally, about 1000 scientists participated in the congress, about 900 from foreign countries¹⁷¹.

Ministry of Agriculture's work in 'less developed' countries

Under the guidance of the State Committee for Foreign Economic Relations, the Ministry had to coordinate help to the 'less developed' countries. In 1955, the Ministry of Agriculture was appointed a 'general conductor' of government agreements in agriculture with Ceylon, Indonesia, Afghanistan, Iraq and the United Arab Republics, and with such 'socialist' countries as Mongolia, Vietnam and Albania. This help consisted of providing qualified experts and agricultural machinery (produced in the USSR), and of managing construction projects.

Under Khrushchev's 'decentralization', it became more difficult to fulfill these obligations. The Ministry of Agriculture made sever-

165. RGAE. F. 7486. D.9129. L. 2-13.

166. RGAE. F. 7486. D.8962. L. 9-13.

167. RGAE. F. 7486. D.9128. L. 1-13.

168. RGAE. F. 7486. D.9210. L. 5-8.

169. RGAE. F. 7486. D.9276. L. 2-6.

170. RGAE. F. 7486. D.9276. L. 9-10.

171. RGAE. F. 7486. D.9276. L. 22-24.

al unsuccessful attempts to transfer the function of 'general conductor' to the *Gosplan*. However, on September 2, 1959, the deputy chairman of the State Committee Suloev asked Matskevich to fulfill the obligations further and provide specialists for 'less developed' countries¹⁷². On July 4, 1961, the Minister of Agriculture Olshansky reported to the CC and CM that the Ministry was responsible for 50 projects in 11 countries. He asked to reduce these duties for the Ministry had lost many competences after the CC's and CM's decree of February 20, 1961 — some competences were transferred to the *Gosplan* and *Soyuzselkhoztehnika*, such as the responsibility for mechanization specialists. Nevertheless, the State Committee for Economic Relations with Foreign Countries gave the Ministry further orders beyond its competences¹⁷³. On May 29, 1961, Pyshin, the deputy Minister, asked to be released from the obligation to deliver tractors and agricultural machinery abroad, because the Ministry lost all competences in this field¹⁷⁴ and could no longer fulfill the function of 'general conductor' of the technical assistance to Mongolia¹⁷⁵. However, the State Committee insisted on the Ministry's responsibility according to the Soviet-Mongolian Contract of February 10, 1959¹⁷⁶. According to Petrov, in 1961, the Ministry still managed many projects: since 1957 — in the United Arab Emirates, since 1958 — in Ceylon, since 1959 — in Guinea, Iraq, India, Mongolia and Iran, since 1960 — in Ghana, and since 1961 — in Somalia¹⁷⁷.

The State Committee often lacked the control over the complicated and under Khrushchev variable distribution of competences. Petrov (Ministry of Agriculture) was annoyed by the State Committee's requests beyond his field of competence. For instance, the State Committee asked him to send the Soviet agricultural machinery after testing to Burma. On March 5, 1961, Petrov responded that the production of machinery was not in the Ministry's competence; therefore, he could not arrange any delivery of agricultural machinery¹⁷⁸.

Although the Soviet agriculture lagged behind 'capitalist' countries in agricultural technology and needed all available resources for its development, Khrushchev forced the Ministry of Agriculture to participate in his campaign of offering the economic aid to the non-block countries by providing them with specialists and equipment. The absurdity of the situation became evident, when countries like Iraq, Ceylon and Syria, taking advantages of the American help too, started 'anti-Soviet campaigns': tractor and harvester drivers, who

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986)

172. RGAE. F. 7486. D.8436. L. 237-238.

173. RGAE. F. 7486. D.8654. L. 208-210.

174. RGAE. F. 7486. D.8659. L. 147-148.

175. RGAE. F. 7486. D.8654. L. 233-235.

176. RGAE. F. 7486. D.8659. L. 300.

177. RGAE. F. 7486. D.8654. L. 312-319.

178. RGAE. F. 7486. D.8657. L. 134-135.

previously used reliable American agricultural machinery and tractors, now had to work on the poor Soviet agricultural machinery not suitable for the climate of their countries, which was always breaking down, needed repair, and stood idle due to the lack of spare parts. As the USSR delivered the same poor and unreliable agricultural machinery to the 'less developed' countries, this became a reason for mockery. Soviet officials interpreted it as 'anti-Soviet campaigns'. Although the Ministry of Agriculture could only send abroad what the national industry produced, it faced reproaches in providing junk machinery¹⁷⁹.

Conclusion

The Ministry of Agriculture was well aware of the Western expertise due to delegation trips, organizations of the United Nations, consultants for agriculture in the embassies in 'capitalist' countries, bilateral exchange and cooperation contracts and membership in international agricultural associations. The Ministry insisted on importing models of the advanced agricultural technology to test them in the Soviet conditions and improve the quality of the national agricultural machinery. The Ministry made attempts to transfer the Western production expertise to the USSR in order to develop the Soviet agriculture to the world standard and reduce labor inputs and production costs.

However, the Western knowledge was hardly used. Often the CC and CM issued decrees following the Ministry of Agriculture's recommendations to improve the national production. But the *Gosplan* and State Committee of Science and Technology delayed or blocked these decrees' execution, and, in accordance with the Stalin's legacy, refused to give priority to agricultural development for modernization of the outdated Soviet agricultural machinery industry would have needed huge investment. To partly overcome this blockage, since the mid-1960, the Ministry had tried to made the block partners produce at least part of the advanced machinery for the Soviet agriculture.

The Ministry considered the transfer of the Western expertise as primarily a technical matter, although the Soviet industry produced machinery in all respects significantly below the world standards. The question whether the transfer from market economies to the Soviet command industry would work was tabooed. The failure to copy the superior Western technology was partly determined by the divided competence for decision making in the USSR's bureaucratic structures under Brezhnev. While in the West, the market

179. RGAE. F. 7486. D.8477. L. 1-13; D. 8652. L. 204-223, 294-301; D.8654. L. 38-40, 303-309; D. 8659. L. 125-128, 178-179, 330331, 399-405.

competition made the companies producing agricultural machinery constantly improve their quality and develop new technologies, Soviet producers of agricultural machinery were monopolists — their clients had no chance to refuse the purchase of poor or even defective machinery, and lacked free access to other producers under the state command. In the Western market economies, producers also provided efficient repair services. Soviet industrial plants were not responsible for the farms' losses due to the poor technology and lack of repair services.

In the implementation of its recommendations, the Ministry depended on actors beyond its control — chemical and machinery industry, construction trusts, governing bodies allocating resources and finances, research and test institutions. They all had different interests and tasks in 'their' plans not linked to the task of improving the efficiency of the Soviet agricultural production. Ministers like Matskevich often had working experience in the *Gosplan* or the CM; therefore, they understood these institutions' constraints in distributing limited finances and resources between the national economy branches. Neither the CC nor the CM really controlled the execution of their decrees for the *Gosplan* distributed funding and resources, and gave orders. While the *Gosplan* certainly blocked the supply of highly efficient inputs and machinery to agriculture, it is beyond the scope of this article to discuss the Soviet systemic constraints and deficiencies or answer the question if the *Gosplan* had alternatives. In a subsequent article I will discuss why for the stable rule the Party leadership needed the poor quality of the Soviet machinery, and why the low-cost alternative of giving the freedom of decision-making to the qualified heads of the collective and state farms, the 'Khudenko experiment', was rejected by the Brezhnev administration with the fatal consequences in the late 1960s.

I would like to finish the article with the impressions of the American delegation of the Soviet agriculture in the summer of 1963, as reported by the consultant for agriculture in the US: the delegation was impressed by the personal reception at Khrushchev; praised the high qualification of the soviet agricultural specialists in seed production; but at the same time was shocked by shortcomings — high labor inputs, lack of machinery, storage, fertilizers and pesticides, and slow development of grain drying¹⁸⁰.

References

- Merl S. (2002) Entstalinisierung, Reformen und Wettlauf der Systeme 1953–1964. S. Plagenborg et.al. (Eds.). 1945-1991. *Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion*, Anton Hiersemann, pp. 175–318.

¹⁸⁰RGAE. F. 7486. D.8800. L. 147-155.

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986)

- Merl S. (2020) Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 2, pp. 56–87.
- RGAE (Rossiisky Gosudarstvenny Archiv Ekonomiki) [Russian State Archive of Economy], Fond 7486 (Narodny kommissariat zemledeliya SSSR), Opis 1.
- RGAE (Rossiisky Gosudarstvenny Archiv Ekonomiki) [Russian State Archive of Economy], Fond 650 (Gosagroprom), Opis 1 (14.11.1985 — 11.4.1989).
- Schinke E. (1967) *Die Mechanisierung landwirtschaftlicher Arbeiten in der Sowjetunion*, Wiesbaden: Harrassowitz.
- Taubman W. (2003) *Khrushchev. The Man and His Era*, New York & London: W.W. Norton & Company.
- Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. (2018) *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table*, Lexington: Lanham.

Почему Советский Союз при Хрущеве и Брежневе не смог провести комплексную механизацию сельского хозяйства: международные аспекты проблематики (1953–1986)

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельского университета. Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд, Германия. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de.

Статья основана на архивных материалах, подтверждающих, что комплексная механизация в СССР после 1953 года провалилась (Merl, 2020). После смерти Сталина страна быстро восстанавливала международные связи, благодаря которым осознала, насколько сильно СССР отставал от Запада с точки зрения развития сельскохозяйственных технологий и надежности сельскохозяйственной техники. Автор показывает, сколь успешно министерство сельского хозяйства собирало информацию о западных технологиях. Уже в 1955 году были импортированы модели западной сельскохозяйственной техники, семена, высокопродуктивные породы скота, химикаты и корма — чтобы апробировать их в советских условиях. Ожидалось, что советское машиностроение будет использовать западные знания для повышения качества сельскохозяйственной техники, что повлечет за собой значительное сокращение трудовых и финансовых затрат и одновременно рост производительности. Однако очень мало передовых машин и с большими задержками были доставлены в колхозы и совхозы. В советском сельском хозяйстве не произошла «зеленая революция», которая бы увеличила урожаи и производительность благодаря научным достижениям. Никакие застойные проблемы в обеспечении кормами и транспортом или в сокращении потерь урожая не были решены в период с 1955 года до момента основания Госагропрома. Госплан и Государственный комитет по науке и технике систематически игнорировали постановления Центрального комитета и Совета министров, которые следовали рекомендациям министерства сельского хозяйства по улучшению производственных технологий. Госплан и Госкомитет отказывались отдавать приоритет сельскохозяйственному развитию, поскольку модернизация устаревшего сельскохозяйственного машиностроения требовала огромных инвестиций. С середины 1960-х годов министерство сельского хозяйства пыталось заставить своих партнеров по блоку производить хотя бы часть техники, необходимой советскому сельскому хозяйству. Эти усилия включали себя обмен делегациями с западными странами, участие СССР в международных сельскохозяйственных организациях, а также провозглашенное Хрущевым сотрудничество с «менее развитыми» странами в рамках Совета экономической взаимопомощи.

Ключевые слова: сельскохозяйственная модернизация, комплексная механизация, западные технологии, социалистическое промышленное сельское хозяйство, производительность сельскохозяйственного труда, сельскохозяйственная техника, научно-исследовательское сотрудничество, международные сельскохозяйственные ассоциации, Хрущев, Брежнев

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986)

Вятское земство и исследования статистика Н.Н. Романова¹

Т.А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, научный сотрудник Чайяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук; начальник организационно-планового отдела Российского государственного архива экономики. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: savinova30@yandex.ru

В статье исследуются особенности образования Вятской губернии и ее управления, деятельность губернского статистического комитета и роль в ней политических ссыльных и Н.А. Спасского. Подчеркивается возникновение земства в Вятской губернии как одного из «крестьянских» земств, сразу занявшегося исследованием экономического положения платежеспособного крестьянского населения. Рассматривается исследование северных уездов губернии В.Я. Заволжским и его результаты, а также продолжение исследований крестьянского хозяйства губернии первым «заведующим земской статистикой» Н.Н. Романовым и их роль для определения экономического положения населения Вятской губернии в целом. В статье впервые вводятся в научный оборот неопубликованные архивные источники, важные для установления точных биографических сведений о Н.Н. Романове.

Ключевые слова: Вятская губерния, «крестьянское» земство, земская статистика, крестьянское хозяйство, земские раскладки, подворные исследования, В.Я. Заволжский, Н.Н. Романов

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-118-130

Имя Николая Никаноровича Романова всегда, как правило, называют среди пионеров земской статистики, но, в отличие от коллег, о нем известно очень мало, а в кратких энциклопедических статьях содержатся ошибки в его отчестве и неверные биографические сведения (Тамбовская энциклопедия, 2004: 499). Между тем статистическая деятельность Романова продолжалась более четверти века и началась она в Вятке.

1. Публикация подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чайянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

В 1780 году в связи с реорганизацией губернского управления России было образовано Вятское наместничество с центром в г. Хлынове, переименованном в том же году в Вятку. С 1797 года это Вятская губерния. Первоначально в губернии было 13 уездов, два из которых — Кайский и Царевосанчурский — упразднены, но 11 — Вятский, Глазовский, Елабужский, Котельнический, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский — просуществовали до 1917 года. Площадь губернии к моменту образования земства составляла около 143 447 кв. километров (Статистический временник, 1866: 5).

Первое дворянское собрание в Вятке состоялось лишь в 1859 году, поскольку дворяне в губернии жили только в 5 округах из 12 и три четверти из них были женщинами, не имевшими избирательного права. Причем собрание проходило под председательством губернатора, не принадлежавшего к дворянству Вятской губернии (Луппов, 1958: 183). Ранее в своем отчете за 1841 год губернатор А.Н. Мордвинов писал, что губерния «представляется как бы забытой правительством». Мало того, со времен Александра I она стала местом плена и ссылки. Так, после Отечественной войны 1812 года здесь были размещены около 6 тысяч военнопленных — бывших солдат армии Наполеона разных национальностей, позднее в Вятскую губернию ссылали инакомыслящих Российской империи.

Впрочем, это в какой-то степени способствовало поднятию культурного уровня края. На торжественном открытии первой публичной библиотеки в Вятке в 1837 году выступил политический ссыльный А.И. Герцен. Заведовать краеведческим музеем при Вятской палате государственных имуществ, открытым в 1842 году, был приглашен ссыльный поляк И. Высоцкий. Ссыльный издатель Ф.Ф. Павленков в 1877–1878 годах издал три сборника корреспонденций о Вятском крае «Вятская незабудка» (Луппов, 1958: 226), и этот список можно продолжить.

Успешным началом работы Вятского губернского статистического комитета (май 1835 года) губерния также обязана ссыльному Герцену, который, находясь в Вятке в 1835–1837 годах, разработал программу «О собирании статистических сведений для изучения губернии», редактировал полученные с мест материалы для приложения к «Вятским губернским ведомостям». В 1850-х годах активная работа Вятского статистического комитета осуществлялась благодаря усилиям его секретаря В.А. Короваева: были собраны ценнейшие материалы по истории, этнографии, экономике, статистике, природе и культуре края, в 1853 году впервые вышла «Памятная книжка Вятской губернии» (Кудрявцева, 2015: 31). После введения нового «Положения о губернских статистических комитетах» и реформы 1861 года Вятский комитет стал краеведческим центром губернии, особенно после назначения его секретарем дей-

Т.А. Савинова

Вятское земство
и исследования
статистика

Н.Н. Романова

ствительного статского советника Н.А. Спасского, занимавшего эту должность 45 лет — до 1916 года. Ежегодно комитет публиковал свои отчеты, в которых печатались подробные статистические обзоры губернии, содержавшие сведения о древних городищах, борьбе с волками, работе губернского землемера, статистические сведения о населении губернии, ее участии в выставках и др. Трудом Н.А. Спасского было создано 44 тома «Обзоров Вятской губернии», составлен ее атлас из 20 карт. В 1875 году отдельным изданием вышло «Статистическое описание Вятской губернии», за которое Спасский был награжден золотой медалью Императорского Русского географического общества. В 1880–1881 годах под его редакцией увидел свет двухтомник «Столетие Вятской губернии с 1780 по 1880 год, сборник материалов к истории Вятского края» и приложение к нему «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края».

В России было не так уж много губернских статистических комитетов наподобие Вятского, занимавшихся историей и краеведением. Их основная обязанность — исправно поставлять сведения, требуемые Центральным статистическим комитетом, и составлять статистические таблицы, прилагаемые к отчетам губернаторов. Сами комитеты регулярных исследований не проводили, сведения по естественному движению населения предоставляло духовенство, о поступлении сборов — казенные палаты, о землевладении, посевах, урожае, ценах на продовольствие — волостные правления и исправники. Земствам же, появившимся после реформы 1864 года и наделенным правом самообложения, нужны были регулярные и достоверные сведения об экономическом положении населения и его налоговых возможностях, получаемые на местах. Так что перед земской статистикой с самого начала стояли экономические, а не культурологические и краеведческие задачи.

Большую часть коренного населения Вятской губернии составляли государственные и удельные крестьяне, по данным статистического исследования 1884–1892 годов, их было около 2,5 млн человек (Гурьев, 1906: 49). Крестьянам принадлежало более половины всей площади губернии и 89,7% всей земли, находящейся в частном владении (Гурьев, 1906: 53). Поэтому не удивительно, что с учреждением в 1867 году в Вятской губернии земства в составе земских гласных ее 11 уездов были крестьяне, мелкопоместные дворяне, купцы, священники и служилый элемент. По Положению 1864 года всего было 218 уездных гласных, из которых 107 — крестьяне (Голубев, 1901: 5). По утверждению П.А. Голубева: «Вятское земство получило ничтожное наследство во всех отраслях своего хозяйства. Скудны и не устроены были доземские больницы и школы, не было ветеринарии и санитарного надзора, не существовало и противопожарных мер, хотя начало страхованию и было положено в селениях государственных крестьян; продовольственное дело было также далеко не блестяще, а о каких-либо мероприятиях по улучшению сельского хозяйства, кустарных промыслов и про-

чего тогда не могло быть и речи» (Голубев, 1906: 11). Поэтому «крестьянские» земства, к которым наряду с Вятским можно отнести Пермское и Олонекское, практически с момента основания особенное внимание уделяли нуждам населения губерний в образовании, медицине и экономической помощи. Настроены на хозяйственную деятельность они были решительно: «...Лица, служащие в управе, должны быть предупреждаемы, что от них будет требуемо основательное и быстрое исполнение делаемых им поручений. Канцелярия управы, делопроизводству которой следует дать порядок возможно упрощенный, должна иметь более характер хозяйственной конторы, тем более что и дела в управе будут производиться хозяйственные, которым всякая проволочка существенно вредна и убыточна» (Патрушев, 2016: 48). Первым председателем губернской управы стал гласный из г. Орлова врач Матвей Матвеевич Синцов, выпускник университета и сторонник реформ. «Направление, данное им всему земскому делу, <...> просвещение и экономический подъем крестьянства, — надолго осталось дирижирующим в вятских земствах» (Голубев, 1901: 11).

И хотя, как отмечает исследователь А.В. Патрушев, активность земцев в уездах Вятской губернии росла очень медленно, уже в конце 1860-х годов некоторыми из них по собственной инициативе предпринимались отдельные исследования экономического положения крестьян. Отчет об одном из них был помещен в столичном журнале (Кр-ч, 1871: 115-132).

Вятская земская статистика и ее результаты

Для выявления ценности и доходности облагаемого налогами имущества крестьян Вятское губернское земство одним из первых приступило к статистико-экономическому исследованию северных уездов губернии, пригласив для этого Владимира Яковлевича Заволжского, бывшего слушателя Петровской академии, вынужденного покинуть ее, не кончив курса. Он не был уроженцем губернии, но вся его деятельность прошла здесь. По поручению третьего губернского земского собрания им было проведено обследование 1257 селений 15 обедневших волостей Слободского, Орловского и Котельничского уездов, материалы которого изданы управой в 1871 году. В работе были всесторонне описаны экономические и бытовые условия жизни крестьян северных уездов губернии, наиболее полными оказались сведения о количестве платежей и платежных возможностях населения. Заволжским было вычислено, что 65% всех доходов крестьян расходуется на государство и церковь, и только 35% — на личные потребности². Он зафиксировал, что крестьяне не обеспечены полностью пропитанием, и единственный способ

2. *Вишняков П.А.* Курс земской статистики. РГАЭ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 144. Л. 9.

покрывать этот дефицит следующий: «Питаюсь главным образом хлебом и крупой, они при недостатке кашицу из круп заменяют водой, далее перестают сеять муку даже сквозь решето; мало того, начинают подбавлять в муку мякины, коры, и чем более недостаток в хлебе, тем эта примесь становится больше и больше» (Заволжский, 1871: 69).

По мнению П.А. Вихляева, в этой работе были заложены основы методологии земских статистических обследований и первые наблюдения за бытом крестьянского хозяйства. Заволжский начал собирать сведения с данных волостных писарей, затем, после непосредственного осмотра хозяйства, воспроизводил их в табличной форме, что уже можно считать статистическими данными. Он вычислял бюджеты не только отдельного хозяйства, но и по волости в целом, выводил их расход и приход. В своих очерках статистик обрисовал картину жизни крестьянского хозяйства, где главным был переход от лядинного хозяйства к трехпольному³.

Губернская управа планировала продолжить исследование южных уездов, но оно не состоялось. Одним из результатов проведенной Заволжским работы стал интерес в обществе и земстве к местным статистическим исследованиям. В 1873 году губернской управой было предложено выделить 2000 рублей на содержание статистического бюро, однако собрание, согласившись выделить запрашиваемую сумму, решило, что будет достаточно одного служащего. В это время Заволжский уже служил секретарем Уржумской земской управы, затем мировым судьей, а еще позднее земским начальником. В феврале 1897 года он скончался в Буйском заводе Уржумского уезда.

Достойным продолжателем дела изучения Вятской губернии стал Николай Никанорович Романов. Он родился 23 февраля 1848 года в семье протоиерея г. Нолинска Вятской губернии, кроме него в семье было еще четверо детей. Брат окончил Медико-хирургическую академию, две сестры были замужем за священниками, третья — жила в семье старшей сестры. До поступления на земскую службу в качестве секретаря Нолинской уездной земской управы, Романов окончил с отличием курс Вятской духовной семинарии⁴, образование в которой высоко ценил. Это учебное заведение вело свою историю от Славяно-Латинской школы, уже существовавшей к моменту превращения Вятки в губернский центр. После 1818 года к преподаванию в нем привлекались только лица с высшим образованием, которое до 1840 года осуществлялось на латинском языке. Лучших выпускников для продолжения обучения направляли в духовные академии, а иногда и в светские учебные заведения (Лупшов, 1958: 189), что было неосуществимой мечтой для Романова. Позднее он писал Фортунатову: «Вятская семина-

3. Там же. Л. 8,9.

4. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 81. Д. 603. Л. 7.

рия дала уже пять земских статистиков (Е.И. и И.М. Красноперовых, В.Я. Заволжского, меня и Е.С. Филимонова). Относительно Красноперовых (старше меня двумя курсами), В.Я. Заволжского (старше меня одним курсом) и себя я хорошо знаю, что направление по деятельности и писательская подготовка даны нам Вятской семинарией нашего времени (эпохи крестьянской реформы). Е.С. Филимонов уже статистик позднейшей формации»⁵. Здесь названы семинаристы, выбравшие светский путь, но и некоторые избравшие духовную службу выпускники семинарии отличались высокой образованностью. Такими были Н.Н. Блинов, в будущем товарищ Романова в статистических исследованиях, или его зять В.А. Кибардин, в библиотеке которого при Спасо-Хлыновской церкви имелись сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Тихона Задонского (Сергеев, 2002: 49).

В том же письме из Тамбова от 15 марта 1892 года, посвященном разбору «Общего обзора земской статистики крестьянского хозяйства» Фортунатова и ошибкам в нем, Романов подробно и открыто рассказывает свою историю прихода в земскую статистику.

«По поводу Вашего «Обзора» я и хочу сказать кое-что в настоящем письме. Не знаю, меня или кого другого можно выставлять первым по времени появления земским статистиком, только, во всяком случае, я статистик не с 1871 г., как у Вас сказано. Самое постановление Вятского собрания об учреждении должности «заведующего земскою статистикою» состоялось в декабре 1873 г. Я вступил в эту должность в начале 1874 г. После исследования Заволжского в декабре 1872 г. Вятское собрание учредило должность агронома для оценки земель. Случилось попасть на эту должность некоему Моннерот-дю-Мэну, кончившему бывший Горигорецкий институт (человеку уже тогда нынешнего моего возраста), служившему в люстрационных комиссиях в западном крае. Он повел дело совершенно шаблонно и чиновнически, по старым инструкциям М[инистерст]ва гос[ударственных] имущ[еств], да и отделался за 1872 г. двумя волостями Яранского уезда — из бывш[их] удельных крестьян, которые имели уже поземельное устройство по уставным грамотам. Помню, потом, рассматривая листы работы Моннерот-дю-Мэна, я ничего не нашел, кроме шаблонных арифметических выкладок с ошибками⁶. Вятская управа напечатала (при журналах собрания 1873 г.) только образчик счетоводства агронома. Из деликатности предложили Моннероту сделаться статистиком (зная, что он откажется), но он уехал. Меня Вятская губ[ернская] управа знала, как способного, достаточно развитого, умеющего писать и знающего коротко земское дело секретаря Нолинской уездной управы и вот поэтому выбор пал на меня. А я, с своей стороны,

5. ОР РГБ. Ф. 377. Карт. 4. Д. 57. Л. 67.

6. Бывшая уже тогда у меня старая книжка «Оценка поземельных угодий» Скворцова прекрасно разъяснила мне, по какому учебнику работал Моннерот. — *Примеч. Романова.*

рвался внутренне к какой-нибудь ученой (!) деятельности и потому с радостью пошел в статистики с некоторым материальным ущербом для себя. Дали мне 1500 р. без всяких дополнительных, а меня Нолинское земство любило и баловало, получал я 1200 р., годовой награды 100 или 150 руб., имел земскую квартиру с отоплением и освещением и место без всяких разъездных расходов.

От меня прежде всего требовалось выработать какую-нибудь сносную земскую раскладку (сами-то земцы, конечно, меньше меня понимали что-нибудь в этом). Я не был чужд книжного учения и в канцелярской своей службе никогда не был шаблонным канцеляристом, поэтому и на земские раскладки давно смотрел пристально (знал хорошо не только Нолинскую, но и все другие по губернии). Выехал я бодро в свою обширнейшую губернию в начале мая, возвратился на короткое время в Вятку в июле и затем опять странствовал почти до половины сентября. Сделал что-то около 5000 верст, во всех волостях, где был, что-нибудь по своему разумению узнавал и записывал⁷. Хотелось, конечно, на первый раз отличаться и явиться на декабрьское земское собрание не с пустыми руками, и я, усердно занимаясь в уездной своей квартире, все свое «Исследование земских раскладок»⁸ состряпал за 2,5 месяца — полная рукопись была подана земскому собранию. На счастье, попала мне в Вятской библиотеке финансовая наука Рау⁹, усердно я ее штудировал, стараясь применить теорию к делу. Но больше, конечно, лавировал в знакомой сфере действительных земских раскладок. Вслед за появлением книжки мои разъяснения закона о земских раскладках целиком были перепечатаны в «Правительственном Вестнике» (как бы взамен сенатского указа!). Вообще и теперь без улыбки не могу вспомнить, как сравнительно посчастливилось моей первой статистической работе, предпринятой с очень легким багажом. Поручили мне составить вятскую земскую раскладку так, как по моему исследованию выходит. Я составил, и эта раскладка благополучно существует у вятского земства до сегодня.

Вот Вам точная история моего вступления на поприще земской статистики и первых шагов на нем. Я назывался «заведующим земской статистикой Вятской губернии», но название это скоро с себя снял и сделал не я первый, стал называть себя официально просто земским статистиком»¹⁰.

Во время описываемого путешествия Романов тщательно изучил основания земского обложения в уездах, обнаружив много ошибок и нарушений. На основании собранных данных он установил раз-

7. Статистик объехал Слободской, Глазовский, Сарапульский и Елабужский уезды.

8. Романов, 1875а; 1876

9. Рау, 1867–1868

10. ОР РГБ. Ф. 377. Карт. 4. Д. 57. Л. 65–66 об.

ряды земель и их доходность по каждому уезду, вывел общие основания и приемы оценки земель, фабрично-заводских и городских имуществ, подробно растолковав 10-ю статью временных правил для земских учреждений, в соответствии с которой общим основанием для земских расценок является понятие ценности и доходности имущества. Для пахотных земель Вятской губернии таким показателем Романов считал их урожайность. И хотя многие специалисты полагали, что материала, собранного Романовым, было недостаточно, чтобы провести правильную оценку всей совокупности земельных владений и недвижимости губернии, работа получила широкую известность, так как была первым и фактически единственным трудом по методологии земской оценки. Предложенные Романовым критерии для оценки земель приняли земства 6 уездов (Слободской, Орловский, Глазовский, Сарапульский, Нолинский и Уржумский), на их основе они пересоставили свои раскладки (Карваев, 1902: 110). Практическая ценность исследования Романова состояла в том, что оно способствовало процессу выравнивания отношения раскладок крестьянской и прочей земли в губернии. Так, в 1875 году обложение крестьянской земли было в 8 раз выше прочей, в 1881-м — в 5 раз, в 1890-м — в 3,5, а в 1899-м — всего в 3 раза (Голубев, 1906: 18).

Очерки об исследовании Романовым 4 уездов губернии по довольно обширной программе были опубликованы в 1875 году (Романов, 1875б). Она включала: 1) качество и производительность земли; 2) средний урожай за несколько лет; 3) наемные цены на земли; 4) способы и порядок выполнения земледельческих работ; 5) стоимость земледельческих работ; 6) какие у крестьян посевы; 7) урожай от этих посевов; 8) куда сбывается избыток земледельческих продуктов; 9) сенокосные угодья и урожай на душу; 10) есть ли выгон для скота; 11) откуда получают лесные материалы; 12) чем занимаются крестьяне в свободное время; 13) домашние и отхожие промыслы; 14) заработок от них; 15) успешно ли поступают с крестьян налоги (Карваев, 1902: 109).

Летом 1875 и 1876 годов Романов предпринял попытку подворных исследований Орловского и Уржумского уездов Вятской губернии, которые стали примером для подражания у других земских статистиков. Но сам Романов в письме Фортунатову обозначил свой труд далеким от совершенства:

«Меня удивило, что Вы упоминаете в своей статье о моей переписи 66 дворов в Орловском уезде, как о первом опыте в таком роде. По моему мнению, не стоило это упоминать. Во время вятских исследований я сознавал необходимость сплошного знакомства со всеми именными, но невозможно было одному ничего такого предпринять (при крайней многочисленности и разбросанности имений). Для меня только вызывались по возможности сельские старосты в правление, и я их расспрашивал по вятским сельским обществам состояние многих имений, и о той или другой части их старосты обыкновенно име-

ли смутное понятие. Старался я косвенным путем проникнуть в порядки и жизнь крестьян и для этого во всех волостях Орловского и Уржумского уездов прочитал и записал кратко все решения волостных судов за один год» (Романов, 1876, 1879).

Орловский уезд Романов исследовал вместе с известным вятским просветителем и краеведом священником Н.Н. Блиновым, автором труда «Движение народонаселения в Орловском у. Вятской губернии» (Блинов, 1877). Два года — 1873 и 1874 — были в уезде неурожайными, и статистики наблюдали мрачную картину нищеты населения, питавшегося в начале 1875 года овсом, превращенным в муку. Лишившись средств к существованию, продав последнее имущество, крестьяне уходили нищенствовать.

В 1877 году Романов провел исследование крестьянского хозяйства 7 волостей Яранского уезда, чтобы выяснить степень падения благосостояния населения из-за неурожая. По его результатам для уездной управы был составлен отчет (Записка Романова, 1878), на основании которого планировалось оказание продовольственной помощи крестьянам.

Удручающую картину наблюдал Романов и в селениях татар в Малмыжском уезде, где почти в каждом дворе он отмечал крайнюю бедность: маленькие убогие избы, скудное питание, грязь и болезни, порой — голодный тиф (Земское обозрение, 1880: 45-46).

Вятское губернское земское собрание справедливо полагало, что неурожай только довершил упадок крестьянского хозяйства в некоторых уездах губернии. Перед его членами остро встали вопросы о необходимости выселения крестьян из наиболее нуждающихся местностей, а также об общем состоянии переселенческого дела в губернии. По поручению губернского собрания Романовым было проведено исследование, результаты которого в виде книги «Переселение крестьян Вятской губернии» (Романов, 1880, 1881) издавались дважды и были удостоены ИРГО большой золотой медали. Материалом послужили данные казенной палаты за 20 лет. Книга состояла из 6 глав и 11 табличных приложений, в текстовой части были приведены численные данные населения по уездам по VIII и X ревизиям (1834 и 1858 годы) и по 1878 году, дан сравнительный обзор переселений по уездам внутри губернии и за ее пределы, предпринята попытка анализа причин переселения и его последствий для переселенцев и остающихся на местах, а также решения вопроса о содействии крестьянским переселениям со стороны земства.

Исследования вятских статистиков не остались незамеченными общественностью и прогрессивными периодическими изданиями России. На работы Заволжского, Романова и Блинова публиковались многочисленные рецензии в журналах «Отечественные записки», «Дело», «Земство», «Русская старина». Была также и солидная статья «Современное состояние Вятского края» (Верхокамский, 1878: 19-54), в которой на основе не только земской,

но и государственной статистики исследовались причины экономического упадка Вятской губернии. Начиналась она эпитафией: «Вятка — хлебу matka» — старой народной поговоркой (современная гласит: «Вятка — хлеба гладко»). После описания жизни населения губернии, в котором со ссылкой на Заволжского отмечалось, что «вечная борьба с голодом повлияла на его характер, развила апатию и неподвижность», автор анализирует соответствие налогов и доходов крестьян губернии, которые были основными налогоплательщиками, отмечает рост недоимок с 1858 по 1874 год на 1 755 000 руб. и применение телесных наказаний за неуплату налогов. Далее, исследуя статистику урожайности, он фиксирует, что за 30 лет абсолютное количество собираемой ржи осталось тем же, а населения увеличилось, и, таким образом, если в 1845 году на каждого жителя губернии собиралось по 2,5 четверти ржи, то в 1875 году — по 1,7 четверти, или на 6,5 пуда меньше (Верхокамский, 1878: 26). Это вынуждало добавлять в хлеб мякину и кору, в результате чего он превращался в отвратительную лепешку, камнем лежащую в желудке, и вредно сказывался на здоровье крестьян.

Главными причинами обеднения Вятского края автор считал чрезмерные подати, превышающие доходность земли и ее истощение. Скорее всего, их следовало бы указать в обратной последовательности: рассматривая далее земледелие Вятского края, он обозначает основную причину его упадка — господство так называемой лядиной системы земледелия вплоть до 1860-х годов. Если ранее крестьяне могли переходить на новый участок, расчищенный ими от леса, и сеять по нови, получая хороший урожай без удобрения, то с 1864 года расчистка казенного леса и заселение участков были запрещены. Используя один и тот же участок из года в год, крестьяне истощали землю, не получая с нее и пятой доли того, что раньше. Постепенно эта хищническая система привела к всеобщему падению урожайности по всей губернии. Вятское земство видело выход в насаждении и привитии крестьянам рациональных основ земледелия, что, в свою очередь, зависело от их грамотности и способности принимать агрономическую помощь, однако пока что в губернии на 100 человек приходился один грамотный крестьянин (Верхокамский, 1878: 35).

С упадком земледелия был непосредственно связан и упадок скотоводства: неурожай, разоряя крестьян, вынуждал их расставаться со скотиной, чтобы заплатить подати. Не способствовали его развитию и недостаток лугов, изобилие волков и эпизоотии. В статье отмечался и упадок промыслов в губернии. Ухудшение экономического положения края вело к увеличению смертности и сокращению средней продолжительности жизни, которая на момент написания статьи составляла 20 лет (Верхокамский, 1878: 51).

Таким образом, использование статистических источников позволило автору статьи сделать следующие неутешительные выводы

о положении губернии: «Не подлежит сомнению, что Вятский край, несмотря на последнюю четверть XIX столетия, стоит по культуре на одной доске с XVII и XVIII веками Западной Европы. Не пора ли двинуться вперед?» (Верхокамский, 1878: 52).

Опыт Романова показал, что задачи статистического изучения губернии настолько сложны и трудоемки, что одному с ними не справиться. Поэтому в 1878 году статистик подал Вятскому земскому собранию записку о реорганизации земской статистики, но предложения его не были приняты. Только в 1881 году земское собрание согласилось увеличить состав бюро на два человека и предложило довольно обширную программу деятельности: оценку городских недвижимых имуществ, оценку и определение доходности фабрик и заводов, сбор и обработку сведений о землевладении и земледелии, исследование внеземледельческих промыслов, кустарничества и торгово-промышленной деятельности, составление подворных описей, сбор и группировку сведений по народному образованию (Караваев, 1902: 111). К ее исполнению бюро приступило в 1883 году уже под руководством прибывшего из Чернигова Евгения Семеновича Филимонова (тоже выпускника Вятской духовной семинарии, к этому моменту уже имевшего диплом врача). В 1884–1893 годах бюро (с 1887 года преобразованное в отделение) одновременно проводило оценочные и подворные исследования крестьянского хозяйства губернии. В 1892 году создана текущая статистика, о необходимости которой Романов докладывал земскому собранию еще в 1876 году. В конце 1890-х — начале 1900-х годов была проведена повторная подворная перепись и переоценка земель всей губернии, создана дорожная статистика. В 1897 году по решению губернского собрания была учреждена должность уездного статистика для собирания от корреспондентов материалов по текущей статистике. Всего издано 14 томов статистических сборников и 15 томов материалов по оценке земель, не считая 5 выпусков с описанием промыслов и нескольких специальных обобщающих исторических работ. Позднее здесь работали такие выдающиеся статистики, как Я.С. Вьюгов, А.А. Гурьев, А.П. Лашкевич, Г.И. Баскин, В.Г. Громан и Е.В. Пашковский.

С легкой руки Романова вятская земская статистика на протяжении всего периода существования оставалась одной из лучших в России.

Библиография

- Блинов Н.Н. (1877). Движение народонаселения в Орловском у. Вятской губернии. Вятка. *Верхокамский Е.* (1878). Современное состояние Вятского края // Отечественные записки. № 9. С. 19–54.
- Голубев П.А. (1901). Вятское земство среди других земств России. Вятка. *Голубев П.А.* (1906). Организация земских учреждений и общий характер деятельности

- их в Вятской губернии // Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867–1902 гг.). Вятка. С. 1–36.
- Гурьев А.А. (1906). Краткие статистические сведения о губернии // Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867–1902 гг.). Вып. 1. Вятка. С. 37–86.
- Заволжский В.Я. (1871). Исследование экономического быта населения северной части Вятской губ. Вятка.
- Записка вятского земского статистика Н.Н. Романова об экономическом положении населения некоторых волостей Яранского уезда, пострадавших от неурожая хлебов в лето 1877 г. (1878). Вятка.
- Земское обозрение (1880) // Русская мысль. № 4. С. 44–80.
- Караваев В.Ф. (1902). Библиографический обзор земской статистической литературы со времени учреждения земств. 1864–1901 гг. Вятская губерния // Труды ИВЭО. № 3. С. 107–113.
- Кр-ч В.А. (1871). Краткий очерк экономического положения сельского населения Орловского уезда Вятской губ. // Дело. № 3. Новые книги. С. 115–132.
- Кудрявцева Р. (2015). Вятская статистика: «Готовность к пользе общей» // «Кировская правда». 14 апр. № 31. Kirovstat.gks.ru (дата обращения 21 мая 2020 г.).
- Луппов П.Н. (1958). История города Вятки. Киров.
- Патрушев А.В. (2016). Вятское земство накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс. ... к.и.н. Йошкар-Ола.
- Рау К.Г. (1867–1868). Основные начала финансовой науки. СПб.: тип. Майкова. 2 т.
- Романов Н. (1875а). Исследование земских раскладок Вятской губернии. Вятка. 2-е изд., Вятка, 1876.
- Романов Н. (1875б). Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вып. 1. Уезды: Слободской, Глазовский, Сарапульский и Елабужский. Вятка.
- Романов Н. (1876). Статистическое описание Орловского у. Вятской губернии. Вятка.
- Романов Н. (1879). Статистическое описание Уржумского у. Вятской губернии». Вятка.
- Романов Н. (1880). Переселение крестьян Вятской губернии. Вятка. 2-е изд. Вятка, 1881.
- Романов Н.Н. (2004) // Тамбовская энциклопедия / Гл. науч. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов.
- Сергеев А.В. (2002). Книги в жизни вятского духовенства пореформенных лет // Вятские записки. Альманах. Вып. 3. Киров. С. 45–51.
- Статистический временник Российской империи (1866). СПб.: ЦСК МВД.

Т.А. Савинова
Вятское земство
и исследования
статистика
Н.Н. Романова

Vyatka zemstvo and studies of the statistician N.N. Romanov

Tatyana A. Savinova, PhD (Economics), Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences; Head of the Department of Organizational-Methodological and Personnel Work, Russian State Archive of Economics. 119571 Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: savinova30@yandex.ru

The article considers features of the Vyatka Province development and management, activities of the provincial statistical committee, and the role of political exiles and N.A. Spassky in its work. The author emphasizes that zemstvo in the Vyatka Province was of the 'peasant' type and conducted studies of the economic situation of solvent peasants. The author presents the results of the study of the Northern *uyezds* of the province by V.Y. Zavolzhsky, and of the further research of the peasant economy by the first 'head of *zemstvo* statistics' N.N. Romanov, and the role of two scholars in assessing the economic situation of the Vyatka Province population. The article introduces unpublished archival sources on the biography of N.N. Romanov into scientific circulation

Key word: Vyatka Province, 'peasant' *zemstvo*, *zemstvo* statistics, peasant economy, *zemstvo* data, household research, V.Y. Zavolzhsky, N.N. Romanov

- ИСТОРИЯ Blinov N.N. (1877) *Dvizhenie narodonaseleniya v Orlovskom u. Vyatskoy gubernii* [Demographic Processes in the Oryol Uyezd of the Vyatka Province], Vyatka.
- Verkhokamsky E. (1878) *Sovremennoe sostoyanie Vyatskogo kraya* [The current situation in the Vyatka Region]. *Otechestvennye zapiski*, no 9, pp. 19–54.
- Golubev P.A. (1901) *Vyatskoe zemstvo sredi drugikh zemstv Rossii* [Vyatka Zemstvo Among Other Zemstvos of Russia], Vyatka.
- Golubev P.A. (1906) *Organizatsiya zemskikh uchrezhdeniy i obshchy kharakter deyatelnosti ikh v Vyatskoy gubernii* [Organization of zemstvo institutions and the general nature of their activities in the Vyatka Province]. *Kratky obzor deyatelnosti Vyatskogo gubernnskogo zemstva za 35 let (1867–1902 gg.)*, Vyatka, pp. 1–36.
- Guriev A.A. (1906) *Kratkie statisticheskie svedeniya o gubernii* [Brief statistical information on the province]. *Kratky obzor deyatelnosti Vyatskogo gubernnskogo zemstva za 35 let (1867–1902 gg.)*, vyp. 1, Vyatka, pp. 37–86.
- Zavolzhsky V.Ya. (1871) *Issledovanie ekonomicheskogo byta naseleniya severnoy chasti Vyatskoy gub.* [Study of the Economic Everyday Life of Population in the Northern Part of the Vyatka Province], Vyatka.
- Zapiska vyatskogo zemskogo statistika N.N. Romanova ob ekonomicheskoy polozenii naseleniya nekotorykh volostey Yaranskogo uyezda, postradavshikh ot neurozhaya khlebov v leto 1877 g.* [Note by the Vyatka Zemstvo Statistician N.N. Romanov on the Economic Situation of the Population in Some Volosts of the Yaransky Uyezd, Which Were Affected by the Grain Crop Failure in the Summer of 1877] (1878), Vyatka.
- Zemskoe obozrenie* [Zemstvo Review] (1880), *Russkaya mysl*, no 4, pp. 44–80.
- Karavaev V.F. (1902) *Bibliografichesky obzor zemskoy statisticheskoy literatury so vremeni uchrezhdeniya zemstv. 1864–1901 gg.* Vyatskaya guberniya [Bibliographic review of the zemstvo statistical literature since the establishment of zemstvos. 1864–1901. Vyatka Province]. *Trudy IVEO*, no 3, pp. 107–113.
- Kr-ch V.A. (1871) *Kratky ocherk ekonomicheskogo polozeniya selskogo naseleniya Orlovskogo uyezda Vyatskoy gub.* [Brief outline of the economic situation of the rural population in the Oryol uyezd of the Vyatka Province (1871)]. *Delo*, no 3, pp. 115–132.
- Kudryavtseva R. (2015) *Vyatskaya statistika: "Gotovnost k polze obshchey"* [Vyatka statistical data: "Readiness to the common good"]. *Kirovskaya Pravda*, April 14, no 31.
- Luppov P.N. (1958) *Istoriya goroda Vyatki* [History of the City of Vyatka], Kirov.
- Patrushev A.V. (2016) *Vyatskoe zemstvo nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Vyatka Zemstvo Before and During the World War I]. Diss. k.i.n., Yoshkar-Ola.
- Rau K.G. (1867–1868) *Osnovnye nachala finansovoy nauki* [Basic Principles of Financial Science], Saint Petersburg: tip. Maykova, in 2 vols.
- Romanov N. (1875a) *Issledovanie zemskikh raskladok Vyatskoy gubernii* [Study of the Zemstvo Statistical Data on the Vyatka Province], Vyatka.
- Romanov N. (1875b) *Kratkie ocherki uyezdov Vyatskoy gubernii* [Brief Essays on Uyezds of the Vyatka Province], vyp. 1. Uyezdy: Slobodskoy, Glazovskiy, Sarapulskiy i Elabuzhskiy, Vyatka.
- Romanov N. (1876) *Statisticheskoe opisaniye Orlovskogo u. Vyatskoy gubernii* [Statistical Description of the Orlovsky Uyezd of the Vyatka Province], Vyatka.
- Romanov N. (1879) *Statisticheskoe opisaniye Urzhumskogo u. Vyatskoy gubernii* [Statistical Description of the Urzhumsky Uyezd of the Vyatka Province], Vyatka.
- Romanov N. (1880) *Pereselenie krestyan Vyatskoy gubernii* [Resettlement of the Vyatka Province Peasants], Vyatka.
- Romanov N.N. (2004) *Tambovskaya entsiklopediya*. Gl. nauch. red. L.G. Protasov, Tambov.
- Sergeev A.V. (2002) *Knigi v zhizni vyatskogo dukhovenstva poreformennykh let* [Books in the life of the Vyatka clergy in the post-reform years], *Vyatskie zapiski*, vyp. 3, Kirov, pp. 45–51.
- Statistichesky vremennik Rossiyskoy imperii* [Statistical Timebook of the Russian Empire] (1866), Saint Petersburg: TsSK MVD.

Динамика численности трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Красноярского края в эпоху преобразований Н.С. Хрущева¹

Р.В. Павлюкевич, И.А. Васютин

Руслан Витальевич Павлюкевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета. 660012, Красноярск, ул. Семафорная, 189 а. E-mail: autocrator@yandex.ru

Иван Александрович Васютин, магистрант кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета. 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79. E-mail: vasutin-ivan@yandex.ru

В статье анализируется влияние реформ, проведенных под руководством Н.С. Хрущева, на динамику численности трудоспособного населения сельских районов Красноярского края. В рассматриваемый период в Красноярском крае наблюдались две противоречивые тенденции. С одной стороны, под влиянием целинной кампании в край шел приток переселенцев из других регионов Советского Союза. Как отмечают отдельные исследователи, эта волна плановых переселенцев значительно улучшила ситуацию в сельском хозяйстве Красноярского края, позволила частично решить проблему дефицита рабочих рук, которая возникла в результате начала кампании по введению в сельскохозяйственный оборот целинных и залежных земель. С другой стороны, в рассматриваемые годы набирают силу процессы урбанизации. В Красноярском крае руководством страны были запланированы широкомасштабные программы промышленного освоения региона, которые требовали притока трудоспособного населения в города. Главным донором населения для промышленности, как и в других регионах страны, выступало село. По сути, реформы Н.С. Хрущева породили ситуацию, когда, с одной стороны, в село вливались новые силы, и в то же время из него же вытягивалось население в города на промышленные объекты края. Приток нового населения в село не сумел остановить процесс сокращения трудовых ресурсов сельского хозяйства Красноярского края.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, модернизация, сельское население, городское население, Красноярский край, реформы Н.С. Хрущева

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-131-141

Сибирь всегда занимала особое место в экономической системе нашей страны, однако уже с начала русской колонизации региона

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда науки в рамках научного проекта № 19-49-240002.

она превратилась в своеобразную периферию в структуре экономической, социальной и в какой-то степени политической системы Российской империи, а затем и Советского Союза. Это приводило к отставанию Сибири, особенно ее Восточной части от западных регионов страны: большинство изменений в социально-экономических процессах начинались в Сибирь с изрядным запозданием. Промышленный переворот, а затем и индустриализация, произошедшие в центральной части страны с конца XIX по первую половину XX века, начались здесь лишь в годы Великой Отечественной войны. К тому же здесь особенно ярко проявилась специфика «русской модернизации»: большинство изменений происходило в первую очередь по инициативе государства и носило мобилизационный характер. Так, в Красноярском крае значительную часть экономики контролировали режимные организации из лагерной системы СССР.

В годы сталинской индустриализации начался резкий рост числа промышленных работников, а как следствие — сокращение числа занятых в сельском хозяйстве. Сталинская индустриализация подстегнула и ускорила процессы урбанизации в СССР, породив, по мнению ряда исследователей, феномен «ложной урбанизации»: ситуации, при которой рост городского населения не сопровождался формированием городской экономико-культурной среды (Стась, 2017; Гониная, 2009).

В Сибири эти процессы начались позже, в послевоенную и хрущевскую эпоху, когда значительная часть страны уже успела совершить модернизационный рывок. Здесь на первых этапах индустриализация носила ярко выраженный внешний характер: за счет эвакуированных в годы войны промышленных предприятий. Поэтому именно хрущевский период должен был стать этапом модернизационного перехода Красноярского края в индустриальное общество. Данные процессы в регионе совпали с политической борьбой за власть в стране, которую выиграл Н.С. Хрущев.

Его программа, охватывавшая не только промышленность, но и сельское хозяйство, предполагала увеличение производства товаров народного потребления. Хрущев понимал, что вслед за созданной в предыдущие годы мощной индустриальной базой следует повысить уровень жизни населения. В предыдущие годы руководство страны, делая ставку на развитие тяжелой промышленности и ВПК, уделяло гораздо меньше внимания жилищному строительству, пищевой и легкой промышленностям. Впрочем, отметим, что подобных же взглядов придерживался и Г.М. Маленков. Как отмечал Дж. Боффа, любой лидер Советского Союза, пришедший к власти в этот период, неизбежно бы пришел к этому выводу (Боффа, 1990: 483).

В основе своей аграрной политики Н.С. Хрущев, как отмечает И.Е. Зеленин (Зеленин, 2000: 397-401), был вынужден сочетать как экстенсивные, так и интенсивные методы повышения производительности советского сельского хозяйства (одним из централь-

ных лозунгов Н.С. Хрущева стало «догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса и молока за три года» (Свет и тени, 1989: 117). Основным препятствием на пути интенсификации сельского хозяйства, как мы считаем, был кадровый дефицит: Великая Отечественная война отняла множество жизней, а высококвалифицированные кадры направлялись в первую очередь в промышленность.

Центральным элементом сельскохозяйственных преобразований Хрущева стала целинная кампания, в рамках которой предполагалось введение в сельскохозяйственный оборот целинных и залежных земель. Одним из регионов развертывания кампании должна была стать Сибирь: в Красноярском крае планировалось только за период 1955–1956 годов вспахать порядка 300 тыс. га земель (Занданова, 2019: 219). Однако для решения этой задачи в Сибири не хватало собственных трудовых ресурсов, что заставило руководство Красноярского края обратиться к колхозникам других регионов с предложением переселиться в Сибирь. В крае возникла парадоксальная ситуация: целинная кампания, проводимая экстенсивными методами, шла за счет значительного увеличения трудовых ресурсов села, но в то же время программа развития производительных сил Восточной Сибири предполагала такое же значительное увеличение трудовых ресурсов города. Во множестве районов Красноярского края в рассматриваемые годы открывались горнорудные, лесохимические и прочие производства, и село становилось основным источником новой рабочей силы, что накладывалось на естественные процессы урбанизации, наблюдавшиеся в регионе.

В связи именно с этими разнонаправленными процессами мы попытаемся провести анализ динамики численности трудовых ресурсов села и города Красноярского края в годы реформ Н.С. Хрущева, а также определить степень влияния целинной кампании на соотношение трудоспособного населения города и села.

Иркутский историк Л.В. Занданова, изучавшая проблемы миграции в годы целинной кампании, считает, что переселенческая политика позволила эффективно обеспечить село трудовыми ресурсами, сформировав производственный костяк новых целинных совхозов (Занданова, 2019: 231). По ее данным, с середины 1940-х и до 1960-х годов в результате добровольного переселения в село прибыло порядка 135 тыс. семей, или 600 тыс. чел. (в том числе 300 тысяч трудоспособного населения) (Там же: 219). Подобные тенденции действительно имели место в первой половине хрущевских преобразований. Так, по состоянию на 1 января 1954 года численность сельского населения края увеличилась на 16 923 человека, а число хозяйств возросло на 2561 единицу². Увеличение численности произошло преимущественно за счет прибывших жителей. Числен-

2. Государственный архив Красноярского края (ГАРК) Ф. Р. 1300. Оп. 12. Д. 332. Л. 139.

ность колхозников начинает сокращаться в связи с формированием совхозов, а также переходом людей в категорию рабочих (начинаются организованные наборы на новые промышленные объекты края, преимущественно горнорудные и металлургические на юге)³. Кроме того, на сокращение численности повлиял тот факт, что значительная часть бывших работников МТС была вынуждена перейти на работу в город. Отмечались и самовольные переезды части колхозников в Тувинскую область (последнее характерно для Шушенского, Каратузского, Уярского и Балахтинского районов)⁴. Находившаяся южнее Тува привлекала сибирское крестьянство своими климатическими условиями.

В ряде районов края действительно наблюдался рост численности жителей села, который в первую очередь был вызван переездом колхозников из других районов. Что любопытно, значительная часть прибыла из Чувашской АССР⁵, где наблюдалось избыточное по отношению к количеству пригодной земли сельское население.

Но наибольший рост показала численность рабочих и кустарей в Красноярском крае (численность выросла на 26 823 человека)⁶. Это было в первую очередь обусловлено не возникновением новых совхозов, а появлением новых промышленных объектов в сельской местности. Данный факт подтверждается тем, что чаще всего это происходило в Тайшетском, Усть-Абанском, Бейских и Аскизских районах, где формировалась новая база местной горнорудной промышленности. Уже на этот момент данная группа сельского населения в крае начинает выходить на первое место, составив чуть более половины от всего населения. В то же время фиксировался еще один демографический показатель: резкое сокращение числа детей в возрасте от 7 до 12 лет (более чем на 15 тысяч)⁷ — количество, сопоставимое с приростом числа всех сельских жителей.

Через два года ситуация в крае практически не изменилась, за исключением небольшого роста численности колхозников⁸ (это окажется последний зафиксированный государственными органами статистики рост этой группы населения в рассматриваемый период). Он был обусловлен в основном прибытием плановых поселенцев в зону освоения целины и реформой МТС. В то же время во многих традиционных сельскохозяйственных районах Красноярского края (Артемовский, Иланский, Козульский, Бирилюсский и др. районы) шло, напротив, сокращение численности населения и в первую очередь колхозников: они становились рабочими на новых стройках. В ряде других районов наблюдался процесс само-

3. ГАКК Ф.Р. 1300. Оп. 12. Д. 332. Л. 140.

4. Там же.

5. Там же.

6. ГАКК Ф.Р. 1300. Оп. 12. Д. 332. Л. 139.

7. Там же.

8. ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 12. Д. 385. Л. 20.

вольного переезда населения в город. Также именно в 1955 году начинается отток отдельных групп сельхозработников из районов целинной кампании. Нужно заметить, что официальные власти в крае смотрели на эти процессы сквозь пальцы, делая основную ставку на промышленное развитие региона.

Во многом переломным стал 1957 год — Хрущев одержал окончательную политическую победу, которая позволила ему начать свой проект преобразования народного хозяйства страны. Новый план в первую очередь затрагивал промышленность и строительство, произошел переход от отраслевого к территориальному принципу управления ими. В новых условиях сельское хозяйство также во многом управлялось через совнархозы (вновь созданные территориальные органы управления промышленностью и строительством). Руководство совнархозов получало значительные властные полномочия в области планирования и финансирования, от их воли и отношений с местными органами управления зависело взаимодействие города и деревни, промышленности и сельского хозяйства. В Красноярском крае это привело к неоднозначной ситуации: хотя у руководства Красноярского СНХ сложились очень хорошие отношения с крайкомом и местным исполкомом (Павлюкевич, 2016: 49), но в то же время и руководство СНХ, и руководство края полагали промышленное развитие района первоочередной задачей. Местная промышленность остро нуждалась в рабочих руках и специалистах, что не могло не ударить по деревне. К тому же именно к 1957 году стали ощущаться просчеты при проведении целинной кампании.

Так, несмотря на то что число наличных хозяйств в крае снова увеличилось (на 2554 единицы), численность колхозников сократилась на 8473 человека⁹. При этом важно отметить, что одной из основных причин сокращения числа сельских жителей стал процесс реабилитации, начатый XX съездом: часть колхозников получили право покинуть его в связи с освобождением от административной ссылки. Это были так называемые бывшие спецпоселенцы, активно ссылавшиеся в край в сталинскую эпоху, многие из них вернулись обратно в родные края в западные области. Это будет происходить на протяжении практически всего хрущевского периода.

Все это подводит нас к вопросу, что далее происходило с городским и сельским населением и, соответственно, трудовыми ресурсами вплоть до свертывания хрущевских преобразований после 1964 года.

С началом реформы управления промышленностью и строительством сельскохозяйственные преобразования начинают отодвигаться на второй план. Впрочем, это было вызвано и постепенным ухудшением ситуации с поднятием целинных и залежных земель.

Обратим внимание на процессы изменения численности городского и сельского населения (рис. 1).

9. ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 12. Д. 442. Л. 7.

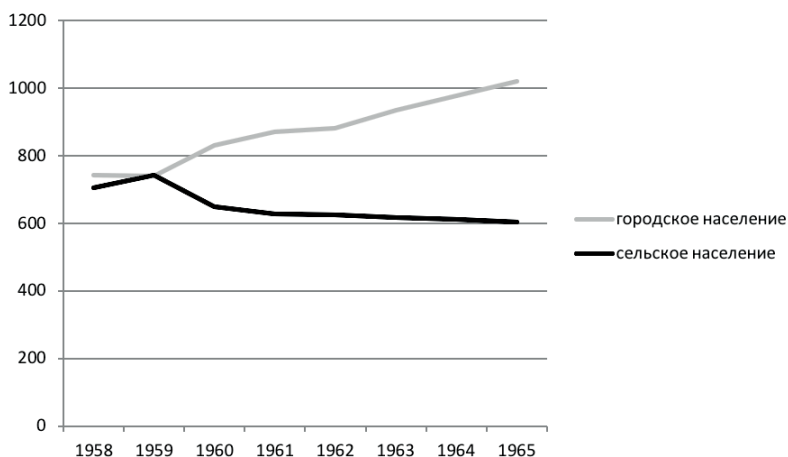

Рис. 1. Общая динамика численности трудовых ресурсов Красноярского края в тыс. чел.

Как видно из приведенной выше диаграммы, численность трудовых ресурсов города уже превысила численность трудовых ресурсов села. Тем не менее продолжался рост сельского населения вплоть до 1959 года. Переломным для края стал 1960 год, когда началось резкое сокращение численности сельчан. В течение одного года численность трудовых ресурсов сократилась практически на сто тысяч человек (94,7 тысячи человек согласно данным красноярского статистического бюро)¹⁰. В то же время численность городских ресурсов выросла на 92,3 тыс. человек. Не следует интерпретировать эти цифры как показатель исхода жителей села, значительная часть населения изменила свой статус вместе с изменением статуса своего поселения: множество населенных пунктов, задействованных в промышленном производстве и находящихся рядом с центрами добычи полезных ископаемых или же в которых было запланировано строительство крупных объектов, переводили в статус городов. Именно в 1960 году Красноярский совнархоз достаточно крепко встал на ноги и сумел сформировать свою долгосрочную программу развития, что вместе с резким сокращением эффекта целины и обусловило эти показатели. В дальнейшие годы тенденции динамики численности трудовых ресурсов в целом сохранялись. Впрочем, сокращение численности сельского населения все же уступало темпам роста городского. Последнее росло не только за счет естественного прироста и переезда сельских жителей края, но и благодаря переезду в край специалистов со всего Союза.

10. ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 12. Д. 490. Л. 7.

*Р.В. Павлюкевич,
И.А. Васютин*
Динамика численности трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Красноярского края в эпоху преобразований
Н.С. Хрущева

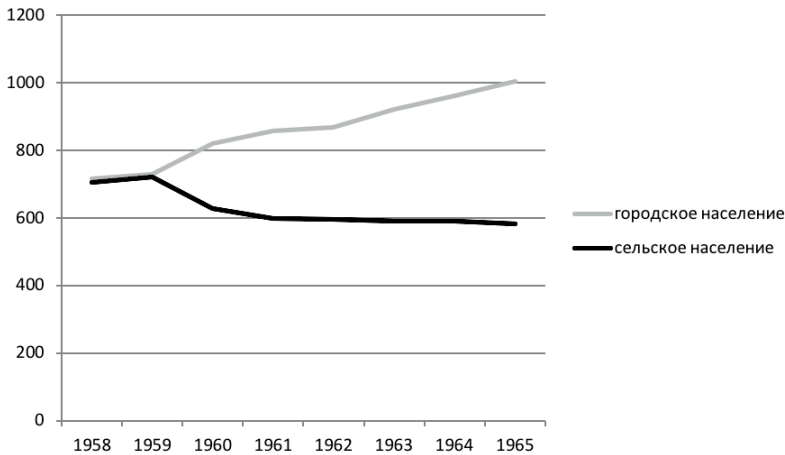

Рис. 2. Динамика изменения трудоспособного населения Красноярского края в тыс. чел.

Динамика изменения численности трудоспособного населения в Красноярском крае в рассматриваемый период практически совпадает с общими процессами в численности населения (рис. 2). С той лишь разницей, что сокращение численности трудоспособных среди сельского населения шло несколько медленнее. Тем не менее именно эти цифры показательны при анализе ситуации в крае. Если на 1958 год доли трудоспособного населения были приблизительно равны, то к 1965 году численность трудоспособного сельского населения была ниже практически на 40% (419,5 тысячи человек), чем городского.

Рис. 3. Работающие старики и дети в тыс. чел.

Единственной категорией трудовых ресурсов (кроме, конечно же, числа колхозников), в которой село обходило город, была численность работающих стариков и детей (рис. 3). Следует отметить, что среди городского населения в рассматриваемые годы наблюдается постепенный медленный рост данной категории (в ней в равной степени представлены как представители старшего, так и младшего поколения). Среди сельских жителей это были преимущественно люди старшего поколения (в разные годы группа превышала аналогичную в городе практически в три раза). Статистика этой группы подвержена серьезным колебаниям: так, пик численности был зафиксирован в 1961 году¹¹, что можно объяснить оттоком активного населения, который произошел в 1960 году, а это, в свою очередь, заставило множество пожилых людей выйти на работу. В любом случае следует отметить, что деревня «начинает стареть».

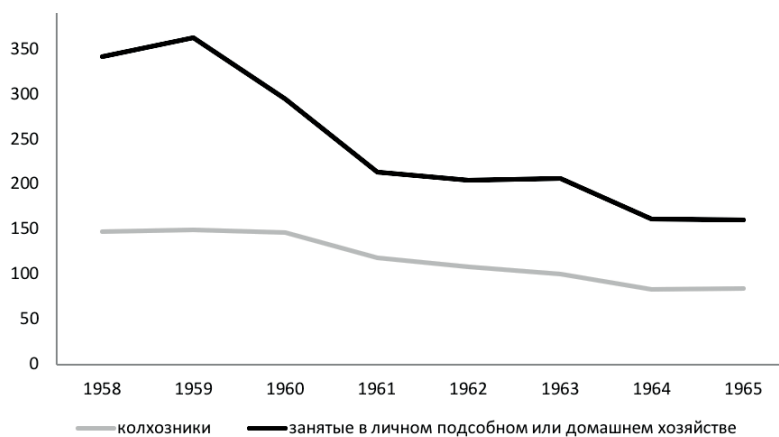

Рис 4. Динамика численности колхозников и занятых в личном подсобном и домашнем хозяйстве в Красноярском крае в тыс. чел.

Достаточно ярко проявилась сельскохозяйственная политика Н.С. Хрущева в сокращении численности колхозников и занятых в личном подсобном или домашнем хозяйстве. Падение численности первых было связано как с общим сокращением трудоспособного населения, так и преобразованием красноярских колхозов в совхозы (работники совхозов проходили в отчетности по категории рабочих и служащих). Гораздо более резким было сокращение второй группы населения. Как известно, в личном подсобном хозяйстве Хрущев видел угрозу сельскохозяйственным преобразованиям. 6 марта 1956 года принимается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного

11. ГАРК. Ф.Р. 1300. Оп. 12. Д. 510. Л. 6.

производства и управлении делами артели», в котором запрещалось увеличивать размер приусадебного участка за счет общественных земель и даже рекомендовалось сокращать его. Здесь же был закреплён принцип ограничения количества скота, находящегося в личной собственности колхозников, «с учетом местных условий».

В то же время за рассматриваемый период достаточно сильно изменились пропорции различных групп и категорий трудовых ресурсов села Красноярского края. Как в 1958, так и в 1965 году наиболее крупными категориями оставались рабочие и служащие, но их доли значительно изменились. Если в 1958 году они составляли лишь 46% от всех трудовых ресурсов, то к 1965 году (всего за семь лет) их доля составила уже 66%¹². Как уже неоднократно упоминалось, это было связано с двумя факторами. Во-первых, переводом множества колхозников в совхозы, и во-вторых, с ростом промышленного производства в Красноярском крае.

Кроме того, за этим семь лет произошло сокращение занятых личным подсобным хозяйством: если на 1958 год колхозники составляли 20% , а занятые в личном хозяйстве 27%, то уже на 1965 год эти категории поменялись местами, значительно сократив свою долю до 13 и 12% соответственно от общей численности трудовых ресурсов Красноярского края¹³. К сожалению, мы не можем сказать, изменилась ли система подсчета данных в рассматриваемый период.

Анализ динамики численности трудовых ресурсов, проведенный на основе данных красноярского статистического бюро, позволяет утверждать, что в рассматриваемые годы в крае происходили процессы урбанизации и сокращения численности трудоспособного сельского населения. В то же время реформы Хрущева и политика планового переселения в годы целинной кампании не смогли остановить депопуляцию Красноярского села. Эффект от переселенческой политики был краткосрочным и не сумел оказать заметного влияния, лишь несколько замедлив происходящие процессы. Аграрная политика в Красноярском крае в годы реформ Хрущева в отношении трудовых ресурсов сельского хозяйства была противоречивой. С одной стороны, руководство края, выполняя распоряжения центральных органов власти, пыталось увеличить количество рабочих рук для осуществления мер по введению в оборот целинных и залежных земель. С другой стороны, в крае формировались все новые промышленные центры, которые следовало обеспечить трудовыми ресурсами, происходил перевод отдельных сел в статус городов, самовольное переселение колхозников в Туву. В результате начатого процесса реабилитации из сел и деревень Красноярского края начался отток бывших спецпоселенцев. В целом мы можем констатировать начало превращения Красноярского края в преимущественно городской регион.

12. ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 12. Д. 45. Л. 26; Д. 565. Л. 3.

13. Там же.

ИСТОРИЯ

- Боффа Дж. (1990). История Советского Союза. М.: Международные отношения. Свет и тени великого десятилетия (1989). Л.: Лениздат.
- Стась И.Н. (2017). Урбанизация самостроя: трущобы в нефтедобывающих районах советской Сибири (1960–1980-е гг.) // Сибирские исторические исследования. № 2.
- Гонина Н.В. (2009). Урбанизация в Восточной Сибири во второй половине XX в. — «псевдообразование» или объективный процесс? // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск. С. 356–359
- Зеленин И.Е. (2000). Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН.
- Занданова Л.В. (2019). Реализация планов развития сельского хозяйства Сибири и переселенческое движение во второй половине 1950-х гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. № 1.
- Павлюкевич Р.В. (2016). Создание и развитие Красноярского Совнархоза (1957–1965 гг.). Красноярск.

Dynamics of the number of labor resources in the Krasnoyarsk Region agriculture under N.S. Khrushchev's transformations

Ruslan V. Pavlyukevich, PhD (History), Associate Professor, Department of History and Political Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University. 660012, Krasnoyarsk, Semaphornaya St., 189a. E-mail: autocrator@yandex.ru.

Ivan A. Vasyutin, Master's Student, Department of General History, Siberian Federal University. 660041, Krasnoyarsk, Svobodny Pr., 79. E-mail: vasyutin-ivan@yandex.ru.

The article considers the impact of Khrushchev's reforms on the dynamics of the number of the able-bodied population in rural areas of the Krasnoyarsk Region. During the period under consideration, there were two contradictory trends in the Krasnoyarsk Region. On the one hand, under the virgin-land campaign, there was an inflow of immigrants from other regions of the Soviet Union. According to some researchers, this planned wave of immigrants significantly improved the situation in the Krasnoyarsk Region agriculture and partially solved the problem of shortage of workers, which was determined by the campaign for the introduction of virgin and fallow lands into agricultural circulation. On the other hand, urbanization continued, including the large-scale industrial development of the region, which needed an inflow of the able-bodied population to its cities. As in other regions of the country, the main donor of the able-bodied population for the industry was the village. Thus, Khrushchev's transformations determined a paradoxical situation: the village was receiving new labor resources and at the same time was losing population that moved to the cities with the industrial facilities. The inflow of new population into the village could not compensate for the loss of labor resources in agriculture.

Key words: labor resources, modernization, rural population, urban population, Krasnoyarsk Region, N.S. Khrushchev's reforms

References

- Boffa G. (1990) *Istoriya Sovetskogo Soyuz*a [The History of the Soviet Union], Moscow: Mezh-dunarodnye otnosheniya.

- Svet i teni velikogo desyatiletiya [Lights and Shadows of the Great Decade] (1989), Leningrad: Lenizdat.
- Stas I.N. (2017) Urbanizatsiya samostroya: trushchoby v neftedobyvayushchih rajonah sovet-skoj Sibiri (1960–1980-e gg.) [Urbanization of squatter settlements: Slums in the oil-producing regions of Soviet Siberia (1960–1980s)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no 2.
- Gonina N.V. (2009) Urbanizatsiya v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XX v. — “psevdojavlenie” ili ob`ektivny process? [Urbanization in Eastern Siberia in the second half of the 20th century — ‘pseudo-phenomenon’ or an objective process?]. *Irkutsky istoriko-ekonomichesky ezhegodnik*, Irkutsk, pp. 356–359.
- Zelenin I.E. (2004) Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i selskoe hozyajstvo [Agrarian policy of N.S. Khrushchev and agriculture]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. 1997–1998 gg.*, vyp. 2, otv. red. A.N. Sakharov, Moscow: IRI RAN.
- Zandanova L.V. (2019) Realizatsiya planov razvitiya selskogo khozyajstva Sibiri i pereselencheskoe dvizhenie vo vtoroj polovine 1950 gg. [Implementation of the plans for the development of agriculture in Siberia and the resettlement movement in the second half of the 1950s.]. *Sotsialno-ekonomichesky i gumanitarny zhurnal Krasnoyarskogo GAU*, no 1.
- Pavlyukevich R.V. (2016) Sozdanie i razvitie Krasnoyarskogo Sovnarkhoza (1957–1965 gg.) [Creation and Development of the Krasnoyarsk Economic Council (1957–1965)], Krasnoyarsk.

*Р.В. Павлюкевич,
И.А. Васютин*
Динамика численности трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Красноярского края в эпоху преобразований
Н.С. Хрущева

«Последний поклон» В.П. Астафьева и основы крестьянского мира

В.В. Зверев

Василий Васильевич Зверев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук. 117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: v.v.zverev@bk.ru

В эссе в качестве исторического источника существования крестьянского мира анализируется повесть В.П. Астафьева «Последний поклон». Рассматриваются такие базовые категории жизнедеятельности, как традиционная семья, родственные связи, труд, воспитание подрастающего поколения, отношение к природе, понятия стыда, совести, долга. На основе литературно-художественного материала автор приходит к выводу о том, что крестьянское мировоззрение формировалось в результате тесного взаимодействия с природой, которое диктовало бережное отношение к окружающей среде: лесу, полю, реке, животному миру, вырабатывало такие качества, как умеренность в потреблении природных ресурсов, рачительность, предусмотрительность, заботу о будущем. Знание, понимание природы сказывались и на характере труда, который не преследовал задачи обогащения, а был направлен на обеспечение достатка семьи. Сельский житель в России, как и во всем мире, не был стяжателем, а его общественным идеалом был трудолюбивый и трезвый крестьянин-середняк. На выработку и сохранение этих качеств были ориентированы система воспитания и социальное устройство деревни (община). Общинная организация в первую очередь была призвана не допустить возникновения и катастрофических последствий таких бед, как неурожай, голод, наводнение, пожар. Многовековая история жизни в природе и с природой культивировала взаимопомощь, взаимоподдержку, призрение больных, убогих, пострадавших. Автор приходит к выводу, что такое мироустройство являлось фундаментом, на котором строилось в прошлом единство социума, влиявшее в свою очередь на силу и мощь российского государства.

Ключевые слова: крестьянин и город, феномен «деревенщиков», традиционная семья, человек и природная среда, родственные связи, труд, стыд, совесть, долг, русская община, детство и деревенская улица

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-142-161

(Не)нужное обоснование

У великой русской литературы, подобно высокой горной гряде, много недостижимых творческих вершин. Имена гениев приводят в восторг и трепет: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и многие, многие другие... Однако мощь и величие творца проявляются по-разному, своеобразно и своенравно. За кем-то признание закрепляется сразу и навсегда, кого-то не за-

мечают современники и «открывают» потомки. Кто-то «вплетен» в современность, кто-то опережает ее, а кто-то поднимается над ней. Всякое бывает. Многие проверяет время и многое проверяется временем. Ну а в помощь ему всегда существуют служители литературы — критики и литературоведы, которые объяснят непонятое, растолкуют значимое, укажут на великое. В противном случае чем еще может быть оправдано существование их профессии? Соревноваться с ними на этом поприще историкам — занятие неблагодарное и заранее проигрышное. К тому же интересуют в литературном творчестве историков, в отличие от их коллег по гуманитарному цеху, как правило, иные вопросы, которые они и стремятся задать неподатливому и своенравному художественному тексту.

Тем не менее любой текст принадлежит к категории письменного источника, который в той или иной мере характеризует написавшего его автора, эпоху, в которой он жил, проблемы, которые его волновали. Творец запечатлевается во времени, как и время формирует творца. Вечный и противоречивый процесс взаимодействия объекта и субъекта прошлого, противостояния желаемого и возможного, реального и вымышленного. Здесь всегда важна тема, которая единит историка и литератора, заставляет через художественное осмысление выйти на вопросы, подталкивающие к изучению, может быть, и не прямыми совпадениями точек зрения, а эмоциональным откликом на созданный образ, сопереживанием и сочувствием к прочитанному.

Такие размышления одолевали автора статьи при попытке обоснования пресловутой актуальности обращения к творчеству В.П. Астафьева. Должен признаться, что желание пойти на риск подобного эксперимента преследовало меня давно, и я делал даже кое-какие наброски. Но недоставало общей идеи, которая могла бы объединить разрозненные наблюдения, в чем-то, может, и правильные, но не складывавшиеся в единую картину. Так продолжалось до тех пор, пока не пришло ощущение необходимости рассмотреть повесть «Последний поклон» в качестве источника, характеризующего основы крестьянского мира, да и крестьянства в целом.

Сразу же оговорюсь, что это произведение для меня — любимое в творчестве Виктора Петровича. Нисколько не преуменьшая значимости таких работ, как «Пастух и пастушка», «Царь-рыба» и другие, «Последний поклон» «взял в полон» целиком и сразу своей незащищенной откровенностью, исповедальностью, тысячей мелочей сельского быта, которые были знакомы с детства и мне, тоже выросшему на селе, правда, в совершенно других местах и вдалеке от малой родины писателя.

Был еще один важный момент, который я, прочтя «Последний поклон» во второй половине 1970-х годов, и не вполне понимал, но который в дальнейшем становился все более важным — осознание связанности с прошлым своего рода, необходимости понять те скрепы, которые соединяли предков в единую общность под названием народ,

определяли его жизнь, нравственные нормы поведения, характер труда, отношение к власти. Наверное, это можно назвать модным сегодня выражением «генетическая память», но проще и вернее — пониманием принадлежности к крестьянскому миру, определявшему жизнь и существование страны на протяжении веков. Россия всегда держалась мужиком, в мирные годы растившим хлеб и воспитывавшим ее будущее — детей, а в военное лихолетье — «боронившим» людей от нагрянувшего супостата ценой собственной жизни.

Думается, подобные мысли были свойственны многим в семидесятые годы прошлого века, эпоху так называемого «застоя». Обращение к собственным корням искали в сочинениях Ф.А. Абрамова, В.И. Белова, В.Г. Распутина и В.П. Астафьева, авторов, получивших далеко не точное и весьма уязвимое наименование «деревенщики».

Феномен «деревенщиков»

Живейший интерес читателей к их творчеству, на мой взгляд, был предопределен многими причинами. Можно, конечно, по давней научной традиции разделить их на объективные и субъективные, но думается, что применительно к литературному творчеству такой подход вряд ли позволит достигнуть искомый результат. В данном вопросе требуется оперировать несколько иными категориями, затрагивающими мировидение подавляющей части страны. Тем не менее некоторые моменты представляются вполне очевидными и не требующими особых доказательств.

Переход России на индустриальную стадию развития выбросил в город гигантское количество сельских жителей. В начале 1960-х годов процент городского населения впервые стал превышать численность сельчан. Город — шумный, торопливый, взвинченный и нервный — поглотил эту массу, даже не заметив присущего вновь прибывшим душевного настроя и не дав им времени для приспособления к новым условиям. А слом так ненавидимого записными марксистами «идиотизма деревенской жизни», с корнем вырвавший людей из традиционного быта, был отнюдь не безобидным. Менялось все — от ритма труда и существования до межличностных и семейных отношений, родственных связей, моральных устоев. И хотя удару городской стихии подверглась наиболее молодая, а значит, и самая мобильная часть населения с достаточно гибкой психикой, удар этот был жесток и коварен.

В город стремились уйти по-разному и с разными целями. Кто-то гнался за длинным рублем и сладкой жизнью (были и такие). Кто-то хотел вырваться из беспросветного колхозно-совхозного существования. Кто-то уезжал на учебу и оседал «на постоянное место жительства». Но у всех, хотя признавались в этом далеко не все, саднило чувство затерянности и потерянности в городских просторах одиночества. Правда, «на выручку» приходил хорошо

апробированный способ «компанейства», который, как все лекарства, был горьким и не всегда полезным. В малых количествах потребление традиционного русского напитка еще играло роль компенсатора непринужденного сельского бытия. А в больших — завей горе веревочкой — корежило, калечило психику, и порой работающим, честным парням не хватало жизни, чтобы понять простую истину, издавна известную русскому мужику: пьянство — это не выход, а вход в жизненный тупик.

Деревня не отпускала. Даже если новая жизнь и переставала казаться чужой, она была иной. Оставалась тяга к земле, тяга к оставленным близким, требовался «выплеск» нерастраченных сил, ненужных новым условиям существования умений и навыков. По складу характера страна по-прежнему оставалась крестьянской. Менялся уклад жизни, но не психология. Многоэтажная среда обитания станет привычной только для следующего поколения, детей выходцев из деревни.

А новоиспеченные городские жители, напротив, пытались вырваться «на волю» из духоты бетонных однотипных построек. «Отдушиной» для мужчин становились и пресловутые шесть соток, и коротание вечеров с такими же сотоварищами-автолюбителями, и другие «заменители» житейской активности. Женская половина могла часами общаться по телефону, имитируя сельские посиделки на завалинках весенним или летним вечером (этим способом активно, кстати, пользуется современное телевидение, тиражируя разные ток-шоу). Но, откровенно говоря, все это слабо компенсировало утраченное. Пустота заполнялась и ностальгией — воспоминанием о несостоявшемся счастье.

В ностальгии всегда присутствует идеализация. Вспоминается не реальность, а идеал, лучшие черты прошлого, которые становятся основой эталона, в котором запечатлевается и тоска по ушедшему детству, юности, и воспоминания о родных, близких, и осознание вины за прегрешения перед ними, за вольные и невольные обиды, — многое, подернутое романтической поволокой ушедшего. Немаловажно и то, что в прошлом пытались найти жизненную опору, соотнести моральные ценности, закрепленные в памяти, с реалиями современности. И от этого сравнения новые жизненные устои вряд ли выигрывали.

Думается, что внутренняя неустроенность, растерянность и потеряность бывших деревенских жителей как раз и перекликалась с миром литературным, созданным писателем, таким же сельчанином по рождению. Его произведения, бывшие одновременно и плодом фантазии, и реконструкцией минувшего, подкреплялись и усиливались при чтении собственными житейскими наблюдениями и приобретенным опытом.

Правда, для установления «вольтовой дуги» взаимопонимания между писателем и читателем одной ностальгии еще недостаточно. Конечно, любовь и свет, идущие из прошлого, согревают. Но для

того, чтобы каждый находил только ему созвучное и близкое в литературном сочинении, чтобы написанные слова вступали в резонанс с душевным настроением, необходим масштаб личности и талант автора. Немало зависит и от избранной формы повествования.

Форма и содержание. Наиболее приемлемый способ общения — рассказ. Но этот жанр далеко не прост. Стиль и интонация общения от первого лица сближают. Литературная реальность воспринимается как свидетельство прошлого, как беллетризованное воспоминание. В рассказе нет хитросплетений нескольких сюжетных линий романа. Читатель не сомневается в достоверности («такое могло случиться и со мной»). А это порождает доверительность, которая только крепнет при искренности повествования. Чтение такого рассказа сродни неторопливой беседе со старым товарищем, где и не нужно много слов, все понимается через ассоциации, прочитанная фраза находит продолжение. Читатель будто становится соавтором. Но, не дай бог, хотя бы немного оступиться и сбиться на занудливую назидательность, натужную субъективность или выпячивание собственной персоны. Такое не прощается.

Астафьев прекрасно понимал сложности рассказа, и рассказ стал его излюбленной формой повествования. Собственно, и «Последний поклон» — это повесть, состоящая из отдельных рассказов. Они дополняют друг друга, полнятся событиями из жизни одних и тех же героев, к которым добавляются новые лица, но связанные родством, соседством, знакомством, что и характерно для каждодневного существования сельского жителя.

Да и само понимание писательского ремесла у Астафьева сродни тяжелой мужицкой работе — до пота, до боли в хребтине, каждодневная, изнуряющая, без претензии на красоту, броскость, вычурность. Это понимание труда сравнимо с разговорным «пахать», «горбатиться». Астафьев сознательно избегал возвышенных определений «творчество», «созидание» и т.п. Писал он просто и емко, без околотитературной зауми. Его собственное осознание писательства однозначно ассоциировалось с возделыванием нивы, на которой уже трудились такие титаны, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь. Далекое не случайным было и его определение своих мелких литературных заметок — «затеси» — на манер отметин топором на деревьях в лесу.

Астафьев подчеркивал, что он приставлен к труду, который требует полной отдачи, чтобы не было стыдно за сделанное. Это труд, за которым стоит неуклонное совершенствование, корпение над словом, строкой, отделкой фразы до звона и моментального узнавания по манере письма из сотен других авторов. Только тогда ремесленник превращается в мастера.

Астафьев — писатель не современный. Не современный в том смысле, что не писал о сиюминутном, быстро преходящем, именуемом актуальным, порой превращающемся у некоторых литераторов в конъюнктуру. У Астафьева прошлое, напротив, врывалось

в современность и оставалось там не ламентациями об утерянном рае, а тихим счастьем детской любви, горечи раннего сиротства, мудрым пониманием пережитого и желанием сохранить лучшее из прошлого.

В.В. Зверев
«Последний
поклон»
В.П. Астафьева
и основы крестьян-
ского мира

Семья

А лучшее в воспоминаниях писателя — жизнь с бабушкой и бабушкой. Рано лишившись матери, при беспутном и вечно пропадающем незнакомом отце (в действительности побывал он во многих местах, в том числе и на Беломоро-Балтийском канале), жил, подрастал и набирался ума Витя Астафьев у бабушки и бабушки с материнской стороны. И хотя напрямую нигде в «Последнем поклоне» об этом не говорится, но все содержание повести свидетельствует о том, что всем лучшим в жизни он был обязан им. Потому так проникновенно звучат его слова об ушедшем детстве: «Неужели было это “когда-то”? Деревня, русская добрая печка, связка луковиц по стенам, запах вареной картошки и закисающей капусты, с кути дух горячего хлеба, бабушка Катерина Петровна, дедушка Илья Евграфович, займка на Усть-Мане, весна, ярко цветущая луковка в горшочке, новые штаны, лохматый Шарик, кошка-семиковрижница, дядя Левонтий, деревенские, бойкие в лесу и на реке парнишки...

Где все это? Где? Если и было, то у другого какого-то человека, вруши-хохотушки, на язык бойкого, в играх и спорах заядлого...» (Астафьев, 1978: 397).

Но рисовал в повести Астафьев отнюдь не идеальную, а правильную по крестьянским понятиям семью. Хотя попервоначалу и кажется, что не могло быть более разных людей, чем дедушка и бабушка. Дед степенен, основателен, «...размеренный шаг, несуетливый, крестьянский...», «и говорит он пять или десять слов за день». Но сразу видно — хозяин, который ничего просто так без расчета не делает, у которого всякому инструменту предназначено свое место. «Дед самый надежный в этом доме человек». Знает он твердо с молодых ногтей, что криком избу не построишь, а потому «дедушка никогда и ни на кого не шумел, работал неторопливо, но очень уместно и податливо» (Астафьев, 1978: 84, 49, 40, 61).

Бабушка не менее, но по-женски, хозяйственна. К тому же «...многие травы и цветки целебные знает, собирает их на зиму. И знает их не только по названиям, но и по запахам, и по цвету, и какую траву от какой болезни пользуют, доктора у нас на селе нету, так ходят к бабушке лечиться от живота, от простуды, от сердца. Вот только ей самой некогда болезни свои лечить» (Астафьев, 1978: 47).

В отличие от деда, она, напротив, речиста, с ней не поспоришь, недаром получила у ближайших родственников прозвище «генерал». В работе горяча, в жизни бывает нетерпелива и излишне требовательна. Это касалось всех — и старых, и малых. «Бабушка не раз говаривала, что ребят своих держала строго, даже из-

лишне строго, зато имеет результат. Она и посейчас еще напускала на себя суровость, чтоб сыны ее и дочери — а иные из них уже и сами деды! — не забывали, кто она и что она. “Робята” охотно доставляли ей удовольствие властвовать над ними и гнету не испытывали, попавши под эту, как бы и невзаправдашнюю, кратковременную власть» (Астафьев, 1978: 208).

Правда, случалось это далеко не всегда. Вечное желание бабушки тревожить своими решительными действиями детей в супружестве находили и отпор. «Управившись с делами, бабушка брала багот, — писал Астафьев, — ...и следовала по селу, проведать своих многочисленных родичей, нужно где чего указать, где в дела вмешаться, кого похвалить, кого побранить. В одном доме промолчат, в другом огрызнутся, в третьем, глядишь, и отпушат бабушку, генералом обзовут. Часто прибывала она с причитаниями домой, клялась, что ноги ее не будет до скончания века в таком-то доме, у таких-то и таких-то дочерей и зятьев.

— Отгостевала! — бурчал дедушка» (Астафьев, 1978: 157).

Однако случалось, что под горячую руку бабушки попадал и дед. И была она в этом случае далеко не исключением, а скорее подтверждением общего правила, когда, по наблюдениям Астафьева, «...бабы и в первую очередь старухи, а от них и молодухи отставать не хотят — все чепляют, чепляют друг дружку, в особенности мужика. Ровно бы мужик это — враг кровный и всегда поперек ее дороги лежит». Хотя, с другой стороны, «...да какая ж она была бы жена, если бы не кособочилась, не позволяла себе кураж, не давала остратки мужу» (Астафьев, 1978: 211, 318).

Укоряла бабушка деда за разные прегрешения. Скажем, за отсутствие религиозного чувства. Сама-то она, искренне веровавшая, упрекала его, что «...крестится он для блезиру — перед едой, чтоб не подавиться, да перед севом и сенокосом, чтоб удача была...» (Астафьев, 1978: 154).

Но это было еще ничего, поскольку дедушка оказывался в числе многих, поддавшихся «тлетворному» атеистическому влиянию города. Неприятие бабушкой города выражалось в проклятиях и предсказаниях. «Бабушка кляла городское поветрие, стращала людей тем, что будут по небу летать железные птицы и огненные змии, что льдом и холодом покроется земля, что сказано в каком-то писании, которого она не читала и читать не могла, потому как грамоты совсем не знала» (Астафьев, 1978: 152).

И относился дед к этому ворчанию с чувством юмора, следующим образом комментируя «осерчалость» жены на него и на окружающий мир: «Сердилась старуха три года на мир, а мир того не заметил» (Астафьев, 1978: 155).

Но, в общем, бабушка меру знала и за грань не переходила. Особенно это касалось тех случаев, когда позволял дед себе согревающее и веселящее известное русское средство. «Никогда деда вдрызг пьяным не видели, и определить, сколько он выпил и в какой про-

порции находится, никто не мог. На всякий случай надо было подождать, когда он проспится. Что и делала бабушка, блюдя осторожность и выдержку» (Астафьев, 1978: 197).

Случались, однако, и переборы в бабушкиных бдениях. «Чаще всего бабушка сама же и доводила мужиков до бунта, взбаламутив и без того беспокойное течение жизни в доме наскоками, подозрениями, излишним подчеркиванием собственных стараний в хлопотах и труде» (Астафьев, 1978: 196). Ну что здесь скажешь? Всякое бывает в семье. На то она и семья, так сказать, ячейка общества. Да и каждый мужик знает, что даны нам жены за грехи наши. Правда, одолевает порой каверзный вопрос: где же я столько нагрешить успел?

Единили семью труд, ответственность за детей и внуков. Труд в рассказах Астафьева обязателен, каждодневен и... неприметен, как сама крестьянская жизнь: суетится ли бабушка, «по-генеральски» наводя порядок в доме, ворча на мужа, покрикивая на дочерей и сыновей, дает ли им наглядный урок при уборке хлеба, быстро связывая 2–3 снопа, мерно ли трудится дед, исполняя накопившиеся за день дела, все это — черты обязательной занятости.

Астафьев проникновенно точен в своих описаниях. Крестьяне генетически запрограммированы на труд. Они просто не могут без него существовать («скучен день до вечера, коли делать нечего»). Без труда не выжить в противостоянии с природой, возможным недородом и (не дай бог) голодом¹, без труда невозможно остаться полноценным членом крестьянского общества, невозможно остаться человеком. При этом каждый из крестьян выполняет свою работу по-своему. Кто-то трудится весело и непринужденно, будто песню поет, кто-то, напротив, — упрямо и надсадно, осознавая, что выполняет свой долг перед «обществом», семьей и Богом.

Крестьянский труд — и обязанность, и испытание человека, и тяжелая ноша, изнуряющая его тело. Жалуется бабушка своему любимому внуку: «Надсаженная я, батюшка, изработанная. С малых лет в работе, в труде все. У тяти и у мамы семая была да своих десятину подняла... Это легко только сказать. А вырастить». А потому, рассказывает она, «болят ночами рученьки мои, потому как не жалела я их никогда...» (Астафьев, 1978: 79, 174).

Но только не бывает никогда труд наказанием. Как пишет Астафьев, выходило по бабушкиным рассказам так, что «...радостей в ее жизни было куда больше, чем невзгод. Дети родились — радость. Болели дети, но она их травками да кореньями спасала, и ни один не помер — тоже радость. Обновка себе или детям — ра-

1. Характерен передаваемый Астафьевым монолог бабушки: «Бабушка облегченно бросала крестики на грудь, шептала: “Слава тебе Господи, слава тебе Господи! Теперь перезимует. Картошек накопили дивно — и себе и на продажу хватит. Кольче катанки справим, самому полшубчикско бы надо. Витьке тоже чего-нито из одежки бы прикупить. Дерет, явилу бы его, пластат все...”» (Астафьев, 1978: 177–178).

дость. Урожай на хлеб — радость. Рыбалка была добычливой — радость. Руку однажды выставила себе на пашне, сама же вправила, страда как раз была, хлеб убирала, одной рукой жала и косоручкой не сделалась — это ли не радость?» (Астафьев, 1978: 79).

И здесь не могу не сделать отступление, чтобы высказать *собственное понимание крестьянского труда*. Невозможно представить крестьянина без труда, без того, что Л.Н. Толстой называл «постоянным думаньем о земле». Для него работа на земле и с землей — необходимый элемент физического существования и семейной жизни. Жизнь, труд, семья слиты вместе и неотделимы друг от друга.

Высшее мерило достоинство мужика — исправный хозяин. Только при этом условии он уважаем среди односельчан, к его мнению прислушиваются, его умения и навыки ценятся. И все потому, что занимается он самым важным и нужным на земле делом — он хлеб растит и людей кормит. И пусть от такого труда не разбогатеешь («от сохи не будешь богат, а будешь горбат»), но без него не выживет человеческий род. От труда происходит и высшая похвала крестьянина — труженик.

Два смертных греха для сельчанина — лень и пьянство. Уроduct они человека, превращают в «палого селянина», какому нет веры и прощения, поскольку нарушается им главная заповедь². Не дай бог отучиться и отлучиться от крестьянского труда, потянуться за длинным рублем. Пропавшее это дело. Где легкость в труде, там

2. Не могу не высказаться об обвинениях в пресловутой лени русского крестьянина и его пьянстве. Наговор это. Долго искал, что называется, откуда «ноги растут». И, кажется, нашел. Писать о лени начали русские помещики в XVIII в., а вторили им иностранцы. Понять и тех, и других можно. Первые пытались оправдать свою бесхозяйственность и непомерные траты отсутствием радения и любви к труду своих крепостных. Дескать, плох работник, потому и доход невелик. А иноземцам был непривычен рваный ритм работы, отличный от размеренной сосредоточенности западноевропейского крестьянина. Там действительно не было такой штурмовщины при уборке зерновых («страда»), как, впрочем, не было и такого периода релаксации осенью и зимой.

Что же касается потребления горячительных напитков, то замечания об этом пестрят во всех записках иностранцев о России с ранних времен. Да чего там иностранцы, еще Владимир Святой сказал по этому поводу: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Так что, кажется, вредная национальная привычка присуща нам с незапамятных времен. Так-то, да не так. Видели иноземцы пристрастие к алкоголю, ставшему неким молодечеством (кто кого перепьет), преимущественно у представителей русской аристократии, с которыми чаще всего и общались. А не напиток гостя допьяна по обычаю считалось неприличным. В то же время русский крестьянин мог себе позволить спиртное только по великим церковным праздникам, которых в православном календаре было не так и много. Это, конечно, не исключает того, что выпить (и скажем честно, выпить немало) русский крестьянин мог. Но непробудного пьянства, как утверждают некоторые обличители негативных русских черт, в русской деревне не было. Это претило этике труда в поле и огороде. Прав был Н.А. Некрасов, говоря о мужике: «Он до смерти работает, до полусмерти пьет».

и гибельный досуг, который ничем не заполняется. Так и не заметит человек, как выпадет из общей цепи существования или, еще хуже того, — отринет производящий труд, станет торгашом, обиралой. Тогда — пиши пропало.

Важен еще один момент в крестьянской самооценке. То, что живет человек трудом рук своих, а значит, независим и самостоятелен, по крайней мере, в хозяйственной деятельности. Он — хозяин, идеалом которого является среднее положение, середняк: «Он не беден, не богат, полна горница ребят, все по лавочкам сидят, кашу маслену едят». Хотя, сказать честно, не всегда «кашу маслену» едали, но в большинстве случаев жили ровно и дружно.

В основе середняцкого хозяйства лежала разумная достаточность. Как говаривал один сибирский крестьянин, наставляя сына, «судьба нашенска известна. Живи своим..., но и мирским умом. Честь знай, соседа не заедай. Ты так перед миром: вперед шибко не забегай, сзади не отставай, но и в середке, мил человек, не мешайся. Учись добру, худое на ум не придет, не омрачит, нутру сохнуть не даст. Человеческая натурашка, она таковска: и тут бы нам найти, и там не потерять. Ты на чужое не зарься, свое береги. Помни: честным трудом шибко-то не разбогатеешь, но сыт всегда будешь — и слава богу!» (Еремеев, 1990: 20).

Достаток (досыта), а не богатство являлось солью крестьянского труда. А само богатство воспринималось не как Божья благодать, а как испытание. Важно не только, как человек приобретает сверхтребуемое, но и как им распоряжается, помогает ли нуждающимся, заботится ли о ближних, готов ли призреть сирот и т.п. Богатых и жадных деревня, мягко говоря, не очень жаловала («Богатым черти деньги куют», «Пусти душу в ад — будешь богат»).

В такой системе ценностей есть место чести, стыду и совести.

Стыд и совесть. Не было у старых людей еще моего детства большего порицания человека, чем слова «без стыда и совести». Не было большего укора, от которого не знали, куда глаза прятать. Жгли они душу и заставляли пламенеть щеки.

Произносились эти слова тогда, когда нарушались общепринятые нормы поведения, когда переступал человек наставления и заветы. Вспоминал Астафьев в «Последнем поклоне», как попытался он однажды по наущению соседского парнишки и извечного своего соперника (и почти врага) по уличным играм Саньки обмануть бабушку и принести ей едва наполовину наполненный туесок с лесной земляникой, снизу набитый травой. Обман, естественно, был обнаружен со всеми вытекающими из этого факта последствиями: «И срамила меня бабушка! И обличала же! Только теперь, поняв до конца, в какую бездонную пропасть ввергло меня плутовство и на какую “кривую дорожку” оно меня еще уведет, коли я так рано взялся шаромыжничать, коли за лихим людом потянулся на разбой, я уже заревел не просто раскаиваясь, а испугавшись, что пропал, что ни прощенья, ни возврата нету...» (Астафьев, 1978: 68).

В.В. Зверев

«Последний поклон»

В.П. Астафьева

и основы крестьянского мира

И вроде бы просты и незамысловаты бабушкины наставления. Но были они наполнены жизненным опытом и проверены жизнью, а потому важны и застывали в детской памяти ее присловья навечно: «Где наглость и похабство, там подлость и рабство», «счастье пучит, беда крючит». И главное в отношениях с людьми: «Почитай людей-то, почитай! От них добро! Злодеев на свете щепотка, да и злодеи невинными детишками родились, да середь свиней расти им выпало, они свиньями и оборотились...» (Астафьев, 1978: 245, 397, 251).

Не могу в этом месте не высказать свое мнение еще об одной наряде с семьей хранительнице традиций крестьянского мира. Речь пойдет о русской общине, нелюбимом и бедном дитя русского либерализма. Нелюбимом, поскольку, хотя и признавали либералы факт ее существования, но считали, что мешала она формированию индивидуализма у «непросвещенного» крестьянина, застила ему взгляд на «прогрессивный» социум. Ну а бедное по простой причине: бедно жил крестьянин и сам в этом был виноват. Уж, казалось, чего проще — раздели землю — хозяйствуй, как хочешь, ни от кого не зависи. Но это та простота, что хуже воровства.

Община и вправду — инструмент, непригодный для интенсивного развития хозяйства, но совершенно необходимый для самосохранения, самовывживания в природе и обеспечения мира в крестьянской среде. По присловию: худой мир лучше доброй ссоры. Лучше договориться, как вести хозяйство, как делить землю на паи, чем враждовать друг с другом (а несогласных можно и приневолить), лучше оберечься от голода, чем его испытать.

Потому и перестраховывался крестьянин. Считая землю ничьей, а значит, Божьей, свято верил, что должна она принадлежать тем, кто ее обряжает (слово-то какое хорошее), и делил земельные участки по количеству работников. Делалось все это с дальним прицелом — дать жизнь новым поколениям, обеспечить спокойную старость людям преклонного возраста. Надеялись землепашцы в случае напасти сложить вместе разрозненные силы и помочь пострадавшему соседу в беде: сжать жито, поставить на месте пепелища новую избу и т. д., и т. п. Да и в случае внешней опасности сподручней защищаться сообща.

При этом чужд был русский крестьянин пресловутому коллективизму. Объединяла и сплачивала его в единый организм только неминуемая опасность. А так он был абсолютно самостоятелен в своей жизни и работе. Он привык быть таким и в поле, и на подворье, и в избе, и на миру. Независимость проявлял и во мнениях, и в решениях, и в поступках. Советом дорожил, но чужого, тем более насильственного, вмешательства не терпел.

При этом подчинялся общинным порядкам, уступал частично свои права. Относилось это и к поднятой им самостоятельно «целине», которая должна была при очередном разделе земли перейти в общий земельный фонд. Добровольно соглашался и на круговую поруку, беря на себя ответственность за поведение других односельчан. Тем

самым он признавал неписанные правила поведения, которым следовали его предки и которыми должен был руководствоваться он.

Этические нормы труда и поведения, хранительницей которых была община, определяли еще один важный элемент существования — понимание возможности благосостояния не отдельного хозяина, а крестьянского сообщества, как отдельной общины, так и крестьянского мира в целом. Это в свое время хорошо подметил А.К. Хомяков. По словам Ю.Ф. Самарина, он «...дорожил сельскою общиною не только как самородным произведением народной жизни и как вернейшим средством застраховать право крестьян на землю от тех несчастных и неизбежных случайностей, которых бы не вынесли разобщенные личности, но еще более как нравственною средою, в которой лучшие черты народного характера спасались от развратительного влияния крепостного права. Эта мысль в одном из его писем выражена в следующих словах: “Чем более я всматриваюсь в крестьянский быт, тем более убеждаюсь, что мир для русского крестьянина есть как бы олицетворение его общественной совести, перед которою он выпрямляется духом; мир поддерживает в нем чувство свободы, сознание его нравственного достоинства, и все высокие побуждения, от которых мы ожидаем его возрождения. Можно бы написать легенду на следующую тему: “Русский человек, взятый порознь, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить”» (Самарин, 1860: 56-57).

...Жил крестьянин не только понятиями о стыде и совести, но исполнением своего *долга*. В чем он состоял? Может, лучше всего запечатлелось это в, казалось бы, незамысловатой крестьянской бывальщине: «Свернул как-то по нужде к мужику на двор чиновный барин. Слово за слово спрашивает:

— Как живешь, почтенный?

— Хорошо живу!

Барин руками развел.

— Пригляделся я, что-то не похоже...

Мужик вскинулся:

— Судите сами, господин хороший, я и долг отдаю, и в долг даю, и на ветер бросаю.

— Ну и ну...

Ничего не понял барин, смолчал и уехал.

После — какое-то время прошло, снова он той деревней проезжал. Вспомнил странные слова мужика. “Дай, — думает, — узнаю, о чем это так он толковал, что мне не в разум”.

Свернул к мужику — так и так, ответствуй.

А мужик посмеивается.

— Видишь, барин, родитель лежит на печи. Ему я долг отдаю, как взрастил, выкормил, на ноги меня поднял. Сын, гляди, растет, его кормлю в долг. А вот дочь родима. Ее питаю — на ветер бросаю. Сразу она отрезанный ломоть. В чужой дом после венца уйдет. Вот теперь и скажи — плохо ли живу?» (Еремеев, 1990: 228-229).

В.В. Зверев

«Последний поклон»

В.П. Астафьева
и основы крестьянского мира

Подними детей, не оставь в старости родителей, не жалея сил на помощь ближним, тогда и будешь уходить в мир иной успокоенным и уверенным в том, что не напрасно свой век прожил. Как говорил один старик: «Не скажу, что зажился, но, слава богу, — пожил! Сколько смог, поработал, хорошо земельку своим потом полил. Людей хлебушком покормил, дом построил, детей народил, дерев посадил — вроде все управил. А теперь и на покой пора. Не страшно!» (Еремеев, 1990: 235).

Именно так уходил из жизни любимый дедушка Астафьева, его заступник от бабушкиных строгостей, наставник и помощник в усвоении премудростей жизни. С болью рисовал Виктор Петрович, как «возле ворот, на бревне, вдавленном в землю, заеложенным задрами, белея исподиною, сидел дедушка Илья. На плечи его наброшена старая шубенка, на ногах катанки, взлескивающие пятнами кожаных заплат. На голове ничего нету. Редко уж в прохладные вечера выползал он за ворота. Сидел неподвижно, забывая отвечать на поклоны проходивших мимо односельчан. Батога он в руки не брал, но курить не мог бросить, хотя у него “харчало в груди” и бабушка прятала кiset с табаком». Усталый от жизни человек, твердо знавший, что исполнил он свой долг перед Богом и людьми. «Отяжелел, изнашивался в работе дед Илья Евграфович, — писал Астафьев. — Отбыв свой последний срок на земле, он еще сходил в баню, обмылся, надел чистое, лег на свой курятник, уснул и больше не проснулся. Тихую, без мучений, принял кончину дед. Он ее заслужил — единодушное было решение на селе» (Астафьев, 1978: 277, 305).

Крепили крестьянское единство не только устойчивая трудовая этика семьи, общинная взаимопомощь, но и *родственные связи*. Детей у русских земледельцев, как правило, было много. Бездетность вообще считалась божьим наказанием, а значит, полнились изба, двор и сельская улица ребячьим шумом и гамом, и был едва ли не каждый второй или третий среди ребятни двоюродным(ой) или троюродным(ой) братом или сестрой. По сельским обычаям и правилам — ближайшим родственником. А что уж говорить о родных братьях и сестрах? Случалось, что они по разным причинам, став взрослыми, оженившись, покидали родное село, жили отдельно, но связи с родителями не теряли. Приводило детей в отчий дом почитание отца и матери, любовь и преклонение перед ними.

Один из самых проникновенных рассказов в «Последнем поклоне» — «Бабушкин праздник». Повествует Астафьев о праздновании именин «генерала», когда собирались все ее многочисленные сыновья и дочери с внуками и внучками. Предпраздничная суета, последние хлопоты перед застольем, детский галдеж, воспоминания, охи и вздохи — все мешалось в один общий хор единения и взаимопонимания. Бабушкой обставлялось, конечно, празднование по писаным и неписаным правилам праздника. Когда уже все накрыто и пора было садиться за стол, бабушка и дед «...с плохо скрываемым волнением стали приглашать гостей:

— Милости прошу, гостеньки дорогие! Милости прошу отведасть угощения нашего небогатого. Уж не обессудьте, чего Бог послал.

А дед сам себе в бороду:

— Проходите, будьте ласковы, проходите!..

Церемонность его угнетала, не по сердцу она ему, но не раз коренный бабушкой за то, что и людей он приветить не умеет и слова на них жалеет, дед выполнял обременительную обязанность до конца» (Астафьев, 1978: 213-214).

Но на этом страдания деда не заканчивались. Когда казалось, что пора бы и начинать, бабушка куда-то исчезла, и все сидели, томительно ждали. «Дед потоптался, потоптался, буркнул что-то и определился под божницу, на свое место.

— Вечно выламывается!»

А бабушка добилась своего. Дождалась, когда ее двое старших сыновей встали и провели мать в передний угол:

«— Мама, тебе почет и место!

Бабушка знала, как трудно даются речи этим пятидесятилетним ребятам, и на большее не рассчитывала. Скромно так, застенчиво она опускала глаза и дрогнула губами.

— Спасибо, дети мои, спасибо за уважение.

Мимоходом она сразила деда взглядом за то, что нарушает он ритуал и цену себе не знает. Дед досадливо отвернулся, и борода его заходила вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз» (Астафьев, 1978: 215).

А дальше — хлебосольный семейный праздник, венцом которого становилась застольная песня, где запевадой выступала бабушка. Я не могу передать своими словами переполнявшие автора чувства и поэтому передаю слово Виктору Петровичу, заранее извиняясь за, может, и длинную, но, на мой взгляд, такую важную цитату:

«Бабушка запела стоя, негромко, чуть хриловато и сама себе помахивала рукой. У меня почему-то сразу же начало коробить спину, и по всему телу россыпью колючек пробежал холод от восторженности. Чем ближе подводила бабушка запев к общеголосью, чем напряженной становился ее голос и бледней лицо, тем гуще вонзались в меня иглы, казалось, кровь густела и останавливалась в жилах...

Сильными, еще не испетыми, не перетруженными голосами грянуло застолье, и не песню, а бабушку, думалось мне, с трудом дошедшую до сынов своих и дочерей, подхватили они, подняли и понесли, легко, восторженно, сокрушая все худое на пути, гордясь собою и тем человеком, который произвел их на свет, выстрадал и наделил трудолюбивой песенной душой.

Песня про реченьку протяжная, величественная. Бабушка все уверенней выводит ее, удобней делает для подхвата. И в песне она заботится о том, чтобы детям было хорошо, чтоб все пришлось им впору, будила бы песня только добрые чувства друг к другу и навсегда оставляла бы неизгладимую память о родном доме, о гнезде,

из которого они вылетели, но лучше которого нет и не будет никогда» (Астафьев, 1978: 217-218).

...Говорят, что в песне живет душа народа. Я, грешный, еще помню те времена, когда, выезжая в поле и возвращаясь назад с работы на грузовых машинах, приспособленных для перевозки людей, пели женщины песни... Как это было давно. Нет уже тех тружеников и тружениц. Да и настоящая народная песня почти исчезла — и не только с экранов телевизоров и программ радиопередач...

Старался жить русский мужик в ладу не только в семье и роде, но и с *миром природы*. Для Астафьева природа — не декоративный фон его повествования, а среда обитания, без которой невозможно представить крестьянскую жизнь. Лес, река, поле неотделимы от его героев и от него самого. Без знания окружающей среды и без любви к ней невозможно выжить. Зато и сама природа оплатит сторицей за бережное отношение к ней. Грибы и ягоды, дичина и знаменитая енисейская рыба — все идет впрок. Но ничего не берет крестьянин сверх меры. Разве что мальчикам еще позволено зорить птичьи гнезда, да и то вспоминается это взрослыми мужиками — дядями Астафьева — как глупое и никчемное баловство несмышленишей.

Обучались крестьянские дети жизни в природе сызмальства. Привыкали к ее жестким нормам и требованиям, одно из которых состояло в ее знании и понимании. Именно в такой последовательности и взаимозависимости. Поэтому нет ничего странного в том, что с малых лет ребенок узнавал местные названия растений, грибов, ягод, повадки зверья, рыб и птиц. Рассказы Астафьева пестрят разными названиями, описаниями леса, реки, их населяющих животных. Одно их перечисление дает представление о богатстве леса и многообразии его растительности. Здесь и «камнеломка», и «повилика», и «дедушкины кудри», подснежники, саранки, красnodнев. Астафьев всегда документально точен в своих описаниях. Так, маслята у него желтеют своими шляпками, а «рыхлые рыжики» краснеют, краснотал багровеет. Это, уж не говоря о «близких» человеку по его каждодневному обиходу, — конопле, крапиве, лебеду (Астафьев, 1978: 23, 76, 85, 26).

Астафьев-ребенок поэтизирует, конечно же, по-деревенски, воспроизводя слышанное от бабушки и других взрослых, название деревьев. Так, шипица у него — «...дерево ханское, платье у него шаманское, цветы ангельские, когти дьявольские...» (Астафьев, 1978: 27).

Особая статья в рассказах Астафьева — животные в крестьянском мире. Они — члены семьи, помощники и друзья в труде и беде. Они будто те же люди, только не умеющие говорить, но умеющие слушать, понимать и отвечать добром на добро³.

3. Удивительно точное наблюдение писателя, подтверждаемое и современной наукой. По наблюдениям английских ученых, «...одно лишь только ласковое обращение фермеров с коровами увеличивает их продуктивность в среднем на 300 кг молока в год» (Никольский, 1991: 15-16).

Характерны многие события, отпечатленные в цепкой детской памяти. Вот внук вместе с дедушкой возвращается в село с тяжело нагруженным возом сена. Молодой, еще не втянувшийся в работу конь с трудом тянет телегу. А впереди еще глубокий лог, который ему явно не осилить. Дед выпрягает молодого помощника. Сам впрягается в оглобли и вытягивает поклажу наверх и, выполнив тяжкую работу, несловоохотливый и скупой на разговор, бросает внуку: «Гляди, в селе не вякай». Характерно поведение втянутого в круговорот труда крестьянина и реакция крестьянского внука — кивок головой. По-иному и быть не может. Конь — свой, его и пожалеть надо: крестьянин и животное навечно повязаны общей судьбиной, в которой бывает всякое: и горькое, и смешное, все вперемежку.

С каким упоением вспоминали собравшиеся на именины бабушки дяди Астафьева «уросливого» коня Карьку, наводившего страх на всех домашних и даже укусившего смиренного Васю. А тот, обозлившись, в ответ сам укусил Карьку к вящему удивлению коня, который после этого «...лишь Васю к себе и подпускал, а больше никого за людей не считал...» (Астафьев, 1978: 206).

Отношение к лошади — трепетно доверительное, а для малых детей и настороженное. Это хотя и домашнее, но животное со своим нравом и особенностью. Берут, скажем, еще малых ребят Витю и Алешку поить лошадей, тут особый порядок, свой устав и меры предосторожности: вот дядя Николай (Кольча-младший) дает Виктору кобылу Лысуху. «Я подвожу ее к заплоту, — писал Астафьев, — взбираюсь на него и уж оттуда, сверху, падаю брюхом на выгнутую широкую спину Лысухи. Она поводит левым ухом, недовольно косит на меня глазом и норовит поймать зубами за подшитый катанок. Я отдергиваю ногу — шалишь, кобыла, не тут-то было» (Астафьев, 1978: 38).

А вот еще история с шалопутной и хитрой псиной Шариком, чистокровной дворнягой, который был многократно трепан сельскими охотничьими псами и спасаем бабушкой. Никакие испытания не изменили его характера. Он остался все тем же пустобрехом, любившим гонять кур, выклянчивать молоко и обязательно справлять малую нужду на стоявший в избе веник, чем приводил бабушку в неопишную ярость, после чего предусмотрительно пережидал грозившую расправу в укромном месте и не откликнулся на бабушкины «ласковые увещания» предстать пред ее грозные очи. Но именно этот пес помог выжить в голодный и страшный год, стал, по словам той же бабушки, ангелом-хранителем семьи.

...Крестьянин всегда знал, понимал, любил природу и был в ней не завоевателем, а ее составной частью, как и сама природа была неотделима от его существования.

Я бы покривил против истины, если бы не написал еще об одном важном элементе становления личности крестьянского ребенка. Воспитывали в детстве не только семья, уклад труда и быта, родные и близкие, природа. Воспитывала и *сельская улица*, на кото-

рой вилась голоштанная порось, особенно в летнюю пору, с утра до вечера. Общались ребятня между собой и играла в разные игры: в бабки, в чижа, в лапту, в свайку, в прятки. Все эти игры не только требовали силы, ловкости, терпения, но были, как отмечал Астафьев, «...предисловием к будущей жизни, слепком с нее, пусть не обо-жженным еще в горниле бытия, но в чем-то уже ее предворяющим» (Астафьев, 1978: 228, 229).

В играх формировалась атмосфера взаимоотношений, начиная с детского возраста и заканчивая взрослым бытием. «Деревенская жизнь вся на виду, никуда не скроешься», а если учесть, что, как правило, проживал свою жизнь человек в одном селе, то помнились сверстникам его прегрешения до седых волос. И в общем-то прощались, но осадок оставался и горчил. Скажем, не дай бог, прикарманывал кто-то выставленные на кону бабки. В следующий раз получал он от ворот поворот в игре, даже если и приносил ранее украденное. «Тяжела, сурова мужицкая справедливость — наказав мошенника презрением, усостеснив словами, порой и до слез доведя, со скрипом и недовольством стойкие игроки наконец-то разрешали:

— Ладно, ставь! Но штабы...» (Астафьев, 1978: 243).

Или же, если вдруг в самый разгар игры в лапту владелец мяча неожиданно уходил с ним, никто не бежал за предателем, не упрашивал вернуться. «Хрена! Давно соску не сосем! Мы — мужики, пусть и в игре, но мужики, и суд наш молчалив, а приговор суров: не брать хлюзду в игру!» (Астафьев, 1978: 261). Вот такие мужские разговоры и неизбывное чувство товарищества, которое с годами не забывается и не черствеет.

Так воспитывались и закалялись характеры. И воспитание было суровое, мужское, не прощавшее слабости, а тем более предательства. Как вспоминал Астафьев, была у его сверстников игра в кол, когда перед началом игры все участники забивали его в землю, а голящий должен был его из земли вытянуть голыми руками без помощи подручных средств. За это время все участники игры должны были спрятаться. Вытащить кол было далеко не простым делом. Но далеко не просто было и найти спрятавшихся игроков, которые, когда голящий отходил от кола, снова начинали его вбивать в землю. Такая игра могла продолжаться не один день, пока голящий не побеждал. Так случилось, что заболел Витя Астафьев, не отголившись.

Друзья заболевшего, по его словам, «...наवेशали..., приносили го-стинцы, с крестьянской обстоятельностью желали скорее поправляться, чтобы отголиться, иначе не будет мне прохода, должником жить на селе не полагается, из должника не выйдет и хозяина-мужика.

И когда мне в жизни становилось и становится невмоготу, я вспоминаю игру в кол и, стиснув зубы, одолеваю беду или преграду, но все же с облегчением заканчиваю я рассказ об этой игре — очень уж схожа давняя потеха с современной жизнью, в которой голишь, голишь, да так до самой смерти, видать, и не отголишься» (Астафьев, 1978: 255).

Но из таких игр выростали многие человеческие качества, в том числе и «...смекалка деревенских детей, сызмальства привыкших жить своим трудом и догадливостью» (Астафьев, 1978: 161). Да только слишком быстро проходит крестьянское детство. Рано становится сельский паренек мужчиной. И только остается в памяти горько-сладкое послевкусие счастья. Как писал Астафьев, «теперь-то я знаю: самые счастливые игры — недоигранные, самая чистая любовь — недолюбленная, самые лучшие песни — недопетые...» (Астафьев, 1978: 283).

Образа и образы

В «Последнем поклоне» Астафьев выписал сохраненные детской памятью лица и лики близких, любимых людей, без которых его жизнь была невозможна, пуста и безрадостна. И первый в их ряду образ мамы, которую Виктор Петрович не помнил, но о ней рассказывала бабушка («...всякий раз с прибавлением не только слез, но и черт мамино характера, привычек, поступков, и облик мамы с годами все более выветлялся в памяти бабушки, и оттого во мне, — писал Астафьев, — он свят, и хотя я понимаю, что облик моей мамы, вторично рожденный бабушкиной виной перед рано погибшей дочерью и моей тоской по маме, едва ли сходится с обликом простой, работающей крестьянки, мама была и теперь уже навеки останется для меня самым прекрасным, самым чистым человеком, даже не человеком, а обожествленным образом» (Астафьев, 1978: 293). Светлый облик самого родного человека согревал Астафьева, дарил хоть какую-то надежду с обращением к имени матери в минуту гибельных испытаний.

Светел и свят для Астафьева и образ бабушки, напускавшей на себя строгость, но беззаветно любившей внука. Именно к ней, уже битый жизнью, израненный на войне, спешил демобилизованный солдат Астафьев, будто предчувствуя, что эта встреча будет последней. Не отпустит его на похороны бабушки начальник, заживший, что:

«— Не положено. Мать или отца — другое дело, а бабушек, дедушек да кумовей...

Откуда знать он мог, — писал Астафьев, — что бабушка была для меня отцом и матерью — всем, что есть на этом свете дорогого для меня! Мне надо бы было послать того начальника куда следует, бросить работу, продать последние штаны и сапоги да поспешить на похороны бабушки, а я не сделал этого.

Я еще не осознал тогда всю огромность потери, постигшей меня. Случись это теперь, я бы ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушке глаза, отдать ей последний поклон» (Астафьев, 1978: 637).

С течением прожитых лет, удаляясь и стираясь в деталях, только более величественным и значимым становился для Астафьева облик деда. И виделся он ему в том далеком детском далеке («...в вы-

пущенной рубахе, босой. Ветерок трепал его волосы, шевелил бороду, полоскал расстегнутую рубаху на выпуклой, раздвоенной груди. И напоминал дед российского богатыря во время похода, сделавшего передышку — остановился богатырь озреть родную землю, подышать ее целительным воздухом» (Астафьев, 1978: 101).

Рядом с образами мамы, дедушки и бабушки вывел Астафьев портреты близких ему людей — многочисленных родственников: дядьев, теток, двоюродных-троюродных братьев и сестер, хороших знакомых, соседей, друзей и соперников по детским играм. Все они крестьянского замеса, но каждый на свою особину, со своим характером, норовом, повадками.

Взять хотя бы соседа дядю Левонтия, которому «...хоть Бог, хоть царь, хоть какая власть — нипочем...», особенно когда он выпьет. «К тому же дядя Левонтий меня любит, — примечал Витя Астафьев, — так же, как я его, и он село в щепки разнесет, в случае чего...». Или родной брат его, бабушкин крестник дядя Филипп, судовой механик, крепкого посола мужик, не боявшийся никакого труда, «нибилизированный» крушить самураев в «дальневосточном конфликте» и погибший «...в сорок втором под Москвой, где командовал ротой сибирских лыжников». В числе запоминающихся персонажей — и удалая деревенская душа Мишка Коршуков, отчества которого Астафьев даже не знал и который «...погиб в войну на истребительном военном катере». «Мне не надо гадать, — писал Виктор Петрович, — как он погиб, такие люди и умирают лихо, со звоном, и не об этом я думаю, печалюсь, а вот о чем: сколько удали, душевной красоты, любви к людям убыло и недостает в мире оттого, что не стало в нем Мишки Коршукова» (Астафьев, 1978: 121, 137, 251).

И эта печаль об ушедших и ушедшем пронизывает всю повесть Астафьева.

Вместо итогов

Можно сказать, что само название повести символично. «Последний поклон» — это не только долг памяти перед родными и близкими, в первую очередь перед бабушкой Екатериной Петровной. Эта повесть — прощание с тем счастливым миром, в котором выросла и мужал автор, и благодарность тому миру. Мир крестьянства с его хозяйственной сосредоточенностью, трудовой этикой жизни и поведения, призрением и защитой слабых, неброским проявлением любви и заботы уже, увы, канул в прошлое. Нет крестьянства в старинном понимании этого слова, как нет и того народа, который в своих действиях, помыслах и надеждах руководствовался, казалось бы, незыблемыми нормами и правилами. Но ничто не исчезает совсем и навсегда. Остаются память и традиция, которые, как правило, важнее непродуманных новаций и рискованных реформ.

Библиография

- Астафьев В.П. (1978). Последний поклон. Повесть. М.: Современник.
 Еремеев П. (1990). Обиход. Былички. М.: Современник.
 Никольский С.А. (1991). Земледелие и крестьянство как природно-историческое явление // Вопросы философии. № 2. С. 13–24.
 Самарин Ю.Ф. (1860). Хомяков и крестьянский вопрос. В память об А.С. Хомякове // Русская беседа. Т. 2, кн. 20. С. 55–60.

В.В. Зверев
 «Последний поклон»
 В.П. Астафьева
 и основы крестьянского мира

'Last greetings' from V.P. Astafiev and foundations of the peasant world

Vasily V. Zverev, DSc (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19. E-mail: v.v.zverev@bk.ru

The article considers the novel "Last Greetings" by V.P. Astafiev as a historical source of descriptions of the peasant world. The author emphasizes such basic categories of the peasant life as traditional family, kinship ties, working, parenting, attitudes to nature, concepts of shame, conscience, and duty. Based on this literary material, the author concludes that the peasant worldview is a result of close interaction with nature, which determined both respect for the environment — forest, field, river, animals — and such qualities as moderate consumption of natural resources, diligence, foresight, concern for the future. Knowledge and understanding of nature also affected labor that did not pursue enrichment but aimed at ensuring the family's prosperity. The villager in Russia, as everywhere in the world, was not a money-grubber, and his social ideal was a hard-working and sober middle peasant. The system of upbringing and the social structure of the village (community) aimed at developing and preserving these qualities. The community structure was primarily to prevent such disasters as crop failure, famine, flood, fire, and their catastrophic consequences. The centuries-old history of life in nature and with nature has cultivated mutual assistance, mutual support, and the charity of the sick, poor, and injured. The author concludes that such a social order was the foundation of the social unity in the past, which in turn influenced the strength and power of the Russian state.

Key words: peasant, city, phenomenon of 'village writers', traditional family, man and nature, kinship ties, labor, shame, conscience, duty, Russian community, childhood, village street

References

- Astafiev V.P. (1978) *Posledny poklon. Povest* [Last Greetings. Novel], Moscow: Sovremennik.
 Eremeev P. (1990) *Obikhod. Bylichki* [Everyday Life. Small Epics], Moscow: Sovremennik.
 Nikolsky S.A. (1991) *Zemledelie i krestyanstvo kak prirodno-istoricheskoe yavlenie* [Farming and peasantry as a natural-historical phenomenon], *Voprosy filosofii*, no 2, pp. 13–24.
 Samarina Yu.F. (1860) *Khomyakov i krestyansky vopros. V pamyat ob A.S. Khomyakove* [Khomyakov and the peasant question. In memory of A.S. Khomyakov], *Russkaya beseda*, vol. 2, book 2, pp. 55–60.

Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона¹

О.Б. Божков, И.В. Троцук

Олег Борисович Божков, старший научный сотрудник Социологического института — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005. E-mail: olegbozh@gmail.com.

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

В статье обозначены жизненные траектории представителей тех национальных групп, что оказались в разное время активными сельскими предпринимателями в Северо-Западном регионе России. К сожалению, прежде национально-этнический аспект сельского предпринимательства выпадал из фокуса наших исследовательских проектов (см., напр.: Божков, 2019; Божков, Игнатова, 2015; 2017; Божков, Троцук, 2018; Игнатова, 2016). В статье обозначены проблемы, с которыми столкнулись как мигранты из бывших республик Советского Союза, так и внутренние мигранты, оказавшиеся в зоне рискованного российского земледелия. Эмпирическая база статьи — материалы социологических экспедиций (транскрипты интервью и записи полевых наблюдений), осуществленных при поддержке РГНФ/РФФИ в периоды с 2005 по 2008 и 2018–2019 годы. Рассмотренные четыре «кейса» подтвердили гипотезу, что, независимо от миграционно-поколенческой траектории и длительности жизни в российском селе, все предприниматели сталкиваются с одними и теми же проблемами (кадровый голод, заброшенная производственная и разрушающаяся социальная инфраструктура, дорогие кредиты и жесткий налоговый и отчетный прессинг «сверху» — несмотря на декларативно-номинальную государственную поддержку, общая атмосфера социального недоверия, отсутствие традиций и навыков реального кооперирования и т.д.), а если они и имеют некоторую специфику, то таковая обусловлена не национально-этническим фактором, а реак-

1. Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья» (2018–2020, руководитель — А.М. Никулин). Проект является повторным кейс-стади по отношению к проектам, которые были реализованы в 2005–2008 годы при поддержке РГНФ — «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ» и «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-Западного региона)» (руководитель — О.Б. Божков).

цией давно сложившегося сельского сообщества на «чужаков», устанавливающих свои порядки и нарушающих устоявшееся течение местной жизни (с ее безработицей, обнищанием, запустением и пьянством).

Ключевые слова: миграция, национальная принадлежность, сельское предпринимательство, северное Нечерноземье, местные сообщества, кооперация, государственная поддержка

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-162-179

*О.Б. Божков,
И.В. Троцук*
Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона

Почему в названии статьи указан интернационал, тем более советский? По очень простой причине: за время наших экспедиций по семи районам Северо-Западного региона мы встречали представителей практически всех бывших союзных республик. Перестройка, а затем развал СССР привели в движение огромные массы людей, и миграционные процессы только усилились после того, как в разных точках постсоветского пространства разгорелись конфликты под лозунгами обретения национального суверенитета. При этом из республик Средней Азии и Южного Кавказа уезжали не только русские, украинцы и белорусы. И миграция 1990-х годов — не первая волна в оттоке населения с этих территорий, порожденном различными причинами. И, несмотря на то, в каком поколении наши информанты живут в обследованных районах северного Нечерноземья, свою национальную идентичность они артикулируют очень четко. Однако речь не идет о характеристике этнического предпринимательства (напр., по модели: Уолдингер, Олдрич, Уорд, 2008) — только об оценке роли миграционно-поколенческой траектории в предпринимательской карьере наших сельских информантов.

Проект нацелен на изучение социального самочувствия вполне конкретной группы — сельских предпринимателей (руководителей колхозов, кооперативов, сельскохозяйственных предприятий и фермеров), поэтому герои представленных ниже повествований — только те представители сельско-предпринимательского слоя, с которыми мы лично общались в ходе социологических экспедиций. Преимущественно в обследованных районах среди фермеров и руководителей сельскохозяйственных предприятий в качестве мигрантов представлены выходцы из регионов Кавказа (армяне, грузины, дагестанцы), а также украинцы и молдаване (табл. 1). Если в первом экспедиционном туре 2005–2008 годов среди сельских предпринимателей Северо-Западного региона удалось обнаружить лишь троих выходцев из республик бывшего Советского Союза, то 2018–2019 годы — уже девятерых, и шестеро — выходцы из республик Южного Кавказа.

Таблица 1
Иммигранты среди фермеров в обследованных районах

Годы	2005–2008				2018–2019			
	Район	Армения	Дагестан	Другие	Всего	Армения	Дагестан	Другие
Бокситогорский				3		2	1	17
Бабаевский			1	11	1			11
Кадуйский				5				6
Устюженский		1		13		1		13
Пестовский				14	1		3	15
Лесновский				10				5
Максатихинский		1		19				10
Итого		2	1	75	2	3	4	70

Здесь, видимо, сказываются две тенденции: с одной стороны, за прошедшие годы усилились темпы внутренней миграции — все больше людей снимаются с мест в депрессивных, сельских, периферийных районах и уезжают в города за заработком и лучшей жизнью (Северный Кавказ выделяется в силу усугубляющих миграционный отток факторов — высокой рождаемости, низкого уровня зарплаты и высокой безработицы). С другой стороны, наблюдается и миграционный приток в Россию выходцев из Южного Кавказа, который также обусловлен социально-экономическими факторами, но не менее важны и тлеющие очаги межэтнических территориальных конфликтов (см., напр.: Миграционные процессы..., 2014).

Будучи ограничены объемами статьи, мы сосредоточимся на двух «кейсах» — армянском и дагестанском (о возможностях кейс-стади в сельско-социологических исследованиях см., напр.: Овчинцева, 2020; Румер-Зараев, 2020; Троцук, 2007). Другая причина фокусировки на этих показательных примерах сельско-предпринимательского постсоветского интернационала состоит в том, что жизненный опыт попавших в поле проекта грузин оказался не сопоставим с общим исследовательским контекстом: один предприниматель уже в 2008 году находился на грани банкротства и ко второму полевому этапу умер; другой, напротив, оказался весьма успешен, но переехал на постоянное место жительства в Санкт-Петербург, где у него прибыльный строительный бизнес,

поэтому своим сельскохозяйственным предприятием в Устюженском районе он задолго до пандемии стал руководить («в дистанционном режиме»). Что касается молдавских и украинских фермерских хозяйств, с главами которых нам удалось побеседовать в ходе полевых исследований, то эти предприятия находятся на начальной стадии становления, поэтому сложно сопоставлять их ситуацию с большинством обследованных фермерских хозяйств, и было решено не включать их в обзор.

Представленные ниже транскрипты интервью организованы следующим образом: национальность героя; время его (или родителей) появления в сельском районе; проблемы, с которыми он столкнулся; степень успешности или неуспешности хозяйства; как правило, приезжие и местные жители сталкиваются с одними и теми же проблемами, поэтому акцент сделан на самых острых из них — кадры, сбыт продукции, получение грантов и субсидий и, конечно, общая эффективность сельскохозяйственной деятельности.

Итак, наш первый информант — Ашот Д., 44-летний уроженец Армении, оформивший крестьянско-фермерское хозяйство в Бабаевском районе в 2012 году и отказавшийся рассказать об обстоятельствах переезда из Армении в Россию. Несмотря на то что его хозяйство в районе считается вполне успешным, проблем у него много *«в прямом смысле... местные люди не работают, не хотят работать. У меня приехали мигранты, один узбек и двое армян. Я дом купил, от фермы метров сто. Недавно уголовное дело завели на меня, что работники не живут по месту регистрации, хотя они приходят домой обратно... Решили эту проблему вроде. А там есть загон — рядом с фермой прямо, где-то 30 гектаров... Они на меня наехали: “Кто ты такой? Приехал сюда... Это наша деревня”. Я не стал ни с кем ругаться, оставил им. А теперь жалуются, что моя скотина в их огород лезет, хотя мы стараемся пасти так, чтобы от греха подальше... Хотя они должны, наверное, свой огород огородить, правильно? Я в деревне родился, я видел, что у каждого человека свой огород огорожен так, чтобы никто не лез туда. Они наезжают конкретно на меня... Я приехал к главе администрации и сказал: “Извините, но я, наверное, не буду этим заниматься, если так пойдет, потому что не дают работать” ...Вот, с области приехали, два раза у нас проверка была... — им все понравилось: я показал магазин свой, где продаю продукцию свою — яйца домашние, мясо... просто мальчики облизете..., мы делаем свой сыр, брынза называется — я молоко не сдаю, потому что у меня нет танка-охладителя. Сейчас будет — на грант на 3 млн я документы уже подал, отправил в Вологду. Сейчас они будут рассматривать... Я в гранте заказал транспортеры — мы зимой вручную все вытаскивали..., трактор хотя бы бэушный, косилку, грабли, боронник я сам куплю, я уже нашел, где купить его, холодильник, танк-охладитель — это 100% надо, 15 голов, 1,5 миллиона у меня*

О.Б. Божков,
И.В. Троцук
Постсоветский
фермерский интер-
национал в сель-
ском хозяйстве Се-
веро-Западного
региона

только на крупный рогатый, т. е. я нетелей буду покупать... Если деньги выделяют сейчас, может быть, я 20 голов куплю».

В отличие от большинства фермеров, у Ашота в целом нет проблем со сбытом — всю свою продукцию он продает в собственном магазине, причем только свою: *«Зачем мне другие фермеры? Я даже свою продукцию не могу реализовать... Например, моя свинина по себестоимости стоит 300 рублей, и я не понимаю, как магазины продают по 200–220. У меня чисто зерно едят они, мы мелем кукурузу, пшеницу, ячмень, овес, гречу даже вожу. У меня мельница куплена, мы сами мелем это все. У меня годовой поросенок 80 килограмм, от силы 100 килограмм, надо полтора года держать, чтобы он 150 был... Это по себестоимости выходит 300 рублей, не дешево. Но это мясо стоит того — кусок съел и все, уже сытый».*

Своей главной проблемой Ашот считает недостаток и качество рабочей силы. По его наблюдениям, молодые местные слишком много пьют, сплошь «хроники»: *«Вот одна девушка пришла позавчера, попросилась доить коров — у меня итальянский аппарат доения куплен на 20 голов. Я с радостью принял — идите, пожалуйста, только не пейте, нельзя. После работы — как хотите, идите к себе домой, пей сколько хочешь, лишь бы утром трезвая пришла. Но бесполезно — с утра приходит, а глаза уже косые... И это девушка, у нее дети ходят — без матери, без отца... Ужас просто, обидно даже». А пожилые местные либо не могут работать в силу возраста, либо не хотят из принципиальных соображений: «Только хают: в этой деревне кто хорошо живет — тех никто не любит. Начинают завидовать. И сами ничего не делают, и другим не дают полезным делом заниматься... Вот даже в колхозе нормальный человек работает, Яковлев, — так его тоже хают свои работники... Он работает для них для всех, а его не поддерживают — как колхоз будет развиваться? ...В свое время этот колхоз был миллионером... А осталась только эта ферма — где мой скот. И эту ферму, когда я уже с Яковлевым договорился, что я ее покупаю, я на две недели поехал в отпуск, из отпуска вернулся — как после бомбежки ферма была... Вырвали все рельсы с фермы, все металлоконструкции — трактор загнали гусеничный и вырвали все. Я все восстановил. Хотя, как я понимаю, они должны рады быть, что я появился. Ведь даже загон зарос, все заросло, все просто пустует».*

Ферма Ашота постоянно балансирует на грани нехватки рабочих рук: *«С работниками у меня проблема. У меня сейчас коров доит мужчина — и доит, и пасет, и овец пасет. Всего трое человек, и один завтра должен уехать — останутся двое. Я уже по-всякому к деревенским подходил — и уговаривал, и подходами подходил, лишь бы люди пришли работать... Уезжают в город, в другие места — те, которые нормальные, работающие. А которые остались — их надо заставить, но они пьют... Так и будем жить? Так померем, и все — нас не будет. Это самый больной вопрос».*

Второй наш респондент — Артем Б. — родился в Армении в 1977 году в селе Бердашен Ширакской области, где проучился до десятого класса, потом отслужил два года в армии и только после этого вынужденно уехал на заработки в Россию и с 2003 года живет в Пестово. В 2008 году Артем оформил крестьянско-фермерское хозяйство, а недавно открыл еще одно фермерское хозяйство, но оформленное на сына: *«Молодняком будет заниматься. Я, честно сказать, буду закрывать свое хозяйство — дойные стада. А ему молодняком заниматься — посмотрим, как чего будет. Отдали ему на откорм 40 бычков — пускай занимается... Он сейчас учится в Боровичах на механика... А у меня начало большое было, а потом чем дальше — тем хуже и хуже... Все остыло у меня, абсолютно все — ничего я не хочу... Покупали в то время солярку по 7 рублей, сейчас уже стало 47–49, а у нас продукты так и остались — молоко по 18 рублей, мясокombинат по 87 рублей высшую категорию мяса принимает... 100 голов у меня сейчас с молодняком вместе... А техника стоит на поле — нечем управлять. Отправляешь молоко — денег нет у них, трудно, тяжело, не могут перечислять. Не отправляешь молоко — куда сдавать? ...Передо мной здесь был хозяин — такая же ситуация: все дорожает — корма дорожают, солярка дорожает, запчасти дорожают, свет дорожает, вода дорожает, а молоко-мясо — как есть».*

Главная проблема Артема — сбыт продукции и особенно закупочная цена мяса и молока, причем и без того сложная ситуация ухудшилась в последнее время: *«Таких проблем, а я почти восемь лет работаю, не было у меня... Хоть 5–10 тысяч они перечисляли мне... А в последние два-три месяца что-то никак. У них тоже, может быть, проблемы — я об этом не обижаюсь, ничего не могу им сказать. Спасибо, хотя бы они принимают по этой цене — больше никто и нигде не принимает... В соседнем районе принимают по 25–30 рублей, но объем — 5 тонн. Где я столько молока найду — 500 литров не могу организовать на сегодняшний день. А 5 тонн куда я буду девать? Подняться — ради бога, могу сделать 200 голов. А толку-то? Как продавать или сдавать — еще на колене посиди, умоляйся, 150 раз звони... На словах-то в Новгороде все хорошо — у меня все совпадало, можно было на 45 дойных коров в том году грант получить, около 20 млн. Но я остановился на 5 млн — чтобы не крутиться, а на свои возможности... Эти 5 млн пропали — стали 3, а потом и 3 пропали — работой, как хочешь. Не получилось у меня — этого не хватает, того не хватает, работников надо официально оформлять — я все это делаю... Сейчас у меня работают один пастух, одна доярка, остальное техником я сам делаю... Сено заготавливаем, продаем — такой же фермер покупает, но до сих пор денег нет. Я тоже так живу — понимаю, за зимний корм еще деньги не получил».*

Артем жалуется на бедность населения, которое раньше могло покупать его мясо за справедливую цену, а теперь не может: *«Когда мы приехали, ...звонили люди, покупали домашнее мясо. В то время*

покупали корма по 190 рублей 40 килограмм, и качество было другое! Мясо продавали — где-то по 180–200 рублей... В очередь стояли люди, заказывали целые туши... А сейчас привезешь по 200–250 рублей — не нравится, потому что у людей денег нет, не могут купить. Поэтому у нас сейчас цена на свинину — 180–190 рублей. Ради бога, любую часть выбирай. А за 180 рублей продавать — это получается, что в другом месте мне надо работать, привезти сюда, завести поросенка, поднять и просто так людям отдавать... В ноль даже не выхожу — в минус выхожу, если сено не продаю, если своей грузовой машиной в рейс не еду... Все, с кем разговариваю из фермеров, все в слезы уходят — всем плохо, ни у кого нет денег, все живут одним днем».

Помощи со стороны администрации района Артем не видит — иногда с пониманием к этому относится, иногда злится, но чаще испытывает горькое разочарование, потому что представители районной администрации кормят его пустыми обещаниями: «Глава был, обещал мне один раз отдать узик, потому что дорога стала слишком плохая. Обещали сегодня-завтра, сегодня-завтра, и эта тема тоже пропала... Весной у администрации стояла какая-то машина, но вместе со снегом растаяла... К нынешнему главе я один раз с делами подошел и больше не подойду... У меня весь скот сдох... Поехал туда — обещали, если сегодня воды и света не будет, то завтра помогут. Шесть дней коровы без воды стояли. Я понимаю, авария общая, я никого не обвиняю. Я подошел к главе и говорю: «Хотя бы пожарную машину или чего-нибудь дайте воду привезти, а то зима, снега по колено — ну никак»... Он мне обещал, что если сегодня света не будет, то завтра отправит мне генератор, чтобы вода была. Шестой день пошел: дверь открываешь — коровы ревут. Я стал злой: дверь открыл, коров в поле отпустил... Одна сдохла, две выжили... Не буду больше ходить, умолять, потому что я не ворую, не краду, ничего не делаю плохого, работаю, а толку нету».

Артем уверен, что местные и региональные власти могли бы ему помочь, если бы захотели: «Мне сбыт надо — больше ничего... В первую очередь сбыт, во вторую очередь, если получится, — помещение или хотя бы какой-нибудь лес отдали каждому фермеру — хоть 50 кубов или 10–20 кубов. Хоть сухостоя! ...Иначе фермы упадут. Приехали тут как-то с Новгорода до меня — я всех просил лес выписывать, чтобы хоть как-нибудь могли фермы ремонтировать... Поля покупали, доски меняли, потому что все под ногами гниет... А были бы хотя бы 10 кубов материала, поставили бы пару человек, сняли все полностью, все заново сделали... А пока метр здесь меняем, метр завтра там меняем... На каждой стороне валят лес и валят, а нам — ничего... А все остальное... Ну не навешу же я все государству, не могу сказать и не говорю, что все они виноваты».

Перейдем к дагестанским сельским «кейсам». Наш первый респондент — Магомед М. — родился в Шамильском районе Дагеста-

на в 1974 году. Его отец был каменщиком, строил дома из булыжника, и многие люди до сих пор вспоминают его как хорошего мастера. Мать Магомед умерла, когда ему было шесть лет. В школе он учился неплохо, но не смог никуда поступить после ее окончания и начал работать на колхозах и фермах Кочубеевского района: сначала год отработал чабаном, потом ему доверили отару в 1300 голов, позже стал заведующим фермы. Он поступил в Дагестанский государственный университет, но ушел с четвертого курса юридического факультета и в 2014 году приехал в Бокситогорский район Ленинградской области, где в 2015 году основал фермерское хозяйство.

Как и другие респонденты, Магомед критически отзываясь о грантах, которые, казалось бы, должны помогать сельским предпринимателям. *«Я получил грант в 2016-м, но в 2017-м не был рад ему... Потому что, например, сено косить погоды нет, корма надо заготавливать... Я обратился в администрацию: “Разрешите — мне дешевле будет загрузить две фуры, увезти баранов в Дагестан, там у моего племянника 800 гектаров земли. Оформлю бумаги, как надо, все, как положено, хотите — пробиркуем, прочтуте, что надо, сделаем. Мне это дешевле будет — зимой отвезти их туда, а весной привезти”. Но в Питере администрация не разрешила. Не знаю — какое-то недоверие ко мне или что-то... Я не понимаю суть недоверия этого... Я же это хозяйство не для кого-то делаю — изначально, принципиально это для себя и для тех, кто хочет у меня купить это мясо. И какой-то жадности наживы на фермерстве нет — там нет больших денег... Пока в ноль выхожу... Например, стадо идет по полю, 500–600 голов, и у людей в голове срабатывает арифметика — видят в каждом баране по 80 тысяч рублей. В рублевом эквиваленте они видят это стадо. Но я-то прекрасно понимаю — чтобы их содержать в течение года, сколько надо вложить. И у меня получается такая картина: то, что я зарабатываю, уходит обратно, и чтобы какую-то прибыль получить, надо три, четыре, пять лет. Прийти-то надо на голое поле — что-то делать, строить, параллельно поднимать поголовье... Что мне дали грант в 1,5 миллиона денег — я благодарен государству. Но в то же время я больше не буду, наверное, ничего брать, потому что условия. Мне приходится каждый месяц бегать — один отчет, второй отчет, туда-сюда... Купил я технику — отчитался, все до последней копейки... Она меня очень хорошо выручает. Я, конечно, не купил новую — бэушную, потому что новый трактор... вылезает за эти 1,5 миллиона. А остальное на что я куплю? Я поэтому бэушный трактор купил, бэушный пресс купил, но косу новую и захват для рулонов и навесное оборудование».*

Сложности хозяйствования Магомед связывает и с затратами на его организацию, и с проблемами сбыта. Так, его 76 компактно расположенных гектаров земли (один гектар взят под строительство, остальные — под пастбища) *«выходят в копеечку — мелиорация, вы-*

*О.Б. Божков,
И.В. Троцук*
Постсоветский
фермерский интер-
национал в сель-
ском хозяйстве Се-
веро-Западного
региона

корчевка, потому что сплошной лес, бурьян, затоплено и испорчено». И сбыт у него «трудный. Во-первых, приходится самому резать и реализовывать... На ферме надо построить забой, фасовочный цех, туда оборудование закупить, а оборудование стоит больших денег. Обратись хоть в Россельхозбанк, хоть в Сбербанк, ситуация такова: вы приезжаете к ним, подаете заявление на льготный кредит, они вам отказывают — «недостаточно залоговой базы, можем вам только коммерческий кредит предложить». Я удивляюсь, неужели они видят в людях дураков, которые не могут в математике разобраться? ...Льготный кредит под 5%, под 6% государство мне субсидирует, а кредит коммерческий от 15%. Если я льготный кредит не могу оплатить, я 15%, что ли, смогу оплатить? Я их позицию понимаю — они хотят заработать, и льготный кредит под 5–6% им давать невыгодно... Но тогда пусть они на каждом совещании не выступают с трибуны и не рекламируют, что дают кредиты. То, что банк говорит, с реальностью не сходится, поэтому я за кредитами не обращаюсь».

Магомед положительно относится к опыту других фермеров по открытию собственных магазинов для сбыта продукции, но считает, что это очень трудно для такого начинающего фермера, как он: «Когда-нибудь я тоже приду к этому — чтобы открыть свой магазин. Но чтобы магазин открыть, надо, чтобы был построен на ферме забойный цех, а у меня его нет — есть только площадка для забоя, и то я не пользуюсь... На все постройки у меня сейчас денег нет. Если я сам буду строить, тогда материал только нужен, а если найму подрядную организацию, чтобы мне построила, это в нынешнее время абсолютно для меня немыслимая сумма. Потом еще оборудование — мясо продавать... Здесь город маленький. Количество мяса, которое я могу поставить здесь, город не съест за один день свежее. А мясо, чтобы сохранилось, вакуумную упаковку надо — опять оборудование... В данный момент интереса не вижу, есть торговые сети, и они, конечно, убивают всех».

Как свою главную проблему Магомед называет дефицит кадров: помимо него на ферме работает еще один человек, а на лето он нанимает сезонных работников (на время сенокоса нужны трактористы и помощники). Однако искать их приходится не в ближайших деревнях, где «не найти трезвого человека... Работала у меня одна женщина — я ее отвозил кодировать, воспитывал, но все равно — и кодированная начала пить. Потом взял еще одного на работу — кодировал, воспитывал, уговаривал, показывал пример... А он взял у меня машину и пьяный ездил... Я не хочу больше пьяных людей на работе, вообще на ферме чтобы такие были, потому что пьяный человек — он неадекватный... Если животные привыкли к тому, чтобы ровно в пять часов вечера им давали зерно, им надо в пять его отдавать. Они не поймут, что пьяный человек где-то в вагонах лежит, у них начнется стрессовая ситуация. То, что вы месяц кормили, за два-три дня стрессо-

вой ситуации они этот вес скинут, поэтому я не люблю, чтобы такие издевательства были... Вот приходится брать узбеков — я брал официально узбеков на работу. Паспорт одного до сих пор у меня — сам убежал. Он с фермы украл, продал 14 баранов, поменял на наркоту, потом ко мне начали с их диаспоры с угрозами звонить... После этого решил с этими людьми дела не иметь... Сейчас у меня работает один русский парень из города. Я стараюсь ему денег не давать, а переводить на карточку его матери... То, что необходимо на ферме, то, что он просит, ему покупаю. А остаток его зарплаты матери — переводом на карточку. В принципе он не пьет несколько месяцев... Человек в городе божжевал — трудотерапию никто не отменял».

Несмотря на общую пессимистичную оценку сельского сообщества, Магомед все же отмечает в нем проблески предпринимательской инициативы, причем благодаря его собственному примеру: «Несколько людей есть, которые на моем примере что-то начали делать. Я им оказываю помощь. Сейчас, например, в момент сенокоса, они мне будут помогать... Кто начал одного-двух бычков держать, кому я сам несколько штук овец дал — они держат. Ну хотя бы для себя... Единственное, конечно, я понимаю, что одним своим примером... Постоянно же мне не находиться рядом с ними. Когда они со мной, у них другой образ жизни. Как только они попадают в другое общество, где можно круглосуточно водку пить, они там теряются... Если бы я мог их обеспечить работой в течение года, они бы постоянно находились в моем окружении... И сейчас приезжают молодые ребята, просят работу... но на ферме они ни к чему не приучены... Вот пить-курить в 16, 17, 18 лет уже могут, а работать...»

С нашим четвертым героем мы косвенно познакомились по рассказам Магомеда — это Шамиль Х., который может считаться коренным жителем Бокситогорска — в третьем, если не в четвертом, поколении, причем и он сам, и его родители, и его деды занимались сельским хозяйством. Шамиль родился в Климове в 1980 году, когда здесь работал крупный совхоз «Новый быт» на 3,5 тысячи дойной скотины. Закончив здесь школу, он отучился в Санкт-Петербурге в торгово-экономическом техникуме, потом учился и прожил восемь лет в Липецке, но в конце концов вернулся в Бокситогорский район — в 2016 году вместе с семьей. В тот период семья получила грант на развитие хозяйства и, как это ни удивительно, не отметила с грантом «особой мороки... По условиям надо было два года регистрироваться как крестьянско-фермерское хозяйство — зарегистрировались, налоги платили какие-то, а движухи не было, потому что пришлось выжидать срок в два года... Потому что без старта такого все равно никуда не пройти. А потом уже пошли займы более крупные — скотину приобрели (сейчас с молодняком уже 72 головы, к осени будет 41 голова дойных), движение какое-то пошло... Должны до 150 голов добраться — по крайней мере, план и цель такие есть».

Планы Шамиля на укрупнение хозяйства не предполагают увеличения его кадрового состава. На данный момент на предприятии работает сам Шамиль с женой, тракторист, два скотника и доярка — всего шесть человек, но «*один скотник, бывает, запьет — приходится самому подменять... Потому что других нет. Чтобы кого-то из города вытягивать, своих же одноклассников, допустим, надо, во-первых, увеличить поголовье, чтобы сделать нормальную зарплату, хотя бы тысяч 25, чтобы они вернулись сюда. А зарплату такую можно сделать только с увеличением поголовья, потому что... сельское хозяйство вообще малоприбыльное — на бумаге-то одно, а по факту очень много затрат*».

Одна из статей таких затрат — результат проблем с землей: с одной стороны, в постсоветский период все поля заросли, причем «*каменистые поля, не чернозем, и техника ломается — косы постоянно меняем, ножи и т. д.*». С другой стороны, Шамиль вынужден решать вопросы оформления земли: «*У меня часть земли оформлена. У нас паевая земля, т. е. в совхозе нет земли, которая принадлежит району... — всем были выделены пай, кто раньше работал. Приходится выкупать — это свидетельство сначала (где-то 3,5 гектара тысяч за 5–6 рублей, а оформление около 20 тысяч вылезает, но его пока субсидируют — возвращают деньги после оформления, но время-то уходит — инфляция, лучше бы сразу выделили, а потом отчитался бы, куда дел), потом его за свой счет оформляешь, потом межевание, кадастр — оформление почти целый год идет, очень долго все происходит... Сейчас у меня оформлено около 40 гектаров, еще 30–40 в оформлении находятся. И незанятое, то, что зарастает, все равно приходится косить — земли не хватает... С удобрениями тоже пока еще проблемы — мне с завода не отгрузить 20 тонн, куда мне 20 тонн, когда я пока только начинаю? А там, где пообещают, потом сами истратят, и в результате я без удобрений остался — маленьких объемов не дают... Но кормами (однолетние — вика, овес, горох) практически сами себя обеспечиваем — только на май пришлось докупить три машины силоса с прицепом... Да и год тут дождливый был, с сеном вообще беда была. Считаю, на зерносенаже были — раз в два дня только сено получалось вечером давать, что, конечно, плоховато для коров — сено надо регулярно давать... Из районной администрации субсидируют раз в квартал по кормам, но доля небольшая — на неделю, на две можно раз в квартал купить за их счет корма... Странно, что покупку скота не субсидируют вообще... Если бы была такая программа, я бы уже давно поголовьем ферму целую забил. Корова-то почти 85–90 тысяч стоит».*

Как и другие сельские предприниматели, Шамиль обеспокоен сбытом продукции, которую преимущественно сдает на Сазоновский молокозавод в 80 км от хозяйства, «*потому что у нас все закрыты заводы — и Бокситогорск, и Тихвин, нигде линии нет — с этим туго. И возим сами в бочках. Они бы, конечно, за большим объе-*

мом, от трех тонн, может быть, и приезжали, но свои 900 литров мы им сами через день возим. Дают нам по 18,5 рублей за базисную жирность в 3–4%, а там уже перерасчет делается — где-то 22, 23, 24 рубля за литр получается, если не обманут по жирности... А солярка стоит в два раза дороже — ее-то не субсидируют».

Против идеи кооперации все опрошенные нами фермеры не возражают, но пока не видят возможностей для ее развития в своих поселениях и районах: «Каждый сам за себя. Тут все поднимается вопрос — какой-то кооператив на базе фермерских хозяйств. Но я, честно говоря, не представляю, что он из себя будет представлять, потому что у одного мясо, допустим, птицы, у другого молоко, и оно скоропортящееся... Это как они должны кооперироваться? Ну я свез свое молоко — и все...»

Как ни удивительно, но называя те же проблемы, что и другие фермеры, Шамиль все же настроен более оптимистично: «Проблем куча в сельском хозяйстве, но ничего — все решаемо... В планах у нас до 150 дойных коров дойти. Плюс, может быть, еще параллельно направлением каким-нибудь заняться. Я бычков не продаю в этом году — хочу на мясо сдавать. Плюс, может быть, гусями еще заняться». Впрочем, оптимизм не мешает реалистично оценивать перспективы расширения хозяйства, учитывая нынешнее состояние сельхозугодий: «Поля очень заросшие, уже и леса есть, что полей не видно. Вот, справа поле было — картошку сажали, а сейчас лес стоит... Там хоть заново мелиорацию делай, окультуривание, или как это называется... А с этим окультуриванием очень много денег надо... Понятно, что где-то что-то возмещают, но где взять — чтобы это окультурировать? Гектар те же 20–30 — это же чуть ли не миллион надо, чтобы окультурировать... А где эти деньги выцарапать, чтобы вложить? Даже если через полгода или сколько-то там времени они тебе вернут... Все с опозданием идет, неправильно маленько». Жизненный оптимизм Шамиля в сочетании с настроением на продолжение сельскохозяйственной деятельности позволяют охарактеризовать укорененную в районе семью предпринимателя как яркий пример тех очагов развития социального капитала, которые возникают в разных сельских районах России благодаря семейно-поколенческому сохранению сельхозпредприятий, государственной поддержке и внедрению новых технологий (сегодня сельское хозяйство не требует большого числа работников, и несколько человек могут выполнять практически весь объем работ).

Для сельских предпринимателей актуальна не столько проблема денег как таковых (их отсутствие в принципе или недостаточность для расширения и развития производства), сколько условия получения необходимых средств и избыточное изъятие у хозяйств имеющих ресурсы (незаинтересованные в поддержке не крупного сельскохозяйственного производства банки и некомпетентные сотрудники налоговых органов). По мнению Шамиля, «налоговики у нас очень слабые, безграмотные... Допустим, я беру заем, деньги личные вно-

шу, а они их как прибыль мне считают. Но ведь это занятые деньги у людей — зачем их еще облагать процентами? То ли они специально в свою сторону клоняют, то ли не знаю что — маловато специалистов нормальных в налоговой... И ни один банк не дал мне кредит. Минсельхоз заключил соглашение с банками — фермерам 5%. Даже слушать не хотят, что у тебя обороты... Никто ничего не дал... По телевизору одно, конечно, говорят, а на самом деле все это ерунда. Нет чтобы правительству выделить бабло фермерам напрямую, даже под те же 5%... Дайте эти деньги — зачем вам банки, какие-то сторонние организации, которые с этого кормятся? Дали бы напрямую — пускай работает человек, налоги выплачивает... Вы если хотите развить сельское хозяйство, вы выделите даже отдел специальный... По сути, в Россельхозбанке должен работать сельхозтоваропроизводитель... В том году я приходил, они говорят: «У нас указание сверху меньше 5 миллионов не давать, и вы не подходите». Но мы еще на начальной стадии — какие там 5 миллионов? Вы хоть 1–1,5 млн дайте мне, а потом уже смотрите, что да как».

В таких условиях даже у оптимиста Шамяля возникает упадническое настроения: «В прошлом году хотел все бросить и уехать, потому что надоело мне — тяжело. Проблемы, а никому мы не нужны... Создают структуры, которые начинают нас с проверками туда-сюда... Сейчас год как с проверками более-менее тишина. А то уже надоели проверки на самом деле. Я же закрыл ООО только потому, что все эти проверки задолбали. Любая проверка — сразу штраф, минимум сотку надо заплатить... Шесть проверяющих приехало — боо тысяч вынь да положь... Даже если минимально накладывают, все равно для меня это много».

Итак, мы рассмотрели четыре «кейса» — двоих относительно недавно приехавших в северное Нечерноземье представителей советского сельско-предпринимательского интернационала и двоих фермеров из условных местных «старожилов». Все они сталкиваются с одними и теми же проблемами, с которыми уже несколько десятилетий борются сельские предприниматели (см., напр.: Фадеева, 2001), однако воспринимают российские реалии и несколько «со стороны», потому что знают, как может быть «иначе» — в местах их нынешней или исторической эмиграции. У недавно приехавших есть и специфические проблемы, но они не имеют национально-этнического измерения (не говоря уже о дискриминационной составляющей) — скорее это реакция «своих» (сельского сообщества) на «чужаков» (см., напр.: Фадеева, 2003), обусловленная в том числе и тем, что «неместные», как правило, более предпринимательски активны и полны энтузиазма, что вызывает у местных некоторую напряженность. Только один из наших героев столкнулся с открытым недоброжелательством со стороны местных жителей и действиями по разрушению/предотвращению развития его сельскохозяйственного производства — чаще речь идет о глухом непризнании попыток «чужака» расшевелить традиционное сельское затишье-смирение.

С одной стороны, между фермерами царит атмосфера взаимопомощи и взаимопонимания — они живут схожими надеждами, при случае помогают друг другу словом и делом, признавая, что сталкиваются с одними и теми же проблемами. С другой стороны, не может не удивлять исключительно неформальный характер взаимной поддержки — идеи формальной кооперации не находят места во взаимодействии фермеров: «каждый сам по себе» — этот рефрен встречается практически в каждом интервью. Это тем более удивительно, что сельскохозяйственная кооперация выступает одним из важнейших механизмов поддержки малых форм хозяйствования в сложные периоды — слабые экономические игроки ищут способы объединения, чтобы выдержать конкуренцию с более крупными и сильными (см., напр.: Овчинцева, 2020). Продолжающиеся трансформации аграрного сектора России сопровождаются тяжелыми социально-экономическими последствиями — в результате обеднения населения и разрушения социально-экономической инфраструктуры сельские территории теряют свой человеческий капитал (см., напр.: Румер-Зараев, 2020; Семин, 2009; Троцук, 2017; Шабанов, 2014), и, по крайней мере декларативно-номинально, поддержка и развитие кооперации и малых форм хозяйствования стала одним из приоритетов, войдя в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы (см., напр.: Крылатых, Фролова, 2019; Максимов, 2018а; 2018б).

Ежегодно регистрируются новые кооперативы, но их число неизменно оказывается меньше, чем число прекративших деятельность, потому что зачастую кооперативы существуют только номинально («мертвые души» кооперативной статистики): их официальная регистрация является лишь инструментом получения финансовой поддержки в рамках государственных программ (предприниматели регистрируют бизнес в кооперативной форме, рассчитывая получить субсидии, льготные кредиты и гранты, причем зарегистрированный, но не работающий кооператив сохраняется «на бумаге» даже после подачи заявки на конкурс — на тот случай, если появится желание или необходимость подавать заявку на будущий год), т. е. такие кооперативы — не реальные жизнеспособные формы совместной предпринимательской деятельности. Вряд ли следовало ожидать чего-то иного в ситуации, когда государство целенаправленно, крупными финансовыми вливаниями и прочими мерами поддерживает крупные агрохолдинги в рамках промышленного сельского хозяйства — мелкие и средние сельхозпроизводители понимают, что могут рассчитывать только на себя (см., напр.: Вегрен, Троцук, 2020). Вероятно, срабатывает и то соображение сельских предпринимателей, что, когда они работают по одиночке, местным сообществам видна их объективная несостоятельность в выполнении социальных функций прежних коллективных хозяйств, но как только они создают объединения, сельские муниципалитеты начинают серьезно рассчитывать на то, что успешные предприниматели-кооператоры будут совместно оказывать, по крайней мере,

благотворительную помощь сельским школам, клубам, учреждениям здравоохранения, муниципалитетам и храмам. Помимо объективных экономических и административных сложностей развитие кооперации мелких сельхозпроизводителей тормозит и общая социальная разобщенность — люди не доверяют друг другу и тем более властям, особенно когда те обещают всемерную поддержку и легкие кредиты.

Принципиальный настрой на одиночную борьбу со сложными и разнообразными жизненными обстоятельствами на пути к успешному сельскохозяйственному производству тем более удивителен, что все фермеры, независимо от стажа работы и тем более национальности и миграционной траектории, жалуются на невозможность воспользоваться предоставляемой государством поддержкой (пусть и весьма ограниченной), потому что субсидии и льготное кредитование требуют значительных размеров производства. Расширению фермерских хозяйств мешают и кабальные условия государственных грантов, и очень жесткий, явно избыточный административный контроль (в том числе на районном и региональном уровне). Государство (в лице своих представителей на всех уровнях административной вертикали), как и в советское время, постоянно подозревает любого человека если не в прямом воровстве (уходе от налогов, сокрытии прибыли и пр.), то в попытках утаивания того, что государство имеет право изъять в свою пользу. Еще в далеком XVIII веке многие российские беды, особенно экономические, находили простое объяснение — «воруют». В отличие от коррупционеров, встроенных во властные иерархии российских институций, фермеры в дурной стереотип «всеворовства» не укладываются — в массе своей им просто нечего утаивать и воровать, не говоря уже о том, что мелкие и средние сельские предприниматели, напротив, прилагают массу усилий, чтобы сохранить сельские территории и восстановить сельскохозяйственное производство, а потому чаще бескорыстно вкладывают свои средства в их развитие, чем пытаются в чем-то обделит обедневшее сельское население и что-то получить с депрессивно-дотационных сельских муниципалитетов.

Один из респондентов дал простую, но очень показательную для сельско-предпринимательского сообщества характеристику законодателей: «Я понимаю, что Дума — это люди, которые должны думать, в отличие от фермеров. Фермер должен работать, а в Думе должны думать. Но никаких умных мыслей из Думы я не вижу. Потому что, например, сейчас повышение НДС по кому ударит? По мне ударит. Повышение пенсионного возраста по кому ударит? По мне ударит. Повышение цен на топливо по кому ударит? По мне ударит». С такой оценкой скорее всего согласится большинство фермеров и председателей доживающих свой век постсоветских колхозов, которые прилагают максимум усилий, чтобы не сбылся весьма убедительный прогноз, обусловленный постоянным миграционным оттоком сельского населения в города (см., напр.: Божков, Игнатова, 2020; Комплексное исследование..., 2015): «Нечерноземье и Европейский Север не имеют скольконибудь значимого человеческого потенциала для развития. Вымирание

и отток населения определяют постепенное угасание сельской местности на периферии и столь же постепенную концентрацию у крупных городов, где возможны отдельные случаи развития эффективного сельского хозяйства для нужд этих городов» (Румер-Зараев, 2020: 245).

Библиография

- Божков О.Б. (2019). Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 19. № 4.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н. (2015). Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Вып. 10. М.: Дело.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н. (2017). Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. Т. 2. № 1.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н. (2020). Процессы миграции и социальная память поколений // Labyrinth. Теории и практики культуры. № 1.
- Божков О.Б., Троцук И.В. (2018). Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 4.
- Вегрен С.К., Троцук И.В. (2020). Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // Экономическая социология. Т. 21. № 5.
- Игнатова С.Н. (2016). Трудовая биография как объект исследования // Социологический журнал. Т. 22. № 4.
- Комплексное исследование региональных рынков труда: структурные дисбалансы и поведение участников (2015) / Т.М. Малеева и др. М.: РАНХиГС. URL: <http://www.ranepa.ru/images/insap/insap/issledovanie-rinkov-truda.pdf>
- Крылатых Э.Н., Фролова Е.Ю. (2019). Потребительская кооперация и фермеры: взаимные интересы // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 2.
- Максимов А.Ф. (2018а). Количественный анализ и оценка численности сельскохозяйственных потребительских кооперативов // Прикладные экономические исследования. № 6.
- Максимов А.Ф. (2018б). Особенности функционирования сельскохозяйственных потребительских кооперативов в современных условиях // Никоновские чтения. № 23.
- Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов (2014). Сб. материалов Международной научно-практической конференции / Отв. за выпуск И.А. Соловьев. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет.
- Овчинцева Л.А. (2020). Метод кейс-стади в исследованиях российской сельской кооперации // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 3.
- Румер-Зараев М.З. (2020). Хождение по руинам: портреты трех сельских районов на фоне новейшей истории. М. – СПб.: Нестор-История.
- Семин А.Н. (2009). Сельская бедность: факторы генерации и механизмы преодоления // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 12.
- Троцук И.В. (2007). Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4.
- Троцук И.В. (2017). Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. Т. 2. № 3.
- Уолдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р. (2008). Этнические предприниматели // Экономическая социология. Т. 9. № 5.
- Фадеева О.П. (2001). Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. Т. 2. № 2.

Фадеева О.П. (2003). Сельские предприниматели в местном сообществе // Экономическая социология. Т. 4. № 2.

Шабанов В.Л. (2014). Факторы и причины сельской бедности в современной России // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. Т. 14. № 4.

Post-Soviet farmers' international in the agriculture of the North-West Region

Oleg B. Bozhkov, Senior Researcher, Sociological Institute — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 7th Krasnoarmeyskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005. E-mail: olegbozh@gmail.com.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

The article presents the life trajectories of representatives of those national groups that became active rural entrepreneurs in the North-West Region of Russia at different times. Unfortunately, we have not yet considered the national-ethnic aspect of rural entrepreneurship in our research projects [see, e.g.: Bozhkov, 2019; Bozhkov, Ignatova, 2015; 2017; Bozhkov, Trotsuk, 2018; Ignatova, 2016]. The article focuses on various problems that the migrants from different former republics of the Soviet Union face in the zones of risky Russian agriculture. The empirical basis of the article is the data (transcripts of interviews and field observations) of sociological expeditions supported by the Russian Foundation for Humanities and the Russian Foundation for Basic Research in 2005–2008 and 2018–2019. The four 'cases' confirm the hypothesis that, regardless of the migration-generational trajectory and activities in the Russian countryside, all entrepreneurs face the same problems (labor shortage, abandoned production facilities and dilapidated social infrastructure, expensive loans and harsh tax and administrative pressure 'from above' — despite the declarative-nominal support of the state, the general atmosphere of social distrust, the lack of traditions and skills of real cooperation, and so on). There is some specificity of such problems; however, it is determined not by the national-ethnic factor, but rather by the reaction of the traditional rural community to 'outsiders' who bring their own rules and disrupt the routine of local life (with its unemployment, impoverishment, desolation and alcoholism).

Key words: migration, nationality, rural entrepreneurs, northern Non-Black-Earth Region, local communities, cooperation, government support

References

- Bozhkov O.B. (2019) Semeno predprinimatelstvo na sele: shtrikhi k portretu [Family entrepreneurship in the countryside: Some details of the portrait]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no 4.
- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2015) Rossiysky selskokhozyaystvenny predprinimatel: formirovaniye i vosproizvodstvo sotsialnoy gruppy [Russian agricultural entrepreneur: Formation and reproduction of the social group]. *Krestiyanovedeniye: Teoriya. Istoriya. Sovremennost*. Vyp. 10, Moscow: Delo.
- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2017) Regionalnye praktiki vzaimodeystviya biznesa i vlasti (na primere Severo-Zapada RF) [Regional practices of business and the authorities' interaction (the Russian North-West case)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.

- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2020) Protsessy migratsii i sotsialnaia pamiat pokolenij [Processes of migration and social memory of generations]. *Labirint*, no 1.
- Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. (2018) Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 4.
- Fadeeva O.P. (2004). Neformalnaya zanyatost v sibirskom sele [Informal employment in the Siberian countryside]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 2, no 2.
- Fadeeva O.P. (2003) Selskie predprinimateli v mestnom soobshchestve [Rural entrepreneurs in the local community]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 4, no 2.
- Ignatova S.N. (2016) Trudovaya biografiya kak ob`ekt issledovaniya [Labor biography as a research object]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*, vol. 22, no 4.
- Kompleksnoe issledovanie regionalnykh rynkov truda: strukturnye disbalansy i povedenie uchastnikov [A Comprehensive Study of Regional Labor Markets: Structural Imbalances and Actors' Behavior] (2015). T.M. Maleeva i dr. Moscow: RANKhiGS. URL: <http://www.ranepa.ru/images/insap/insap/issledovanie-rinkov-truda.pdf>.
- Krylatykh E.N., Frolova E.Yu. (2019) Potrebitelskaya kooperatsiya i fermery: vzaimnye interesy [Consumer cooperation and farmers: Mutual interests]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*, no 2.
- Maksimov A.F. (2018a) Kolichestvennyy analiz i otsenka chislennosti selskokhozyaystvennykh potrebitelskikh kooperativov [Quantitative analysis and assessment of the number of agricultural consumer cooperatives]. *Prikladnye Ekonomicheskie Issledovaniya*, no 6.
- Maksimov A.F. (2018b) Osobennosti funktsionirovaniya selskokhozyaystvennykh potrebitelskikh kooperativov v sovremennykh usloviyakh [Features of the agricultural consumer cooperatives in the contemporary conditions]. *Nikonovskie Chteniya*, vol. 23.
- Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov* (2014) [Migration Processes: Issues of Adaptation and Integration of Migrants]. Sb. materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Otv. za vypusk I.A. Soloviev, Stavropol: Severo-Kavkazskiy federalnyy universitet.
- Ovchintseva L.A. (2020) Metod keys-stadi v issledovaniyah rossiyskoy selskoy kooperatsii [Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 3.
- Rumer-Zaraev M.Z. (2020) *Khozhdenie po ruinam: portrety trekh selskikh rayonov na fone noveyshey istorii* [Walking in the Ruins: Portraits of Three Rural Areas in the Framework of Recent History], Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Semin A.N. (2009) Selskaya bednost: faktory generatsii i mekhanizmy preodoleniya [Rural poverty: Factors of development and mechanisms of overcoming]. *Ekonomika Selskokhozyaystvennykh i Pererabatyvayushchikh Predpriyatiy*, no 12.
- Shabanov V.L. (2014) Faktory i prichiny selskoy bednosti v sovremennoy Rossii [Factors and causes of rural poverty in contemporary Russia]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 14, no 4.
- Trotsuk I.V. (2007) Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Possibilities of the case study method in the study of rural social problems]. *RUDN Journal of Sociology*, no 4.
- Trotsuk I.V. (2017) Putevoditel po postsovet'skoy agrarnoy reforme v Rossii: ob`ektivnoe i sub`ektivnoe izmerenie selskoy zhizni [A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 3.
- Waldinger R., Aldrich H., Ward R. (2008) Etnicheskie predprinimateli [Ethnic entrepreneurs]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 9, no 5.
- Wegren S.K., Trotsuk I.V. (2020) Ustoychivo li promyshlennoe selskoe khozyaystvo v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy i ekologicheskikh ugroz? [Is industrial agriculture sustainable during climate change and ecological threats?]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 21, no 5.

О.Б. Божков,
И.В. Троцук
Постсоветский
фермерский интер-
национал в сель-
ском хозяйстве Се-
веро-Западного
региона

Инновации в сельских школах Кабардино-Балкарии

Т.Ж. Эфендиева

Тареза Жамаловна Эфендиева, аспирант 2-го курса Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, начальник управления образования и молодежной политики Черекского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики. 361801 КБР, Черекский район, г.п. Кашхатау, ул. Мечиева, 108. E-mail: uo-cherek@yandex.ru

В статье описаны проблемы сельских школ Кабардино-Балкарской Республики (недостаточная инфраструктурная оснащенность, неустойчивый доступ в Интернет, определенная социокультурная замкнутость, отдаленность от центра, отсутствие учреждений культуры и дополнительного образования, недостаток квалифицированных кадров учителей) и попытки их решения в рамках национального проекта «Образование». Это в первую очередь цифровизация образования, улучшение инфраструктуры сельских школ путем создания центров гуманитарного и цифрового развития.

Ключевые слова: сельские школы, цифровизация, национальный проект «Образование», инновации в образовании, Кабардино-Балкария

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-180-183

*Здесь корни страны, здесь истоки народа,
Снегов белизна, алый отблеск восхода,
И купол небес ослепительно синий,
И сельская школа — надежда России.
Л. Марасинова*

Развитие творческих способностей обучающихся является важнейшей задачей современной школы. Один из главных ресурсов для повышения качества образовательных услуг в сельской местности — это инновационный потенциал образовательного учреждения в целом и учителей в отдельности.

Мы живем в высокогорном районе Кабардино-Балкарии, в котором 12 общеобразовательных учреждений, из которых 3 школы являются малокомплектными. Общее количество обучающихся и воспитанников составляет 4733 ребенка, в том числе — 3110 школьников и 1623 дошкольника. Таким образом, в среднем на каждую школу приходится около 250 детей, средняя накопляемость классов составляет 15 детей.

Понятно, что основной задачей образовательных учреждений является предоставление качественных образовательных услуг, которые должны послужить основой для дальнейшей самореализации выпускников и успешной их адаптации к сегодняшней интенсивно меняющейся жизни. Для реализации этой задачи ведущую роль играет развитие соответствующей материальной базы и кадров.

Основная часть наших школ построены в 1960–1970-х годах, когда отсутствовали материально-технические условия для организации работы на уровне современных требований. Созданию в них необходимых условий была посвящена работа в течение последних лет. Это строительство новой школы в (отдаленных от центра) с.п. Верхняя Жемтала, дошкольного учреждения в с.п. Жемтала, реконструкция и капитальный ремонт с созданием дошкольного блока в с.п. Безенги, пристройки дошкольных блоков практически в каждом населенном пункте, что дало возможность полностью решить проблему обеспеченности и качества дошкольной подготовки детей.

В соответствии с реализацией национального проекта «Образование» в 2019 году начата работа по созданию центров гуманитарного и цифрового развития, которые также должны послужить повышению качества образования детей в соответствии с их индивидуальными потребностями и пожеланиями.

Эти и другие мероприятия, проведенные благодаря объединению усилий организаций муниципального, регионального и федерального уровней, а также в рамках национальных проектов значительно улучшили инфраструктуру школ и оснащенность кабинетов, теперь участники образовательного процесса благодаря информационному общению в Интернете имеют огромные возможности в своем развитии.

И хотя эта работа еще полностью не завершена, состояние базы школ позволяет нам реализовывать учебные программы в полном объеме.

Вместе с тем, несмотря на новые коммуникационные технологии, необходимо отметить определенную социокультурную замкнутость сельской школы, отдаленность от центра, отсутствие или недостаточность учреждений культуры и дополнительного образования. Зачастую эти же школы ограничены в возможностях участия в инновационных проектах из-за нерентабельности финансовых вложений. Все это накладывает определенный груз ответственности на школу и учителя. Ведь во все времена главным в образовательной деятельности был и остается Учитель.

В образовательных учреждениях района работают 485 педагогов, из которых 345 имеют высшее образование, 140 — среднее специальное. Среди них 106 являются педагогами высшей квалификационной категории, 94 — первой; 29 человек — обладатели республиканского и российского грантов лучших учителей России, 13 — заслуженные учителя республики и РФ. Все это говорит о до-

статочном уровне педагогического корпуса района для решения поставленных задач.

Сельский учитель, помимо соответствующего уровня квалификации в своей области, должен обладать многими качествами, соответствующими требованиям среды его деятельности. Это учитель с особым набором профессиональных компетенций, главное среди которых — умение сопровождать ребенка в образовательном процессе — и дистанционно, и в профильном обучении, и при выборе профессии. Учитель должен быть не только предметником, но и обладать надпредметными и межпредметными знаниями, человеком, который может работать в различных областях. А поэтому нам необходимо менять не только образовательные технологии, но и подход к оценке профессионального уровня и качества организации образовательного процесса педагога сельской школы.

Сельская, в особенности малокомплектная школа сталкивается с рядом проблем при комплектовании квалифицированными кадрами. Прежде всего это низкая заработная плата из-за малокомплектности классов в условиях подушевого финансирования, а как следствие — отсутствие конкуренции на вакантные места, необходимость совмещения преподавания специалистами смежных предметов.

Эти проблемы обнаруживаются, когда при максимальной недельной нагрузке заработная плата учителей составляет чуть более семи тысяч рублей. Как вынужденная мера практикуется совмещение должностей, когда один педагог преподает несколько предметов из различных предметных областей, или преподает предметы не по своей специальности. Из-за этого часто отсутствуют возможности замены учителя во время болезни или прохождения им курсов повышения квалификации.

Эти проблемы имеются в ряде школ, включенных в программу «Земский учитель». Все это требует решения вопроса на всех уровнях власти, как региональных, так и федеральных. Ибо такие малокомплектные школы зачастую оказываются ущемленными в своих финансовых возможностях как при оплате труда учителя, так и в вопросах обеспечения соответствующей инфраструктуры.

Мы всецело поддерживаем решение об установлении оплаты труда педагогам за классное руководство в размере 5 тыс. рублей с 1 сентября текущего года, это должно положительно сказаться на материальном обеспечении прежде всего педагогов сельской местности. Вместе с тем это приведет к дополнительным перекосам в оценке вклада педагогов. На наш взгляд, принципу социальной справедливости должно послужить установление доплаты учителям, работающим в малокомплектных школах в условиях отсутствия средней накопляемости классов и при совмещении предметов, поскольку сегодняшние нормы коэффициентов не решают проблему.

И самое главное — эти меры должны послужить повышению качества образования детей.

Наряду с изложенным необходимо отметить, что малокомплектная школа и наполняемость классов обладают рядом преимуществ, которые необходимо рационально использовать в повседневной практической деятельности. В условиях такой школы учителю легче осуществлять индивидуальный и личностно-ориентированный подход к учащимся, практическую направленность учебной деятельности, духовно-нравственное и патриотическое воспитание с учетом индивидуальных и региональных особенностей.

В целом же следует отметить, что учащиеся и воспитанники сельских школ часто добиваются значительных успехов в проводимых олимпиадах, конкурсах, смотрах, соревнованиях. Они успешно обучаются в вузах республики и страны. Многие становятся кандидатами и докторами наук и вносят весомый вклад в развитие науки и образования. Вся страна гордится нашими деятелями науки, культуры и спорта, на примерах которых мы воспитываем детей в духе любви, патриотизма и преданности своей Родине.

Проблема сельской школы — это не вопрос ее сохранения как одного из типов образовательного учреждения, она напрямую связана с сохранением сельского образа жизни. Поэтому программа развития сельской школы не должна ограничиваться только рамками конкретного поселения или региона, это общенациональная и государственная проблема. Задача ее решения должна стать одной из главных в отечественной доктрине образования.

Именно со школой сегодня связаны надежды на демографический рост населения, воспитание сельского труженика нового типа, повышение роли человеческого фактора, совершенствование культуры и социально-бытовых условий жизни современного села.

Все это во многом должно послужить возрождению и дальнейшему развитию сел.

Innovations in rural schools of Kabardino-Balkaria

Tareza Zh. Efendieva, PhD student, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov; head of the Department of Education and Youth Policy of the Cherek municipal district of the Kabardino-Balkarian Republic. 361801, Kabardino-Balkaria, Chereksky district, Kashkhatau, Mechiev St., 108. Email: uo-cherek@yandex.ru.

The article considers problems of rural schools in the Kabardino-Balkarian Republic (insufficient infrastructure, unstable Internet access, social-cultural isolation, remoteness from the center, lack of cultural institutions and additional education, lack of qualified teachers) and attempts to solve them with the help of the national project "Education". Thus, the project promises primarily digitalization of education and improvement of the infrastructure of rural schools by creating centers for humanitarian and digital development.

Key words: rural schools, digitalization, national project "Education", innovations in education, Kabardino-Balkaria

Тайны агроландшафтов Нечерноземья¹

Трапезникова О.Н. Парадоксы северного земледелия: история и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины. М.: ГЕОС. 2019. — 254 с. ISBN: 978-5-89118-807-5

Е.С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-184-187

Эта книга, написанная на междисциплинарном стыке физической и социальной географии, посвящена историко-географическому анализу многовековой трансформации агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины.

Автор книги О.Н. Трапезникова подчеркивает, что находящееся в фокусе ее исследования сельское Нечерноземье исторически со времен Киевского и Владимиро-Суздальского княжеств являлось колыбелью формирования Русского мира. Красной нитью через всю книгу проходит вопрос: отчего в сельскохозяйственном отношении этот малоплодородный край, находящийся в зоне рискованного земледелия, тем не менее на протяжении своей тысячелетней истории подвергался упорному и систематическому аграрному освоению?

В данном исследовании были проанализированы материалы, собранные Трапезниковой с 1989 по 2012 год в результате полевых географических работ среди агроландшафтов Владимирской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Архангельской, Ленинградской, Новгородской, Тверской, Кировской областей, республик Удмуртия и Карелия, Пермского края. По мнению автора, ей удалось сформулировать ряд парадоксов в истории агроландшафтов Нечерноземья и попытаться интерпретировать эти парадоксы.

Парадокс первый заключается в том, что изначально раннесредневековые земледельцы из степных и лесостепных зон Восточно-

1. Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.

Европейской равнины все же каким-то образом сумели успешно продвинуться и расселиться в малоблагоприятных природных условиях северного Нечерноземья.

Вторым парадоксом не только Нечерноземья, но и всей лесной Европы является на протяжении многих веков поразительная однородность сельского хозяйства этого обширного региона. Или, как подчеркивает автор: «Эта огромная по площади территория естественно характеризуется большим разнообразием как климатических, так и других природных условий, в то же время начиная с момента внедрения пахотного земледелия во второй половине 1 тыс. н.э. и в течение всего Средневековья лесная зона Европы отличалась удивительной однородностью земледелия, монотонностью и однообразием хозяйствования» (с. 5). Это отмечалось и российскими, и зарубежными историками, подтверждавшими, что, например, средние урожаи основных хлебов в XV–XVI веках в лесных регионах Франции, Германии, Скандинавии, Чехии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии фактически не отличались как между собой, так и в сравнении с урожайностью сельскохозяйственных культур Русского Севера.

Третий парадокс состоит в смене системы расселения при переходе от Средневековья к Новому времени в таких достаточно освоенных районах лесной зоны Нечерноземья, как Новгородская земля и Московское княжество.

Четвертый парадокс связан с третьим: к концу XIX века именно в тех губерниях, где произошла смена системы расселения, урожайность зерновых в большинстве случаев оказывалась ниже, чем в губерниях Пермской и Архангельской с их достаточно неблагоприятными для сельского хозяйства условиями.

Особую тему книги составляет исследование уже парадоксов XX века. С одной стороны, именно в это время сельскохозяйственное производство и организация сельского общества подвергаются коренным преобразованиям и изменениям, но, с другой стороны, как подчеркивает автор: «Техническая модернизация сопровождалась социально-экономической архаизацией» (с. 6). При этом значительных трансформаций в организации самих агроландшафтов на протяжении даже всего советского периода не происходило. Впрочем, в итоге в начале XXI века сельские обитатели северного Нечерноземья, парадоксальным образом забросив свои тысячелетние сельскохозяйственные навыки, выживают за счет чего угодно, в том числе, конечно, за счет лесного (но уже не сельского) хозяйства.

Сильной стороной данной работы является умение Трапезниковой не только давать развернутые и ключевые понятия своего научного труда, но также убедительно и доказательно наполнять эти понятия конкретным эмпирическим содержанием из ее долговременных полевых исследований. Например, дав развернутое определение понятий «агрогеосистемы (агроландшафты)», «элементарный агроландшафт», автор показала, как изучение эволюции агроланд-

шафтов Нечерноземья дало возможность выявить и описать такие их исторические типы, как поречья, поозерья, ополья, а также водораздельные, «островные» и другие типы ландшафтов. Автор демонстрирует на протяжении всего своего исследования, как часто именно природные факторы оказываются лимитирующими в организации и эволюции агроландшафтов. В свою очередь, эти лимитирующие факторы распадаются на два агроприродных тренда: климатический и геологический. В их взаимодействии выделяются пять макрозон. А внутри этих макрозон организация и эволюция различных исторических типов агроландшафтов исследована на разнообразных эмпирических примерах уровня локальных агроландшафтов. Образцами детальной проработанности анализа агроландшафтов Нечерноземья являются деревня Крестовая, Валдайская возвышенность, а также малый город Каргополь и прилегающий к нему «Окологород». В результате эти два кейса «Каргопольская сушь» и «водораздельный Валдайский тип» подвергнуты оригинальному математическому моделированию организации исторических типов агроландшафтов вместе с их системой сельского расселения.

Хотя исследование Трапезниковой все же преимущественно географическое, тем не менее представленные географические изыскания постоянно поверяются анализом различных исторических источников и исследований, так, например, в случае каргопольского кейса автор очень удачно использует уникальные исторические данные, собранные и опубликованные в книге Н.И. Тормосовой «Каргополье: история исчезнувших волостей»².

Книга на примере комплексного исследования различных регионов российского Нечерноземья убедительно демонстрирует, что так называемый агроландшафт есть результат своеобразного компромисса между косностью природы и упорством человека-земледельца. Агроландшафты Нечерноземья туго поддаются вообще переменам, а уж тем более стремительным и легковесным реформаторским наскокам, обладая собственной неспешной исторической динамикой³.

В книге ставится вопрос и о перспективах дальнейшего возможного освоения и ре-освоения агроландшафтов северного Нечерноземья. Трапезникова в целом соглашается с прогнозом, что в условиях глобального потепления из-за возрастающей засушливости южных регионов сельское хозяйство будет сдвигаться все дальше на Север России. Все это может означать, что в этом веке начнется очередная часть драмы взаимодействия человеческого социума

2. Тормосова Н.И. (2011). Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь: Каргопольский музей.

3. Никулин А.М. (2017). Переосмысливая сельское развитие Русского Севера через идеи А.В. Чаянова и Б.Д. Бруцкуса // Региональные исследования. № 4 (58). С. 137–147.

и его новейших технологий во взаимодействии лесными пространствами Русского Севера в мало изменяющихся декорациях сцен агроландшафтов Нечерноземья.

187

Е.С. Никulina

Тайны агро-

ландшафтов

Нечерноземья

Secrets of the agricultural landscapes in the Non-Black-Earth Region

Trapeznikova O.N. Paradoxes of Northern Agriculture: History and Geography of the Agricultural Landscapes in the Forest Zone of the East-European Plain. Moscow: GEOS, 2019. 254 p.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

Сталинская коллективизация — взгляд 90 лет спустя

К.П. Обозный

Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук, доцент
Свято-Филаретовского православно-христианского института. 105062 Москва,
ул. Покровка, 29. E-mail: history@sfi.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-188-197

Свято-Филаретовский православно-христианский институт при участии научно-исследовательского центра им. А.В. Чаянова Московской высшей школы социальных и экономических наук организовал и 12 ноября 2020 года успешно провел научную всероссийскую онлайн-конференцию, посвященную трагической дате — 90-летию начала массового раскулачивания в СССР.

30 января 1930 года члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным приняли постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В соответствии с решением руководителей ВКП(б) «кулацкий актив» подлежал заключению в концлагеря или расстрелу, прочие «кулацкие элементы» — депортациям вместе с семьями в отдаленные районы СССР или выселению за пределы родных сел и деревень. Для населения бывших казачьих областей сталинская коллективизация становилось продолжением ленинской политики расказачивания времен Гражданской войны.

Коллективизация, раскулачивание и вызванный ими голод 1932–1933 годов привели к гибели миллионов крестьян. Раскулачивание сопровождалось ликвидацией сельской церковной жизни, ужесточением репрессивной политики в городах против научной интеллигенции, «социально чуждых» элементов и «бывших» людей, а также всплеском антибольшевистского сопротивления вплоть до вооруженных восстаний в разных регионах СССР.

Социально-политические процессы, начавшиеся в 1930-м году, несомненно, заслуживают детального анализа, поскольку они, затрагивая не только экономические и социальные, но и духовные основы жизни России, в основном крестьянской, коренным образом изменили ее пространство. В ходе работы конференции «Сталинская коллективизация: актуальные проблемы» планировалось обсудить такие темы, как:

— Соппротивление коллективизации и большевистской власти в 1930–1932 годах.

— Православная Российская Церковь в период коллективизации в 1929–1932 годах.

— Судьбы раскулаченных и спецпоселенцев в 1930–1932 годах.

На приглашение к участию в конференции откликнулись крупные специалисты в области истории из России, Беларуси, Литвы и Германии. Были представлены университеты и научно-исследовательские центры: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Институт Российской истории РАН (Москва), Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС (Саратов), Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН (Тобольск Тюменской области), Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь), Европейский университет (Вильнюс, Литва), Билефельдский университет (Германия).

Перед началом работы конференции с приветственным словом выступили ректор СФИ *А.Б. Мазуров* и директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН *А.М. Никулин*. Выступавшие подчеркнули актуальность и злободневность темы конференции, а также сформулировали главный вопрос: почему коллективизация в сталинском варианте победила?

Открывалось утреннее заседание докладом *А.М. Никулина* «Чаянов и Сталин: сопоставляя две концепции коллективизации». В этом выступлении была проанализирована логика сталинского варианта коллективизации, а также обозначена альтернативная чаяновская линия развития сельского хозяйства, которая имела определенные шансы на успешную реализацию. На основе письменных трудов и публичных выступлений (с 1918 по 1930 год) Сталина и Чаянова удалось показать принципиальную разницу двух моделей коллективизации, что было связано с серьезным внутренним личностным различием этих двух исторических персонажей: Сталин (партия большевиков) — грубый эмпирик и сторонник насильственных методов достижения поставленной цели, Чаянов (беспартийный, сочувствующий политически умеренным народническим направлениям) — академический ученый, социальный футуролог и просветитель в области сельского развития. Чаянов предлагал развивать экономику крестьянских домохозяйств через добровольные крестьянские союзы-кооперативы, вертикально интегрирующие, объединяющие, обобществляющие отдельные отрасли крестьянских производств, но оставляющие за самими крестьянами свободу выбора приоритетов их хозяйственной деятельности в многоукладной экономике Советской России. Такая система представлялась Чаянову оптимально экономически эффективной и социально справедливой.

Реализовавшаяся на практике насильственная коллективизация — не чаяновская вертикальная демократическая, а сталинская горизонтальная бюрократическая кооперация крестьянства — привела к огосударствлению ресурсов села ради усиления власти номенклатуры, создав низкоэффективную, построенную на внеэкономическом принуждении колхозную систему СССР. Никулин постарался раскрыть динамику взглядов и способы выражения подходов к вопросу аграрных преобразований у Сталина и Чаянова. Сталин еще в годы Гражданской войны, находясь в Царицыне, приобрел опыт практического решения крестьянского вопроса, участвуя в насильственном изъятии хлеба у крестьян. Если в первой половине 1920-х он удерживал себя от откровенных высказываний в пользу подавления крестьянства, то начиная с 1928 года линия партии, нацеленная на то, чтобы крестьян поставить под жесткий диктат бюрократии, была им четко артикулирована. К началу 1930 года стало очевидно, что цель сталинской коллективизации состояла прежде всего в усилении власти коммунистической партии в деревне ради безжалостного изъятия из нее ресурсов для форсированной модернизации экономики СССР. Крестьянство в это время оставалось последним серьезным препятствием для воплощения идей Сталина о тотальном огосударствлении России, а значит, должно было подвергнуться разгрому и жесточайшему подавлению. Профессор Чаянов в конце 1920-х годов отказался принимать участие в исследовании колхозной темы, поскольку она являлась фактически воплощением политики государственного насилия над крестьянством. Он переключился на изучение проектирования крупных государственных аграрно-индустриальных хозяйств (совхозов). Тем не менее вину за трудности проведения коллективизации и сопротивление ей крестьянства идеологи коммунистов во главе со Сталиным постарались поскорее переложить на распространение в деревне «вредительских мелкобуржуазных идей» Чаянова и его коллег — замечательных ученых-аграрников, представителей славной школы земских статистиков и агрономов.

Истеричная кампания идеологических обвинений и угроз в адрес чаяновцев в 1930 году привела к аресту Чаянова и его единомышленников с обвинениями их в подготовке кулацких восстаний и сопротивлении сталинской политики коллективизации. Таким образом, планы Чаянова на культурное и кооперативное строительство многоукладной экономики страны оказались окончательно разрушенными. Из тюрьмы ярославского политизолятора в 1934 году его отправили в политическую ссылку в Казахстан, а затем расстреляли 3 октября 1937 года в Алма-Ате.

Второй доклад «Социально-политические причины сталинской коллективизации» был сделан доцентом СФИ к.и.н. *К.М. Александровым* (Санкт-Петербург). Отчасти здесь прозвучали тезисы, сходные с теми, которые были отмечены в первом докладе, но Алек-

сандров больше внимания уделил статистике и последствиям кампании по раскулачиванию. Число общих жертв коллективизации в 1930–1933 годах выступающий оценил в семь с половиной миллионов человек. Были отмечены потери в различных отраслях сельского хозяйства, значительное падение показателей вырабатываемой продукции на душу населения. Размеры вооруженного сопротивления крестьянства в эти годы также превосходили уровень антибольшевистских сил в 1918–1920 годах по числу участников почти в пять раз. Недаром крестьянские восстания, спровоцированные кампанией раскулачивания, некоторые исследователи называют «второй гражданской войной». Высокий процент пленных красноармейцев в первые недели войны в 1941 году Кирилл Александров также связывает с последствиями насильственной коллективизации. Большинство воинов Красной армии были из крестьянского сословия, а значит, подавляющее большинство красноармейцев и их ближайшие родственники так или иначе испытали государственное насилие в период массовой коллективизации. Тот факт, что в годы войны снабжение СССР продовольствием в основном происходило за счет поставок союзников, косвенно свидетельствует об экономической неэффективности колхозного строя. Таким образом, Александров приходит к выводу, что причины сталинской коллективизации имеют прежде всего политическую подоплеку. Приоритетом для Сталина была защита власти коммунистической партии, защита привилегий партийной и советской номенклатуры. В народе же после разгромных итогов коллективизации аббревиатуру ВКП(б) прочитывали как всероссийское крепостное право большевиков. В 1934 году на XVII съезде коммунистической партии, вошедшем в историю как «съезд победителей», Сталин объявил об успешном решении зерновой проблемы, что означало окончательный разгром свободного крестьянского хозяйства в России и завершение Русской революции как таковой.

Теме крестьянских восстаний был посвящен доклад д.и.н. *А.В. Посадского* (Саратов) «Крестьянское сопротивление 1920–1921 и 1929–1932 годов: возможности сопоставления». В своем выступлении Посадский мастерски показал общие и различные черты двух волн крестьянских антибольшевистских бунтов. Начавшись еще на фоне Гражданской войны, крестьянские восстания не затихли и после 1920 года. Они продолжались под политическими лозунгами, в том числе: «Советы без коммунистов». Нередко восставших крестьян захватывали анархические настроения, в некоторых регионах на смену стихийным бунтам приходит «зеленое» движение. В Западно-Сибирском регионе были отмечены восстания красных командиров, поддержавших недовольство на селе. В отдельных местах во главе крестьянских восстаний оказывались представители партии эсеров, хотя в 1920–1921 годах это, по мнению автора доклада, уже не имело политического значения. После небольшого перерыва (не более четырех лет), связанного с НЭПом, вос-

стания крестьян возобновились. В конце 1920-х годов они стали более осторожными, без увлечения анархическими идеями. Случалось, что во главе восставших оказывались красные партизаны (герои Гражданской войны), представители номенклатуры и даже сотрудники ОГПУ (Фрол Добытин на Алтае). Наблюдался переход к тактике индивидуального террора против активистов колхозного строительства. Особая специфика проявилась в том, что важное место занимает религиозное сопротивление. Примечательно, что восстания периода коллективизации также подавлялись в некоторых случаях отрядами ОГПУ и регулярными частями Красной армии. Но командиры и партийное руководство действуют более осторожно и в каких-то случаях лояльнее к крестьянству в целом. При этом в военных сводках действия частей Красной армии районы, зараженные «бандитизмом», называли техническим термином «оккупация». Таким образом, области, охваченные крестьянскими волнениями, подвергались оккупации Красной армией. Хотя восстания 1929–1932 годов отличались настроением обреченности и неверием в окончательный успех, однако и в одном (1920–1921 гг.), и в другом (1930–1932 гг.) случае крестьянское сопротивление было сломлено в первую очередь голодом.

В завершение утренней части конференции с докладом на тему «Духовное осмысление коллективизации: опыт оккупированных территорий РСФСР 1941–1944 годов» выступил к.и.н. *И.В. Петров* (Санкт-Петербург). Выступление петербургского исследователя задало новую тему конференции — духовное значение сталинской коллективизации и ее восприятие в условиях немецкой оккупации. Особое место в своем выступлении Петров уделил отношению к коллективизации православного духовенства, которое служило на занятых немецкими войсками советских территориях. При этом исследователь отметил, что духовенство дореволюционной формации довольно активно участвовало в нацистской пропаганде, основной мишенью которой была советская колхозная и религиозная политика. Духовенство выступало в коллаборационистской печати, обращалось с соответствующими проповедями и служило молебны в честь освобождения от большевизма и наступившей свободы в области церковной и аграрной жизни мирного населения. Весной 1942 года с особым подъемом прошла антиколхозная пропагандистская акция Восточного министерства, которая была объявлена земельной реформой. По мнению докладчика, реальных результатов эта акция не принесла. Хотя в тех районах, где колхозный строй был ликвидирован, экономическое положение крестьянских хозяйств стало гораздо устойчивее, чем в предвоенные годы. После освобождения советских территорий от немецких войск многие священнослужители подверглись репрессиям по политическим статьям. Одним из обвинений было участие в нацистской пропаганде и выступления на антиколхозные темы.

Перед перерывом состоялась первая дискуссия, в которой активное участие приняли профессор Билефельдского универси-

тета *Штефан Мерль*, ведущий конференции К.М. Александров и А.М. Никулин.

Вторая часть конференции открывалась докладом специалиста из Европейского университета в Вильнюсе к.и.н. *И.Н. Романовой* (Минск) «Коллективизация в БССР». Ее выступление было сосредоточено на процессах коллективизации и раскулачивания в той части Белоруссии, которая входила в состав Советского Союза в 1920–1930-е годы. Были представлены различные подходы в современной историографии к проблеме в целом и по статистическим данным в частности. Выступающая также выделила основные очаги сопротивления в Белоруссии — в первую очередь южные районы (Мозырь). Здесь была своя специфика, выразившаяся в так называемых бабьих бунтах, когда ядро стихийного сопротивления составляли преимущественно крестьянки. Это связано с особенностями судебной системы — выступления мужчин квалифицировалось не только как антисоветская деятельность, но и как бандитизм, что влекло за собой жестокое наказание вплоть до расстрела, а значит, и потерю рабочих рук в деревне. В 1932 году зафиксирован пик выступлений в белорусских областях — 300 восстаний и массовые случаи арестов. Наряду с открытыми бунтами было распространено вредительство, нередко встречалась порча зерна и сельхозпродукции.

Колхозная система спровоцировала голод, участились воровство и случаи самосуда. Особенно пострадали от голода Гомельская область и районы Могилевской области. К середине 1930-х остро ощущался дефицит рабочих рук. В некоторых случаях на один крестьянский двор приходилось до 30–50 га земли, которые малолюдным семьям, особенно после массовых арестов мужской части населения, невозможно было обрабатывать. Характерным для этого региона являются процессы миграции населения. Из белорусских областей мигрировали на Украину, а в период тяжелейшего голода 1932 года украинцы приезжали за хлебом в области БССР. В 1937–1938 годах судебные процессы над крестьянами и колхозниками проводили сельсоветы на местах, и заканчивались они нередко вынесением высшей меры наказания. Подводя итог своего выступления, Романова обозначила не только крах колхозных планов в Белоруссии, но и серьезные потери человеческих ресурсов в этом регионе — 260 тыс. человек в эти годы подверглись так называемой кулацкой высылке, и более 600 тыс. человек репрессировано.

Тему коллективизации в белорусском регионе продолжил доклад к.и.н. *В.А. Белозоровича* (Гродно) «Особенности коллективизации в западных областях Белоруссии (1939–1952)». Как видно из названия доклада, основное внимание в нем сосредоточено на специфике региона, долгое время находившегося в составе Польского государства. В полном смысле слова о сталинской коллективизации в западных областях Белоруссии можно говорить только с 1945 года. Сельское хозяйство в западно-белорусских землях, по словам Бе-

К.П. Обозный
Сталинская коллективизация — взгляд 90 лет спустя

лозоровича, «пережило две школы капитализма» — Столыпинские реформы и преобразования правительства Пилсудского, направленные на хуторизацию крестьянских дворов. В результате накануне Второй мировой войны 70% составлял хуторной способ хозяйствования (в основном это малоземельные хозяйства — не более 10 га на человека). В 1939 году белорусские крестьяне положительно встретили установление советской власти. Первые депортации местного населения начались в декабре 1939 года, но в основном они не захватили белорусских крестьян. Репрессии затронули зажиточные слои в лице осадников и их семей (осадники — польские колонисты, граждане Речи Посполитой, получившие после 1921 года земельные наделы в западных областях Украины и Белоруссии, вошедших в состав Польши, с целью колонизации этих территорий). Как правило, это были поляки-католики. К февралю 1940 года около 90% семейств осадников было депортировано в Сибирь. Землю репрессированных поляков (около 1 млн га) распределили среди белорусских крестьян, хотя эти действия проблему земельного дефицита не решили. Католическая церковь поддерживала осадников и поляков, тем самым занимала антисоветскую позицию. Дело дошло до бойкотирования выборов в советские органы власти весной 1940 года.

Первые колхозы в этом регионе были организованы осенью 1939 года. К июню 1941 года насчитывалось 1115 колхозов, которые охватили всего 6,7% от общего числа крестьянских дворов в Западной Белоруссии. Как правило, в колхозы вступали батраки, беднейшие крестьяне, а более зажиточные хозяева занимали выжидательную позицию. Советская власть пыталась начать наступление на кулацкие белорусские хозяйства путем обрезки земельных владений, но развитию этого плана помешала война и немецкая оккупация. В годы войны белорусские территории были поделены между разными зонами оккупации. Западные области вошли в состав Пруссии и здесь восстанавливались сельскохозяйственные общины, колхозы были распущены, а имущество и земли возвращались раскулаченным хозяевам (в основном полякам). В 1942 году ведомство А. Розенберга объявляет об аграрной реформе на занятых восточных территориях. Эти преобразования были особенно актуальны для центральных районов Белоруссии, входивших тогда в состав Рейхскомиссариата Ostland. Взамен колхозному строю приходит община. На развитие социально-экономических процессов существенное влияние оказывал национальный фактор, так, в период оккупации в западных белорусских областях обостряются антипольские настроения, а с началом активных действий Армии Крайовы оккупационные власти удаляют из местных администраций поляков и делают большую ставку на белорусских жителей. Массовая коллективизация в Западной Белоруссии началась довольно поздно — в 1949 году. В основном попытки устройства колхозного строя были удачны, что объясняется тем, что советская власть

учитывала ошибки и просчеты довоенного времени, использовала опыт проведения коллективизации в БССР. Также это было связано с практическим отсутствием активного сопротивления. Большинство противников советской власти либо покинули Белоруссию в 1944 году, либо были репрессированы после освобождения Белоруссии от немецких войск. Около 70% кулацких семейств были высланы в Среднюю Азию.

Судьбам и положению спецпереселенцев в ходе кампании по раскулачиванию был посвящен доклад к.и.н. *Н.И. Загороднюк* (Тобольск) «Дислокация спецпосёлков в Тобольском округе Уральской области (по материалам окружного земельного управления)». Тобольский округ занимал 2/3 Уральской области, здесь проживали 192 тыс. человек, из них 54 тыс. в северных районах. Первые семьи переселенцев прибыли в Тобольский округ еще в 1929 году, но места для проживания высланных крестьян подготовлены не были (эта проблема сохранялась и в поздние годы). Максимальное число спецпоселков в Тобольском крае достигло 55, но примерно 30% чертежей и проектов поселков с развитой инфраструктурой остались только на бумаге (фальсификация) для отчетов в центр. В докладе были представлены некоторые подробности, касающиеся труда, быта, коммуникации спецпереселенцев. Основная занятость жителей спецпоселков была связана с работой в леспромхозе, на сплаве леса. Рыбтрест, как правило, не мог принять на работу более значительное число рабочих из-за неразвитости технологии и нехватки материальных средств. Нередким явлением были конкуренция и даже конфликты с местным населением, высокий уровень заболеваемости и смертности. Для многих переселенцев (Крым, Краснодарский и Ставропольский край) климат Тобольского края стал губительным: пик смертности пришелся на 1932–1933 годы. По некоторым данным, число спецпереселенцев в Тобольском округе в этот период достигало 10% от всего населения этих территорий, что, несомненно, повлияло на многие процессы развития региона в довоенный период.

Два выступления в завершающей части конференции были посвящены церковной тематике. Доклад к.и.н. *И.А. Курляндского* «Антирелигиозные циркуляры ОГПУ в годы «Великого перелома» (1929–1930)» опирался на документы, которые определенным образом формировали репрессивную политику советской власти на местах. Далеко не все циркуляры ОГПУ, направленные на подавление религиозной жизни, сегодня введены в научный оборот. Содержание некоторых известно по косвенным свидетельствам, а сами документы доступны в выдержках или фрагментах. Процессы коллективизации вызвали обострение ситуации в деревне, а это в свою очередь послужило для большевиков поводом объявить о единстве кулаков и «церковников» в антисоветской деятельности. Кроме «церковников» в циркулярах упоминаются «сектанты», также ведущие антиколхозную подрывную работу. Циркуляры ОГПУ

способствовали усилению натиска на религию, закрытие храмов, в первую очередь «тихоновской» ориентации, разгром сельхозартелей, которые возникали на основе ранее закрытых православных монастырей. Курляндский отметил, что в циркулярах ОГПУ перемешаны объективные факты и откровенная фальсификация. В целом можно говорить о крайней тенденциозности этих документов. Показательно то, что в текстах циркуляров проявлялось недоверие даже к той части православной церкви, которая пыталась приспособиться к советским условиям жизни, всячески подчеркивала свою лояльность коммунистической власти и последовательно проводила в жизнь идеи Декларации 1927 года. Этот факт свидетельствует о том, что в период коллективизации ставка на раскол и расшатывание церкви изнутри (1922–1927 годы) уходит в прошлое и большевистское правительство готовилось дать церкви и религии в СССР «последний бой».

Выступление к.и.н. *В.С. Батченко* (Москва) на тему «Письменные жалобы религиозных объединений начала 1930-х годов как исторический источник» подводило черту в работе конференции в формате докладов. Батченко, в отличие от своего старшего коллеги, сосредоточилась на документах, исходящих в основном от рядовых верующих, тех, кто не терял надежды на справедливое решение религиозных вопросов. Это довольно интересный и специфичный исторический источник, который обнаруживается, как правило, в фондах архивных материалов о закрытии храмов. «Письма во власть» исследователь расценивает как способ пассивного сопротивления, поскольку написанию письма предшествовала активная деятельность: собрание приходского актива, хождение по местным инстанциям и т.п. Автором этих писем была религиозная община, поэтому под текстом прошения могли быть десятки и даже сотни подписей. Эта особенность — коллективный характер писем — требовала рассмотрения жалоб и хотя бы формальной реакции. Письма могли быть монотематическими или политематическими, то есть просьба верующих касалась одной проблемы или целого комплекса вопросов, которые побуждали общину взяться за перо или карандаш. Характер письма зависел от степени грамотности ядра общины, от конфессиональной принадлежности и периода написания. Известны факты, когда происходил обмен опытом по написанию писем во власть между соседними общинами и попытками оперировать законодательными актами и юридическими понятиями. Многие жалобы были связаны с насильственным закрытием храмов, отъемом имущества и земли, финансовым давлением на клир и на приход в целом. Письма сельских приходов во власть в период коллективизации и раскулачивания свидетельствуют о массовом нарушении прав религиозных общин советскими властями на местах. Это не было «перегибом», в котором якобы повинны региональные власти, а именно проявлением политики ВКП(б) в отно-

шении кулаков и «церковников», что хорошо показывают секретные циркуляры ОГПУ того же времени.

Завершилась конференция общей дискуссией. Главными вопросами, на которые реагировали участники конференции — почему коллективизация в сталинском варианте победила? Почему сегодня наши соотечественники, в том числе из академической среды, весьма положительно оценивают сталинскую коллективизацию и кампанию по раскулачиванию? В ходе обсуждения не раз вспоминали вклад Теодора Шанина в изучение русского крестьянства и его оценки колхозного строительства в 1930–1933 годах. В частности, прозвучало меткое определение, которое Шанин дал главному инициатору тотальной коллективизации: «Сталин — великий крестьяноборец!» Во время дискуссии было высказано пожелание, чтобы подобные научные события приобрели ежегодный ритм, а также сформулированы темы по истории крестьянства в Советской России для дальнейшего исследования, обсуждения и презентации. Этот факт показал, что конференция прошла на высоком научном уровне и привлекла большое внимание. Можно отметить определенный интерес к ней в соцсетях — в Facebook и YouTube-канале число просмотров превысило три тысячи.

После закрытия конференции прозвучала краткая заупокойная молитва в память о жертвах коллективизации, раскулачивания и голода в 1929–1934 годах.

К.П. Обозный
Сталинская коллективизация — взгляд 90 лет спустя

Stalin's collectivization — 90 years later

Konstantin P. Obozny, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret Christian Orthodox Institute, Pokrovka St., 29, Moscow, 105062, Russia. E-mail: history@sfi.ru

Interdisciplinary panel on the Russian peasantry and notions of ‘Russianness’, at the Annual Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES), 8 November 2020

E. Fitzé

Eliane Fitzé, PhD candidate at the Chair of Slavic Literature, University of Fribourg (Switzerland). Rue du Criblet 13, 1700, Fribourg, Switzerland. E-mail: eliane.fitze@unifr.ch.

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-198-201

An interdisciplinary group of Russian, American and Swiss scholars held a panel entitled “Imagining Russia through the Country-side: The Russian Peasant and Notions of ‘Russianness’ Throughout History” at the 2020 Annual Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES). The convention, which should have taken place in Washington, was held online on 5-8 and 14-15 November.

The panel consisted of four presentations: by Maria Whittle (University of California, Berkeley), Dr. J. Alexander Ogden (University of South Carolina), Dr. Alexander Nikulin (RANEPA and MSSEES, Moscow) and Eliane Fitzé (University of Fribourg, Switzerland). The papers were commented by two discussants — Prof. Em. Kathleen Parthé (University of Rochester) and Dr. Irina Trotsuk (RUDN and RANEPA, Moscow).

The issues of the Russian peasantry and notions of ‘Russianness’ have accompanied each of us in our respective fields of research — from literary studies to sociology. Thus, the idea was to consider the phenomenon more broadly, in different perspectives, from the nineteenth century until today. Together, we discussed different ways in which the Russian peasant has served as a reference figure for speaking about identity, the country’s past, present and future. The general convention theme was “Anxiety and Rebellion”, which fitted the panel’s topic well: throughout the Russian history, the concept of rurality has enjoyed popularity through periods of anxiety, when the *malaia rodina* (‘little homeland’), the peasant family and its traditional way of life, and the village community were places of longing in times of change and uncertainty.

The panel started with the presentation on the nineteenth-century poet Aleksei Koltsov, to whom Alexander Ogden dedicated his paper "Anxieties of influence: The imagined *narod* in reception of A.V. Koltsov's literary imitations of folk verse". Koltsov was and is generally considered the most significant peasant poet of the nineteenth century. However, as Alexander Ogden showed, this attribution was not as self-evident as we might think: in fact, Koltsov was not even a peasant, but had grown up as part of the Voronezh *meshchanstvo* and followed in his father's footsteps by working as a *prazol*, a cattle dealer. Koltsov's contemporaries were well aware of this fact, but it did not stop them from believing in the purity and authenticity of Koltsov's peasant poetry, for he still stood very close to the *narod* in their perception. It was only after his death that this perception changed, and the peasant voices in his poetry were increasingly read as the poet's own voice. Thus began the posthumous fashioning of Koltsov as the most authentic and 'pure' peasant poet.

Moving chronologically, the panel turned to the early Soviet-Russian literature with Eliane Fitzé's presentation entitled "Reviving ruralness in post-revolutionary Russian literature: Aleksandr Chayanov's and Apollon Karelin's peasant utopias". The presenter took a closer look at Chayanov's *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia* (1920) and Karelin's *Russia in 1930* (1921). The ideological background to these two works could hardly differ more: Chayanov's utopia is a socialist peasant republic with strong peasant cooperatives and regulating state, while Karelin's utopia presents Russia in 1930 as an anarchist country without any statehood. Nevertheless, both authors imagine a future Russia as based on rural forms of living and working. To explain this, both utopias focus on peasant labor, real peasant work in the field, as well as economic features of peasant life. In the positive depiction of peasant labor, Russia's agrarian nature looks not as a hinderance in the country's path to a brighter future, but, on the contrary, as an asset.

Maria Whittle's paper was entitled "A synonym for salvation?: Siberian identity and national vision in late-Soviet village prose". She focused on Valentin Rasputin's 1983 essay "Siberia without the Romance" as a case for exemplifying the complex dynamics of regional identity and national belonging in the Siberian village prose. As Maria Whittle showed, it was exactly by focusing on regional experience that Rasputin envisioned possible paths to the future for Russia: literature becomes a means of access to a feeling of reverence for Russia's natural riches for the reader alienated from nature. By this feeling, Rasputin invites the observer to participate in the perception from within, to self-identify with rural Russia, to experience Russianness through literature.

Alexander Nikulin talked about his empirical research and notions of peasantness in his presentation "Imagined peasantry in contemporary Russia". Even though peasants in the traditional sense had dis-

appeared from Russia's countryside during the tragic events of the twentieth century, the last decades have shown a renewed interest in the peasantry. Indeed, different social strata of the Russian society have been expressing sympathy to the peasantry — in monuments, mass media and folklore. However, a closer look at these phenomena reveals that there is little interest in the development of the countryside. Rather the peasantry, or ruralness in general, is instrumentalized for political goals (such as to win local or regional elections) or economic gain (such as when the large agribusiness presents its industrial products as if produced by idyllic rural family farms). At the same time, Alexander Nikulin's field work shows attempts of revitalizing the peasantry, such as the increasingly self-confident dacha movement, development of eco-farms that try to rediscover traditional peasant technologies and combine them with new technologies, or the growing interest in rural local lore and booming agritourism. Alexander Nikulin believes that future developments will run along the same vein: there is a growing number of eco-villages, a boom in traditional rural architecture, and dreams of regional self-government and self-representation. Thus, contemporary Russia not only tries to remember rural traditions and imitate the peasantry, but also to reinvent and discover new ways of peasant development in its countryside.

Both discussants welcomed all four papers and presentations. Kathleen Parthé, whose feedback was received before the session, considered the papers from a literary point of view and re-embedded them in the respective literary and cultural contexts based on her immense knowledge of the Russian literature in general and of the peasant theme in literature in particular. Especially fruitful were her insights on Alexander Herzen's works as linked to both Chayanov's utopia and receptions of Koltsov. Moreover, her comments reassured the presenters' findings and substantiated them with her profound knowledge of village life and of how literature tries to evoke genuine Russianness in different ways. Irina Trotsuk identified three 'dimensions' in the issue of Russianness and peasantness in contemporary Russia: political-economic, social-economic, and cultural. She situated all four presentations within these three dimensions and drew parallels between them and today's discourses on the Russian countryside, for example, on the way in which authenticity and 'knowing *the people*' is still as important in the perception of official figures as it was during the time of Koltsov's life and work.

The panel ended with a fruitful (and still ongoing) discussion on the role of the peasantry in imagining the Russian nation. All participants agreed that this discussion could be led only from different points of views, and in different disciplinary perspectives. The reason is the complex nature of the 'imagined community' (Benedict Anderson) of Russia. Over centuries, the debates on Russianness have taken place only in the sphere of culture, which is why literature still serves as a valuable access to the peasant theme and its significance

for discussing the Russian national identity. However, literary studies rely on other disciplines in order to access questions that are framed poetically but go back to matters of other fields of research, such as social anthropology, sociology or history. Therefore, the panel's participants would like to pursue this interdisciplinary approach combining literary studies and sociology in order to understand the relationship between Russianness and ruralness on its different levels and in its different meanings.

Междисциплинарная секция, посвященная российскому крестьянству и трактовкам «русскости», на Ежегодной конференции Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES), 8 ноября 2020 года

Элиан Фитзе, аспирант кафедры славянской литературы в Университете Фрибург (Швейцария). Рю ду Крибле 13, 1700, Фрибург, Швейцария. E-mail: eliane.fitze@unifr.ch.

E. Fitzé

Interdisciplinary panel on the Russian peasantry and notions of 'Russianness', at the Annual Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES), 8 November 2020

ТЕОРИЯ

Афанасенков В. Зерновое производство губерний Сибири (конец XIX — начало XX в.). К разработке относительных показателей урожайной статистики ЦСК МВД №3

Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры №1

Bernstein H. Shanin, Chayanov and peasant studies of Russia and beyond №4

Chayanov A. Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 1) №1

Chayanov A. Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 2) №2

Worobec C.D. The influences of A.V. Chayanov and Teodor Shanin on the English-language historiography of peasants №4

Круглый стол «Памяти Теодора Шанина» №4

ИСТОРИЯ

Гордеева И.А. «Малые дела» в российском коммунитарном движении №2

Зверев В.В. «Последний поклон» В.П. Астафьева и основы крестьянского мира №4

Кузнецов И.А. Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов №1

Merl S. Agricultural reforms in Russia since 1856 to present: Its successes and failures in international comparison №2

Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953-1986) №4

Павлюкевич Р.В., Васютин И.А. Динамика численности трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Красноярского края в эпоху преобразований Н.С. Хрущева №4

Савинова Т.А. Вятское земство и исследования статистика Н.Н. Романова №4

Савинова Т.А. «...Мысль невольно ищет выхода из создавшегося положения, стремясь абсолютный недостаток сельскохозяйственных машин восполнить повышением коэффициента их использования» №1

К 90-ЛЕТИЮ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Кузнецов И.А. Предпосылки коллективизации сельского хозяйства в СССР №3

Александров К.М. Берегись! Зашибем!». К вопросу о социально-политических причинах сталинской коллективизации №3

Обозный К.П. Православная церковь в СССР накануне коллективизации №3

СОВРЕМЕННОСТЬ

Божков О.Б., Троцук И.В. Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона №4

Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулина Е.С. Экология сельского мира как предмет социологического исследования №1

Гусаков Т.Ю. Сельский Крым и его агрохолдинги №2

Зауэр С., Месзарос Дж. Борьба за землю во времена правления Бразильской партии трудящихся №1

Kim Chang Jin. Korean modernization and peasant mobilization in the 1960s and 1970s №3

Лепетюхина Я., Нерода М. Жилищное товарищество Uferwerk, или Реализация социальной утопии №2

Рогова М.В. Территориальная трансформация прибрежных поселений и их окрестностей №2

Смирнова А. Свет, вода и детские площадки: проекты местных инициатив в Тверской области как отражение проблем территории №2

Фадеева О., Нефедкин В. Неформальное государственно-частное партнерство как инициатива снизу: сельские кейсы №3

Эфендиева Т.Ж. Инновации в сельских школах Кабардино-Балкарии №4

ИНТЕРВЬЮ С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Алексеев А.И., Никулин А.М. «В географии всегда была «тоска по комплексности»...» №1

Докторов Б.З., Никулин А.М. Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия №3

Лисичкин Г.С., Пугачева М.Г., Ярмолук С.Ф. «Я хотел повернуть внимание общества к сельскому хозяйству» №2

РЕЦЕНЗИИ

Бабашкин В.В. Уроки Кулунды №2

Бабашкин В.В. «Коммуне не быть покоренной» №3

Куракин А.А. Повседневность российского села №3

Никулин А.М. Миры северных крестьянских промыслов №1

Никулина Е.С. Тайны агроландшафтов Нечерноземья №4

Троцук И.В. Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения №2

IN MEMORIAM

Галина Александровна Ястребинская №1

Фадеева О.П., Виноградский В.Г., Бабашкин В.В., Кондрашин В.В., Рыжанкова О.В., Штейнберг И.Е. Вспоминая Тедора Шанина №1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обозный К.П. Сталинская коллективизация — взгляд 90 лет спустя №4

Овчинцева Л.А. Умный помощник сельскому развитию №3

Полецук И.К. Инновационное развитие в России: Agriculture 4.0 №2

Fitzé E. Interdisciplinary panel on the Russian peasantry and notions of 'Russianness', at the Annual Convention of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES), 8 November 2020 №4

THEORY

Afanasenkov V.O. Grain production in the provinces of Siberia (in the late 19th — early 20th centuries). On the relative indicators of yield statistics developed by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs №3

Bernstein H. Shanin, Chayanov and peasant studies of Russia and beyond №4

Chayanov A. Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 1) №1

Chayanov A. Main Ideas and Methods of Social Agronomy (Part 2) №2

Vorbrugg A. Ethnographies of slow violence: Studying the effects of rural disintegration №1

Worobec C.D. The influences of A.V. Chayanov and Teodor Shanin on the English-language historiography of peasants in the Russian Empire №4

Round table in memory of Teodor Shanin: №4

HISTORY

Gordeeva I.A. “Small deeds” in the Russian communitarian movement №2

Kuznetsov I.A. Production of grains and potatoes per capita in European Russia in 1883–1913: Regional dynamics №1

Merl S. Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective №2

Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986) №4

Pavlyukevich R.V., Vasyutin I.A. Dynamics of the number of labor resources in the Krasnoyarsk Region agriculture under N.S. Khrushchev’s transformations №4

Savinova T.A. “...The mind involuntarily seeks a way out of the situation and tries to fill the absolute scarcity of agricultural machinery with the increasing utilization rate” №1

Savinova T.A. Vyatka zemstvo and studies of the statistician N.N. Romanov №4

Zverev V.V. ‘Last greetings’ from V.P. Astafiev and foundations of the peasant world №4

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF COLLECTIVIZATION №3

Kuznetsov I.A. Prerequisites for the collectivization of agriculture

- in the USSR №3 *Alexandrov K.M.* “Look out or you’ll be harmed!”. On the social-political reasons for Stalin’s collectivization №3
Obozny K.P. Orthodox Church in the USSR on the eve of collectivization №3

THE PRESENT TIME

- Bozhkov O.B., Trotsuk I.V.* Post-Soviet farmers’ international in the agriculture of the North-West Region №4
Efendieva T.Zh. Innovations in rural schools of Kabardino-Balkaria №4
Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. Informal public-private partnership as an initiative from below: Rural cases №3
Gusakov T.Yu. Rural Crimea and its agroholdings №2
Sauer S., Mesaros G. Land struggle in Brazil under the Workers’ Party governments №1
Kim Chang Jin. Korean modernization and peasant mobilization in the 1960s and 1970s №3
Lepetyukhina Ya., Neroda M. Uferwerk partnership, or implementation of social utopia №2
Rogova M.V. Territorial transformation of coastal settlements and their neighborhood №2
Smirnova A.A. Light, water and playgrounds: Local initiatives in the Tver Region as reflecting the territorial challenges №2
Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya., Nikulina E.S. Ecology of the rural world as an object of sociological research №1

INTERVIEWS

- Alekseev A.I., Nikulin A.M.* Geography has always ‘yearned for complexity’ №1
Doctorov B.Z., Nikulin A.M. Teodor Shanin: Peasant Studies and Russia №3
Lisichkin G.S., Pugacheva M.G., Yarmolyuk S.F. “I wanted to draw the society’s attention to agriculture” №2

REVIEWS

- Babashkin V.V.* “The commune cannot be conquered” №3
Babashkin V.V. Lessons of Kulunda №2
Kurakin A.A. Daily routine of the Russian village №3
Nikulin A.M. Worlds of the northern peasant crafts №1
Nikulina E.S. Secrets of the agricultural landscapes in the Non-Black-Earth Region №4
Trotsuk I.V. The social-economic meaning of culture: Conceptual and methodological findings of an imperfect observation №2

SCIENTIFIC LIFE

- Fitzé E.* Interdisciplinary panel on the Russian peasantry and notions of ‘Russianness’, at the Annual Convention of the Association

for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES), 207
8 November 2020 №4

Obozny K.P. Stalin's collectivization — 90 years later №4

Ovchintseva L.A. Smart assistant for rural development №3

Poleshchuk I.K. Innovative development in Russia: Agriculture
4.0 №2

IN MEMORIAM

*Fadeeva O.P., Vinogradsky V.G., Babashkin V.V., Kondrashin
V.V., Ryzhankova O.V., Shteinberg I.E.* In memory of Teodor Shanin
№1

Galina Yastrebinskaya №1

Крестьяноведение

2020. Том 5. № 4

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 28.12.2020. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 816.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ